

Отказ от работы: теория и практика сопротивления работе

Дэвид Фрейн

Оглавление

Об авторе	5
Благодарности	6
Введение. Догма о работе	7
1: Провокация	13
Общество, ориентированное на работу	15
Что такое работа	17
Начало работы	20
Конец работы	24
Политика времени	27
2: Рабочие муки	33
Отчуждение и безразличие	34
Новая близость работы	37
Пределы автономии в труде	42
3: Колонизирующая сила работы	46
Свободное время	47
Давление трудоустройства	49
Евангелие потребления	55
4: Оплот труда	63
Демонизация неработающих	64
Вера в то, что работа - это лекарство	69
Соппротивление работе	73
5: Переломный момент	77
Прощай, Санта-Клаус	79
Бесполезная работа	85
Мини-утопия	91
Сломанное тело	94
Достойная этика	98
6: Альтернативные удовольствия	100
Непростые удовольствия	104
Наслаждение удовольствиями	109
Продуктивные удовольствия	112

7: Половина человека	119
Не выдержав морального испытания работой	120
Страшный вопрос	125
Изоляция и поддержка	128
8: От эскапизма к автономии	132
На пути к политике времени	136
Дорога вперед	142
Примечания	149
Библиография	155

Переведено каналом «антитруд.». Оригинальное название: 'The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work' by David Frayne

Об авторе

Дэвид Фрейн - преподаватель и социальный исследователь, работающий в Кардиффском университете. Его основные исследовательские интересы - культура потребления, социология счастья, альтернативное образование и радикальные взгляды на работу. X: @theworkdogma

Для Джен, которая любит жизнь

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить всех сотрудников Zed Books, особенно Кику Срока-Миллер и Кена Барлоу, за то, что они увидели потенциал в этом проекте и помогли воплотить его в жизнь. Я также хотел бы поблагодарить моих наставников Финна Боуринга и Ральфа Февра за их многолетнюю щедрость и руководство, а также ряд других людей, которые любезно прокомментировали мою работу, включая Ханну О'Махони, Грейс Краузе, Стюарта Тэннока, Франсуазу Голлэн, Гарета Уильямса и Кейт Сопер. Следует также признать, что эта книга была бы невозможна без искренности тех интервьюируемых, которые поделились своими взглядами и опытом, чтобы их можно было включить в книгу. Спасибо всем вам. Если говорить о близких, то я от всей души благодарю своих родителей, которые долгое время поддерживали мою учебу и чья поддержка была особенно полезна в последние несколько месяцев работы над книгой. Я также хотел бы поблагодарить моих хороших друзей - за то, что они обсуждали идеи, выслушивали мои жалобы или смиряли меня своим мастерством в видеоиграх. Вы знаете, кто вы, и ваша постоянная поддержка и дикое чувство юмора очень ценятся.

Этот мир - место для бизнеса. Какая бесконечная суета! Почти каждую ночь меня будит пыхтение локомотива. Он прерывает мои сны. Здесь нет шаббата. Как было бы здорово хоть раз увидеть человечество на отдыхе. Все только работа, работа, работа”.

Генри Торо - "Жизнь без принципов" (1962: 356)

Я не могу поверить, что это такая непрерывная работа – просто чтобы заработать на жизнь.

Аноним (ноябрь 2014)

Введение. Догма о работе

Сейчас восемь часов утра.

Когда вы выйдете, будет темно.

Солнце сегодня для вас не светит.

Приведенная выше цитата взята из фильма Элио Петри "Рабочий класс отправляется в рай" (1971). В фильме художественно описывается борьба итальянского автономистского движения - свободной коалиции студентов, рабочих, феминисток и безработных, протестовавших в Италии в 1960-х и 1970-х годах. Цитата - это лозунг, выкрикнутый через мегафон в восемь утра и предназначенный для ушей сотен рабочих, которые в это время входили в заводские ворота для очередного дня повторяющегося и опасного труда. Я привожу эту цитату как прекрасную иллюстрацию того, за что боролись автономисты. Их дело выходило за рамки традиционных требований профсоюзов о более справедливой оплате и лучших условиях труда. Они признавали необходимость большей свободы и равенства на работе, но также боролись за право рабочих вести более насыщенную жизнь вне работы. Автономисты протестовали против пустой траты времени, отсутствия разнообразия и чрезмерного администрирования жизни в капиталистическом обществе. Они боролись за право рабочих чувствовать солнце на своей коже, играть с детьми, развивать интересы и навыки за пределами фабрики и спокойно отдыхать по ночам. Можно сказать, что автономисты обращались не только к несправедливости эксплуатации, но и к снижению чувственного восприятия мира рабочими.

Зеркально отражая эту озабоченность, целый ряд социальных критиков (от авторов Франкфуртской школы до таких смежных критиков, как Андре Горц) поставили вопрос о работе с эмансипационной точки зрения, поддерживая видение социального прогресса, основанное на сокращении труда и увеличении свободного времени. Эти критики не отрицали важности труда и не отвергали многочисленные удовольствия, которые можно найти в продуктивной деятельности, но они предлагали, что сокращение труда может оставить людям больше времени и энергии для их собственного саморазвития. Эти критики работы вызвали интерес у своих читателей, указав на жертвы общества, ориентированного на работу: время для политики, созерцания, общения и спонтанных удовольствий, которые были вытеснены узкой направленностью капитализма на коммерческое производство и потребление. Для современных студентов, которые проходят через систему образования, ориентированную в основном на социализацию молодых людей для будущей работы, прочесть эти критические статьи - значит пройти обучение в желании и получить напоминание о том, что время можно провести иначе. Однако радикальный характер этих теорий привел к тому, что они заняли маргинальное положение в академических и общественных дискуссиях. В то время как такие важные вопросы, как неравенство

в оплате труда и плохие условия работы, по-прежнему обсуждаются, социальные менторы все реже задаются вопросом об этическом статусе работы как таковой.

Хотя это, безусловно, верно, альтернативное видение социального развития, подразумеваемое в призывах к менее ориентированному на работу будущему, в последнее время переживает скромное возрождение. Зайдите в любой книжный магазин, и наряду с книгами, обещающими научить читателя влиять на других, накапливать состояние и добиваться карьерного успеха, вы найдете полку с книгами, советующими читателю замедлиться, найти лучший "баланс между работой и жизнью" и искать счастья в меньшем потреблении. В контексте современного капиталистического общества, узко заикленного на работе и тратах, конечный посыл этих книг очень ценен, поскольку они отражают пульсирующее беспокойство по поводу того, как работа проникает в нашу жизнь и колонизирует ее. Однако если эти популярные критические статьи в конечном итоге оказали ограниченное влияние на приоритеты общества, то, возможно, потому, что они слишком сильно уклонились в жанр самопомощи. Их ошибка заключалась в том, что они рассматривали господство работы в первую очередь как проблему индивидуальных привычек, и справедливо будет сказать, что эти книги были более консервативны, когда речь заходила о системных экономических и политических изменениях, которые могли бы предложить людям более реальный выбор образа жизни.

Более многообещающим, чем застойная дискуссия о "балансе между работой и личной жизнью", является появление более смелой критики парадигмы экономического роста. Традиционно правительства рассматривают экономический рост и удовлетворенность жизнью как одно и то же, измеряя оба показателя через метрику валового внутреннего продукта (или ВВП) на душу населения. ВВП - это показатель, который количественно оценивает общую экономическую активность страны. Он отражает общий объем доходов и расходов, имевших место в определенном году, и негласно считается, что рост ВВП свидетельствует об общем повышении благосостояния страны. В то время как экономический рост, несомненно, имеет решающее значение для менее развитых стран, в которых не удовлетворяются потребности в средствах к существованию, ряд комментаторов в более богатых обществах ставят под сомнение ценность роста ВВП как социальной цели и показателя прогресса. В докладе, подготовленном в 2008 году по заказу бывшего президента Франции Николя Саркози, утверждается, что "настало время для того, чтобы наша система измерения сместила акцент с измерения экономического производства на измерение благосостояния людей" (Stiglitz et al., 2010). В докладе, среди прочего, подчеркивается важная роль здоровья, образования, взаимоотношений и окружающей среды для процветания человека, и это лишь одна запись в растущей базе данных, свидетельствующих о том, что счастье, безопасность и человеческий прогресс больше не будут беспроблемно вытекать из роста ВВП (см. Jackson, 2009).

Развивающаяся тревога по поводу уравнивания экономического роста с удовлетворенностью жизнью привела к тому, что социологи и даже некоторые экономисты вернулись к фундаментальному философскому вопросу о том, что значит жить хорошо. Критические комментаторы и новые социологи счастья вновь заговорили об *ars vitae* или "искусстве жить", и это неизбежно заставило их задаться вопросом, способствует ли нашему благополучию единодушное стремление капитализма к

экономическому росту. Некоторые из них опираются (надо сказать, не всегда убедительно) на статистические показатели субъективного благополучия людей, в то время как другие черпают вдохновение из более философских источников. Общей точкой отсчета является аристотелевское представление о хорошей жизни. Аристотель считал, что люди процветают, когда живут мудро, справедливо и в гармонии с миром. Согласно его понятию *eudaimonia*, чувство благополучия достигается не только через чувственное удовольствие, но и через такие вещи, как хорошее здоровье, безопасность, общение, автономия, чувство уважения и социального признания, а также чувство связи с обществом и окружающей средой. Все эти вещи важны, потому что люди - этические, социальные и творческие существа, а также органы чувств. Если постоянное стремление к ускорению экономического роста вызывает у многих беспокойство, то это отчасти связано с его явно антиаристотелевской фиксацией на материальной выгоде как пути к процветанию.

В эпоху материального изобилия кажется, что существует серьезное несоответствие между нашим стремлением к хорошей жизни и более узкой направленностью капитализма на постоянное расширение производства и потребления. Большинство людей жаждет больше свободного времени и больше инвестиций в социальные аспекты жизни, но растущее осознание этого факта мало что сделало для того, чтобы изменить основную политическую повестку дня. В Великобритании (в контексте которой я пишу), если не считать беглого интереса Лейбористской партии к балансу между работой и личной жизнью в середине 2000-х годов, вопрос о рабочем времени вообще исчез из повестки дня, заменившись фокусом на возможности трудоустройства и выращивании рабочей силы, которая обеспечит конкурентоспособность страны в глобальной экономике. Разрушение государства всеобщего благосостояния, в рамках которого в последнее время поэтапно вводятся все более жесткие санкции для неработающих, также значительно сократило возможности для сопротивления работе. Этическое превосходство работы кажется почти неприкосновенным. Оплачиваемая работа продолжает пропагандироваться как жизненно важный источник хорошего здоровья и характера, средства массовой информации продолжают навязчиво демонизировать неработающего "бездельника", а старомодная трудовая этика сохраняет свою опору в политике, направленной на то, чтобы заставить людей отказаться от социального обеспечения и начать работать.

В этом политическом контексте моя главная цель в этой книге - утверждать, что пришло время бросить вызов трудоцентричности современного общества. В нынешнем виде работа представляет собой в высшей степени натурализованную и принятую на веру черту повседневной жизни. Догматическая природа работы раскрывается, когда мы рассматриваем необычайную устойчивость ее этического статуса даже перед лицом некоторых весьма тревожных реалий. Подумайте о том, что современный рынок труда не поспевает за желанием иметь работу, которая позволяет самовыражаться и заниматься творчеством. Работа, приносящая удовлетворение, - это фантазия, в которую нас всех учили верить с тех пор, как наши учителя и родители спросили нас, кем мы хотим "быть", когда вырастем. Однако большинство из нас сталкиваются с ограниченными возможностями реализовать свои амбиции в мире оплачиваемой работы - мире, характерными чертами которого зачастую являются рутина, подчинение и изнурение. Вызывает недоумение и тот факт, что этический

статус работы до сих пор не подвергся существенной дестабилизации в результате распада нашего рынка труда. Массовая безработица, отсутствие гарантий занятости и низкооплачиваемый труд превращают занятость во все более ненадежный источник дохода, прав и принадлежности. Ортодоксальным политическим решением этой ситуации является "создание рабочих мест": изобретение работы путем увеличения объемов производства и расширения экономики за счет новых секторов. Однако, как отмечает целый ряд заинтересованных ученых и экономистов, постоянный рост не только вряд ли решит проблему, но и влечет за собой тревожные последствия для психики и общества. Наконец, догматический статус работы становится понятным, если мы рассмотрим степень, до которой мы бессознательно смирились с растущим доминированием работы в нашей повседневной жизни. Работа все чаще проникает в наши дома, воздействуя на наши эмоции и личность в невиданных ранее масштабах. По мере того как этика упорного труда вновь сжимает свои тиски, возможность трудоустройства становится мотивирующей силой наших амбиций, взаимодействия и системы образования. Побочным эффектом этого является то, что мы, как общество, возможно, теряем контроль над критериями, по которым деятельность считается стоящей и значимой, даже если она не способствует трудоустройству или удовлетворению потребностей экономики. Те виды деятельности и отношения, которые невозможно защитить с точки зрения экономического вклада, обесцениваются и игнорируются.

Удивительно, что ни одна из этих тревожных реальностей не привела к серьезной общественной дискуссии о том, почему мы работаем и как работа должна быть социально распределена. В конечном итоге к написанию этой книги меня подтолкнуло чувство обеспокоенности тем, что эти насущные проблемы - от сомнительного качества работы до социальной незащищенности и растущего доминирования работы в нашей повседневной жизни - не смогли дестабилизировать центральное место работы в основных политических представлениях о будущем. Шторм, возможно, и поднимается, но догма о работе все еще надежно прячется в своем бункере. В этом тревожном контексте существует настоятельная необходимость подвергнуть сомнению некоторые из привычных реалий сегодняшнего общества, ориентированного на работу, рассмотреть альтернативные способы удовлетворения потребностей, которые обычно ищут в работе, и подумать о том, могут ли существовать более справедливые и освобождающие способы распределения рабочего и свободного времени. В первых четырех главах этой книги я решаю эту задачу в основном на теоретическом уровне. Однако в последующих частях книги я перехожу к исследованию жизни реальных людей, которые пытались противостоять работе.

В период с 2009 по 2014 год я общался с людьми, которые предпринимали значительные шаги, чтобы уменьшить присутствие работы в своей жизни. Некоторые из них сократили свой рабочий день, а другие и вовсе отказались от работы. Я хотел понять, что побудило их противостоять работе, выяснить, чем они занимают свое время, и глубже понять удовольствия и трудности, с которыми можно столкнуться в процессе отказа. С самого начала стоит отметить относительную "обычность" людей, с которыми я встречался. Я использую слово "обычный" с осторожностью. Я хочу подчеркнуть, что эти люди не были идеологически настроенными активистами или членами последовательного общественного движения. У них не было какой-то

главной миссии или программы, и, хотя некоторые из них называли себя "дауншифтерами" или "бездельниками", большинство не слышали о таких терминах. Некоторых они даже отпугивали. Людей, с которыми я встречался, объединяло простое желание работать чуть меньше, а жить чуть больше.

В целом, были ли эти люди успешны в своих попытках противостоять работе и жить в соответствии со своими идеалами? Здесь, во Введении, мне не место говорить об этом, но на протяжении всей книги мы увидим, что сопротивление работе действительно связано со значительными финансовыми и психологическими рисками. Это определенно не еще одна из тех слащавых книг, в которых читателям рассказывают, что они могут жить богаче и свободнее, если будут делать больше х и меньше у. Моя цель - использовать взгляды и опыт людей, с которыми я встречался, как возможные источники питания для критики и предполагаемого отказа от работы - отказа, который, как я в конечном итоге утверждаю, должен быть коллективным и политическим, а не индивидуальным. Я был бы рад, если бы предстоящие дискуссии побудили читателей задуматься о своих собственных рабочих механизмах, но здесь нет никакого намека на то, что люди, с которыми я встречался, нашли ключ к счастью. Если говорить скромнее, то предстоящие обсуждения представляют собой попытку сохранить открытость к альтернативам и генерировать идеи, которые могли бы внести позитивный вклад в критику нашего общества, ориентированного на работу.

Что касается реальных возможностей для развития политики против работы, то есть причины надеяться, а есть причины быть пессимистом. Я черпаю вдохновение у Герберта Маркузе, в чьих проповеднических работах утверждалось, что развитые индустриальные общества способны сдерживать все социальные изменения, но при этом сохраняют существование сил и тенденций, которые могут нарушить это сдерживание (Marcuse, 2002: xlv). Свобода, по Маркузе, всегда одновременно и невозможна, и возможна. Сосредоточившись на обеих сторонах, я выделяю альтернативные чувства и практики, из которых мы могли бы черпать вдохновение для политики против работы, и в то же время признаю, насколько определенные культурные и структурные особенности капитализма препятствуют развитию социальных альтернатив. В конечном счете, дискуссии и аргументы, приведенные в этой книге, лучше всего воспринимать как своего рода провокацию. Книга призвана пригласить людей присоединиться к критической дискуссии вокруг работы, и я надеюсь, что представленные здесь идеи будут обсуждаться, развиваться и критиковаться, и что в конечном итоге они будут питать стремление к переменам в то время, когда крайне необходима некоторая критическая дистанция по отношению к существующему положению вещей.

Структура этой книги

Отложив эмпирическое исследование до более позднего времени, глава 1 "Провокация" начинается с тщательного анализа концепции работы. Я поясняю, что я понимаю под термином "работа", исследую некоторые способы, с помощью которых общество можно считать ориентированным на работу, и даю краткое представление о тех ключевых критических мыслителях, которые предполагали менее ориентированное на работу будущее. [1] В главах 2 и 3 я перехожу к рассмотрению ряда ключевых социальных проблем, чтобы подчеркнуть актуальность критики работы. В главе 2, "Рабочие боли", рассматривается феномен отчуждения. Размышляя о повсе-

дневной деградации трудовой жизни - будь то повторяющиеся физические задачи индустриального труда или более эмоционально насыщенные операции современных форм работы, - я рассмотрю, почему сфера занятости может представлять собой все более неподходящее пространство для реализации стремления к осмысленной и творческой деятельности. Глава 3, "Колониальная власть работы", смещает акцент с самой работы на более широкое влияние работы на нашу повседневную жизнь. В ней исследуется, как колонизация нашей жизни экономическими требованиями - работать, восстанавливаться после работы, тратить доход, развивать трудоспособность - оставляет все меньший отрезок жизни свободным для деятельности, ценность которой выходит за рамки экономической. Я утверждаю, что темп и прагматизм современной жизни - это еще одна причина для того, чтобы внимательно изучить место работы в обществе.

Глава 4, "Оплот работы", знаменует собой момент, когда я перехожу от критической диагностики к рассмотрению возможностей противостояния такому преобладающему положению вещей. Я начинаю с обратной стороны, исследуя способы, с помощью которых трудовая этика продолжает противостоять возможности переоценки работы. И неустанная стигматизация неработающих в средствах массовой информации, и консервативная привязанность к работе как к незаменимому фактору социальной интеграции и хорошего здоровья представляют собой значительные препятствия для развития по-настоящему открытой дискуссии. Что касается перспектив социальных изменений, то глава 4, безусловно, самая мрачная в этой книге, но она также прокладывает путь для более перспективных дискуссий в главах 5, 6 и 7. Именно здесь я подробно рассказываю о своем независимом исследовании жизни реальных людей, которые пытались сократить свой рабочий день или отказаться от работы. В главе 5, "Переломный момент", рассматриваются некоторые ценности и опыт, которые могут заставить человека отказаться от работы, рассказывается об участниках исследования и их мотивах. В главе 6 "Альтернативные удовольствия" рассматриваются практические и финансовые препятствия, мешающие отказаться от работы, но при этом не исключается возможность того, что при переходе к менее ориентированному на работу и менее товарному образу жизни можно обнаружить новые удовольствия. Глава 7, "Половина человека", подводит итог исследованию, рассматривая опыт стыда и изоляции, который может возникнуть при попытках сопротивления работе. Чему, если вообще можно надеяться, мы можем научиться на примере ценностей и опыта людей, которые пытаются противостоять работе? Каковы скрытые преимущества и ошибки их попыток идти против правил? В заключительной главе, "От эскапизма к автономии", я предполагаю, что переход к менее ориентированному на работу существованию может представлять собой более надежную и подлинную форму свободы, чем поверхностные побеги и свободы, предоставляемые нам нынешней социальной системой. Вопрос, который, однако, висит на волоске, заключается в том, можно ли использовать растущее разочарование людей в работе и развить его в настоящую политическую альтернативу.

1: Провокация

Современные способы производства предоставили возможность спокойствия и безопасности для всех. Мы избрали, однако, изнурительную работу для некоторых и недоедание для остальных. Вплоть до настоящего момента мы продолжаем быть столь же энергичными, какими были до появления машин. Здесь мы проявили неразумие, однако нет причины быть глупцами вечно. Бертран Рассел «Похвала праздности» (2004с: 15)

В своей книге "Работа", вышедшей в 1972 году, Стадс Теркел собрал стенограммы более ста интервью с работающими американцами, представив сложную картину американской жизни в удивительном ракурсе (Terkel, 2004). В этой огромной книге мы слышим от сварщиков, официантов, таксистов, домохозяек, актеров и телефонных операторов, каждый из которых рассказывает о своих надеждах, страхах и повседневных переживаниях на работе. Большая часть книги Теркеля посвящена маленьким способам преодоления трудностей, которые люди используют, чтобы пережить рабочий день, - от розыгрышей и дразнилок до фантазий и других стратегий душевной отрешенности. Заправщик коротаает время, любуясь домохозяйкой, которая загорает в бикини. Официантка ускоряет день, скользя между столиками и изображая из себя балерину. Рабочий производственной линии говорит "к черту" и отдыхает без разрешения. Отойдя от размышлений над интервью в "Работе", Теркель написал:

Эта книга, посвященная работе, по своей сути является книгой о насилии - как над духом, так и над телом. Она о язвах и несчастных случаях, о криках и драках, о нервных срывах и агрессивном поведении. Это, прежде всего (или помимо всего), о ежедневных унижениях. (Terkel, 2004: xi)

Многие из рассказов, приведенных в книге Теркеля, подтверждают его вывод о том, что работа - это насилие, но в то же время некоторые из них дают представление о том, что работа приносит удовольствие. В одном запоминающемся случае настройщик фортепиано представлял свою работу как художественное упражнение, описывая, как он входил в почти гипнотическое состояние концентрации и эстетического наслаждения, когда приводил фортепиано в гармонию. Его рассказ заставляет вспомнить о понятии "состояние потока": психологическом состоянии полной и блаженной поглощенности поставленной задачей, возникающем, когда рабочее задание синхронизируется с уровнем мастерства и интересами человека (Csikszentmihalyi, 1990). В потоке человек теряет представление о времени и пространстве, концентрируясь только на своем деле. Это противоположное ощущение, чем у скучающего рабочего, который смотрит на тикающие часы, не в силах выкинуть из головы физическое окружение.

Восторг настройщика пианино Теркеля - это форма удовольствия, не знакомая многим людям. В современном капиталистическом обществе доступ к удовлетво-

ряющей и увлекательной работе крайне неравномерен. Для тех, кто трудится на рабочих местах с сомнительной социальной полезностью, подверженных последним инновациям в организации и контроле рабочего места, работа часто представляет собой борьбу со скукой, бессмысленностью и истощением. Целый ряд личных тактик помогает нам пережить рабочий день: мы напоминаем себе, что мы интереснее, чем работа, которую мы выполняем, устраиваем воображаемые бунты против начальства и клиентов или прячемся в скорлупу цинизма. Иногда мы строим замысловатые сценарии побегов и поблажек, пытаемся забыться (или "восстановить равновесие", как называют это лайф-коучи). В последующих главах я познакомлю вас с людьми, которые описывают работу как внешнее, принудительное давление в их жизни. Они рассказывают о том, что на работе они чувствовали себя "скованными", "контролируемыми" и "принуждаемыми". По их словам, работа заставляла их чувствовать себя "наблюдающими со спины", "загнанными в клетку, как животные" или "управляемыми большим зверем". Воспринимаемая бессмысленность работы, которую они выполняли (или которую их могли бы заставить выполнять в будущем), была значительным источником дистресса. Мэтью - ему было всего около двадцати лет - сказал, что мысль о работе в розничной торговле или в офисе заставляет его панически бояться смерти. Его переживания напомнили мне слова Теркеля, сказанные им однажды в телевизионном интервью: "Работа недостаточно велика для духа людей".

Работа, конечно, не стоит на месте. Активисты и ученые, занимающиеся проблемами труда, продолжают обсуждать насущные потребности о справедливой оплате труда, более качественных рабочих местах и более демократичных отношениях на рабочем месте. Эти важные вопросы разграничивают традиционную сферу деятельности профсоюзов и политику левых. Все они чрезвычайно актуальны, и борьба еще далека от победы, но очень важно, чтобы мы не ограничивались правами трудящихся, а рассматривали более широкий и фундаментальный круг вопросов. Что такого замечательного в работе, что общество постоянно стремится создать ее больше? Почему, находясь на вершине продуктивного развития общества, все еще считается, что каждый человек должен работать большую часть времени? Для чего нужна работа и чем еще мы могли бы заниматься в будущем, если бы не были загнаны в угол и не тратили большую часть времени на работу? Как мы увидим, подобные вопросы являются частью устоявшейся истории критического мышления о смысле, цели и будущем работы. Однако если такие вопросы редко задаются за пределами этой академической клики, то, возможно, потому, что они требуют от нас тщательного анализа реалий, которые обычно воспринимаются как естественные и неизбежные. Может показаться, что у нас мало стимулов для критического осмысления работы в условиях, когда большинство из нас, независимо от нашего отношения к работе, в любом случае обязаны ее выполнять. Критическое отношение к работе может даже показаться отвратительным или элитарным в условиях общества, где рабочие места так востребованы. В регионах, охваченных бедностью и высоким уровнем безработицы, люди ощущают потребность в большем количестве работы, а не в меньшем, но следует отметить, что представленные здесь мыслители ни в коем случае не являются невеждами или отрицают этот факт. Было бы бессмысленно оспаривать тот факт, что большинство из нас испытывает сильную потребность в работе. Однако что мы можем оспаривать, так это известную значимость труда в культурной, этической и

политической жизни развитых индустриальных обществ. С точки зрения критиков работы, вызывает недоумение тот факт, что трудовая деятельность по-прежнему ценится больше, чем другие занятия, практики и формы социального вклада.

Общество, ориентированное на работу

Мы живем в обществе, ориентированном на работу, и это верно в нескольких смыслах. Прежде всего, работа представляет собой основной механизм распределения доходов в обществе. Поэтому работа - это центральный канал, через который люди получают доступ к предметам материальной необходимости, таким как еда, одежда и жилье, а также к коммерческим развлечениям и удовольствиям, которые предлагает современный консьюмеризм. Центральная роль работы также становится понятной, когда мы рассматриваем огромное количество времени, проведенного на работе - в это время я также включаю время, потраченное на подготовку, обучение, поиск, беспокойство и поездки на работу и обратно, - а также тот факт, что для большинства людей работа представляет собой главный центр социальной жизни за пределами семьи. В богатых обществах работа является одним из наиболее привычных и легкодоступных средств, с помощью которых мы становимся частью структуры жизни других людей. Занятие оплачиваемой работой также знаменует переход к взрослой жизни, показывая, что ребенок повзрослел, обрел независимость и принял то, что значит жить в "реальном мире" (в котором, как предполагается, мы должны забыть о своих юношеских амбициях и заняться делом). Связь между идентичностью и профессией формируется с раннего возраста: родители и педагоги побуждают детей уточнить свои карьерные устремления и начать развивать свои способности на пути к трудоустройству. В обществе, ориентированном на работу, наиболее распространенной целью образования является социализация молодых людей для успешного принятия заранее определенной рабочей роли.

Если в каждом обществе есть свой способ оценки достижений, то в благополучных обществах это, как правило, работа. Разговоры с незнакомыми людьми часто начинаются с вопроса "Чем вы занимаетесь?" (ужасно неприятный вопрос для человека, который не работает или которому не нравится работа, которую он выполняет), и всем известно, что этот вопрос представляет собой сокращение от "Какую работу вы выполняете?". Тенденция рассматривать профессии как мерила социального статуса проявляется в распространенности неуклюжих современных эвфемизмов, часто призванных приукрасить менее благоприятные для общества формы работы. Мусорщик работает в "управлении отходами", повар-фрай - "часть кулинарной команды", а безработный - "активный соискатель". Размышляя над этими причудами современного словоупотребления, Теркель утверждает, что люди, использующие подобные термины, не обязательно стыдятся своей работы; напротив, они оправданно защищаются от общества, которое одержимо идеей оценки статуса через работу и поэтому рассматривает их как "низший вид" (Terkel, 2004: xvii). Очевидно, что работа представляет собой нечто большее, чем экономическую необходимость и социальный долг. В благополучных обществах работа активно пропагандируется как стержень, вокруг которого формируется идентичность. Она ценится как средство

личностного роста и самореализации, а также конструируется как средство обретения социального признания и уважения. Все это мы признаем, даже если конечная функция работы в большинстве случаев заключается в получении частной прибыли.

Если работу можно назвать центральной на культурном уровне, то она, безусловно, является центральной и на уровне политики. В Великобритании (в контексте, в котором я пишу), если не считать беглого интереса Новых лейбористов к "балансу между работой и личной жизнью" в середине 2000-х годов, вопрос о рабочем времени и праве людей вести активную и разнообразную жизнь вне работы долгое время отсутствовал в основной политической повестке дня. Основная политика сосредоточена на создании рабочих мест и обеспечении занятости, а политическая риторика продолжает продвигать традиционные убеждения о святости и достоинстве труда. Это особенно заметно в моральных тонах дискуссий о безработице. В 1985 году Клаус Оффе писал, что сохранение массовой безработицы, особенно если она сосредоточена в отдельных регионах, может положить конец стигматизации безработных, поскольку уровень безработицы "больше не может быть правдоподобно объяснен с точки зрения индивидуальных неудач или вины" (Offe, 1985: 143). Однако сейчас мы видим, что уверенность Оффе была неуместной, он не смог предвидеть моральное укрепление работы в неолиберализме, который стал свидетелем обновленного идеологического фокуса на достоинствах "трудолюбивых людей" в противовес так называемым скупердяям и неплательщикам общества (Baumberg et al., 2012; Coote and Lyall, 2013; Tyler, 2013: глава 6). Были проведены этические границы: кто вы - работник или халтурщик? Эта морализация труда была закреплена в новейшей социальной политике, поскольку принуждение к труду - независимо от того, насколько сомнительна его социальная польза - стало ключевой функцией государства. В последнее время в связи с сокращением системы социального обеспечения поэтапно вводятся все более строгие проверки и штрафы для неработающих. Даже те группы населения, которые традиционно освобождались от обязанности работать, такие как родители-одиночки и люди с ограниченными возможностями, оказались под пристальным вниманием в стремлении вывести людей с социального обеспечения на рынок труда. Все это значительно сократило возможности для формирования образа жизни, основанного на других видах деятельности, кроме оплачиваемой работы. Социолог Кэтрин Кейси обоснованно подводит итог:

Независимо от того, работает человек или нет, готовится к работе или ищет ее и, конечно, нравится ему работа или нет, работа в том виде, в каком она организована, в значительной степени определяет повседневный опыт большинства людей в индустриальных обществах. (Casey, 1995: 25)

В этой главе я начинаю формулировать ответ на эту ситуацию, взяв на себя задачу денатурализации работы - этой самой главной и привычной черты нашей жизни - и открыв ее как объект для критического обсуждения. Если работа действительно является центральным источником социальности, прав, статуса и принадлежности, то важно признать, что эта ситуация - социальная и историческая конструкция, а не неизменная черта некоего естественного порядка. Для начала мне необходимо прояснить, что я понимаю под термином "работа", и в процессе сделать несколько предварительных замечаний о том, что может означать критика работы. После этого я вкратце останавливаюсь на ряде исследований, посвященных историческо-

му становлению труда, с целью выработки некоторой критической дистанции по отношению к его центральной роли в современных капиталистических обществах. В заключительной части главы я представляю тех критических авторов, которые оспаривают центральную роль труда, выступая за радикальное сокращение рабочего времени. В убедительных и неортодоксальных видениях этих авторов работа, вместо того чтобы занимать центральное место, будет подчинена потребности в автономии человека и ведении более богатой и разнообразной жизни.

Что такое работа

Понятие "работа" вызывает множество разнообразных идей и образов, и любая попытка дать ему определение быстро приводит нас в паутину оговорок, противоречий и серых зон. Для некоторых людей слово "работа" может вызывать в памяти радость ремесла и творчества. Маркс утверждал, что в своей идеальной форме труд является определяющим видом деятельности человечества. С этой точки зрения, людей отличает от других животных способность задумывать и впоследствии создавать мир искусственных объектов, открывающий возможности для новых траекторий развития. В художественных кругах термин "работа" имеет столь же благоприятное звучание и часто используется в нарицательной форме "моя работа", означающей материальное воплощение моих талантов и чувств: мой нематериальный внутренний мир, ставший осязаемым. Работа, в смысле эстетического творчества, может даже рассматриваться как стремление к бессмертию, выражающее желание производителя создать долговечное свидетельство своего конечного существования в мире. От великих сооружений, таких как церкви и мосты, до культурных артефактов, таких как романы и видеоигры, - все эти вещи являются продуктом труда.

Однако проблема с определением работы в таких терминах - как формы творческой деятельности - заключается в том, что становится трудно понять, как называть работу, которая не является творческой, а представляет собой рутину и рутинную работу. Те, кто жалуется на свою работу в колл-центрах, на кассах супермаркетов или за компьютерами, изо дня в день вводящими данные, скорее всего, рассматривают свою работу как средство самосохранения, а не самовыражения. Для всех нас, чье выживание зависит от ежедневной рутины, "работа" вызывает не столь романтические образы. Она вызывает в памяти чувство ужаса, связанное с такими словами, как "работа", "труд" или "бремя". В этих случаях работа представляет собой не источник радости или форму самовыражения, а ту пустую часть дня, которую нужно вытерпеть до шести часов вечера: желанного часа, когда работа ослабляет свою хватку и мы наконец-то можем снова стать самими собой. К сложностям, связанным с определением работы, добавляется еще и морально нагруженный характер термина "работа", который часто используется для контрабанды этических представлений о респектабельности одних видов деятельности по сравнению с другими. В социальном контексте, где участие в работе связано с тем, что значит быть респектабельным, социально включенным и достойным признания, вопрос о том, какие виды деятельности общество решает отнести к категории "достойной работы", становится важным. Работа по дому, а также некоторые виды художественного,

интеллектуального труда или работы по уходу продолжают оставаться на задворках того, что общество готово классифицировать как настоящую "работу", особенно в тех случаях, когда ценность этой деятельности не может быть объяснена с точки зрения какого-либо измеримого социального или экономического вклада.

Если значение слова "работа" в повседневном обиходе остается неоднозначным и спорным, то это, безусловно, относится и к академической сфере, где мы находим обескураживающе сложную историю попыток дать определение работы (см. Granter, 2009: 9-11). В этой книге я буду следовать наблюдению Андре Горца о том, что преобладающее культурное понимание "работы" в современных капиталистических обществах заключается в том, что это деятельность, осуществляемая за зарплату. В разговорной речи ярлык "работа" чаще всего используется для того, чтобы отличить оплачиваемую деятельность от неоплачиваемой, и относится к операциям, выполняемым на "работе" - к тому, на что мы "ходим" и с чего "возвращаемся домой". Проиллюстрировав это определение, Горц предположил, что можно сказать, что рыночный садовник работает, в то время как шахтер, выращивающий лук-порей на своем заднем дворе, занимается свободно выбранной деятельностью (Gorz, 1982: 1). В другом месте Горц называет это преобладающее понимание работы "работой в экономическом смысле". Она представляет собой договорной обмен определенного количества продуктивного времени на заработную плату и отличается от отдельной категории "работы для себя" (Gorz, 1989). Если одной из ключевых характеристик оплачиваемой работы является то, что она служит обществу в общем смысле, то работа для себя отличается тем, что работник выполняет ее ради непосредственной выгоды либо для себя, либо для других людей, с которыми он состоит в отношениях вне коммерческой сферы. Работа для себя осуществляется в соответствии с принципами взаимности и обоюдности, а не коммерческого обмена; она имеет качество дара, выполняемого из уважения к другим или из чувства долга перед ними. В современном обществе, ориентированном на занятость, работа на себя, как правило, ограничивается домашними делами, такими как покупка продуктов, приготовление пищи и уборка, которые, к несчастью, приходится выполнять по вечерам и в выходные дни (и в непропорционально большой степени женщинам). Однако в обществе с большим количеством свободного времени, по мнению Горца, эта категория теоретически может включать в себя целый ряд видов деятельности - от ремонта до садоводства, здравоохранения и неформального образования.

Работа в экономическом смысле и работа на себя противопоставляются третьей категории, которую Горц назвал "автономной деятельностью". Автономная деятельность включает в себя те действия, которые выполняются как самоцель. Они совершаются по собственной инициативе и являются результатом сознательного выбора, к которому человека ничто не принуждает. С точки зрения индивида, главная цель автономной деятельности - не зарабатывание денег и не обязательно достижение какой-либо цели, которую можно легко выразить словами. Вместо этого автономная деятельность направлена на достижение Добра, Истины и Красоты, как их определяет сам субъект. Ценность такой деятельности не может быть измерена в терминах экономической или социальной полезности; автономная деятельность осуществляется ради нее самой, из удовольствия или интереса. [1] Горц предположил, что признаком автономной деятельности является то, что действия, направленные на

достижение цели, могут приносить столько же личного удовлетворения, сколько и ее достижение (Gorz, 1989: 165).

У меня нет желания дальше объяснять различия между разными видами работы, поэтому можно резюмировать, что и теоретики, и интервьюируемые, представленные в этой книге, обращают критический взор на первую из описанных выше категорий, то есть на работу в экономическом смысле. (Для удобства в дальнейшем я буду использовать слова "работа", "труд" и "занятость" как взаимозаменяемые, чтобы обозначить феномен оплачиваемого труда). Здесь важно провести эти различия, чтобы с самого начала понять, что критика труда не означает отказа от продуктивной деятельности в каком-либо общем смысле - по крайней мере, для более уважаемых сторонников этой критики. В 1883 году из своей камеры в тюрьме Сен-Пелажи французский писатель (и зять Маркса) Поль Лафарг написал знаменитый памфлет под названием "Право на лень". В этом памфлете Лафарг нападал на широко распространенную веру в обязательность и святость труда. Он писал:

Странное безумие овладело рабочими классами тех стран, в которых царит капиталистическая цивилизация, и именно оно, это безумие, порождает все индивидуальные и общественные бедствия, которые вот уже два века мучат человечество. Безумие это — любовь к труду, бешеная страсть к которому истощает жизненные силы людей и их потомства. (Lafargue, 1975: 35)

Следует, пожалуй, отметить, что Лафарг писал сатирически - как провокатор, а не как ученый, - но на его работе стоит остановиться, поскольку она содержит ряд элементов, которые не характерны для критики труда, представленной в этой книге. Первый спорный момент - это ссылка Лафарга на "заблуждения" рабочих и их явно безумное стремление к работе. Я бы предположил, что усердно работать - это не обязательно трудиться в заблуждении. Как работники, наш выбор и поведение формируются и ограничиваются определенным набором моральных, материальных и политических факторов, а именно: социальная система развитых индустриальных обществ устроена таким образом, что работа зачастую является единственным способом для большинства людей удовлетворить свои потребности. Сюда входят материальные потребности - в еде, одежде, жилье, - а также более сложные психологические потребности, такие как потребность в социальном признании и уважении. Как мы увидим далее в книге, попытки жить без работы, какими бы разумными ни были их обоснования, часто сопряжены со значительными финансовыми и психологическими рисками. Не будем также забывать, что для многих людей работа является источником огромного удовольствия и достижений. Огромное удовлетворение можно найти в том, чтобы объединиться, чтобы что-то сделать, попотеть, использовать руки и разум в унисон и так далее. Этические рассуждения об удовольствии и достоинстве производительного труда не являются полностью пособничеством эксплуатации. Даже в тех случаях, когда содержание работы относительно бессмысленно, она все равно может приносить удовольствие или, по крайней мере, цениться как возможность вырваться из замкнутого круга частной жизни. Отчасти именно на этом основании феминизм боролся за право женщин на труд.

[Работа] дает возможность вырваться из тесноты и удушающего конформизма домашнего очага или деревенской общины, познакомиться с людьми из других

мест, отношения с которыми могут быть более свободными, менее привычными, чем с теми, кто прежде всего видит в вас дочь или невестку, сестру или кузину, и привязывает вас к тщательно регламентированному миру, где каждый должен придерживаться отведенного ему места. (Gorz, 1985: 54)

Говорить о "заблуждениях" рабочих, как это делал Лафарг, значит направлять критику в неверном направлении. То, что выдвигается в этой книге, - это критика труда, а не критика рабочих, т. е. предлагается критика моральных, материальных и политических условий, которые ложатся на рабочего, а не набор суждений об отношении самих рабочих.

Вторым спорным элементом вклада Лафарга является вынесенная в заголовок ссылка на право быть ленивым. И снова мы должны признать игривость Лафарга, но также важно с самого начала признать, что критика работы не является защитой лени. Напротив, она выражает желание расширить пространство для автономной деятельности и отвоевать время для работы на себя. Даже если в концепции освобождения трудящихся и есть место приемлемому времени для лени, то в конечном итоге требуется не столько право на лень, сколько право на более полную реализацию человеческих способностей. Кэти Викс хорошо выразилась, когда написала, что критиковать труд - это не значит отрицать, что труд имеет какую-либо ценность:

Скорее, это настаивает на том, что существуют другие способы организации и распределения этой деятельности, и напоминает нам, что можно заниматься творчеством и вне рамок работы. Это значит, что существует множество способов испытать удовольствие, которое мы сейчас находим в работе, а также другие удовольствия, которые мы.

Критика работы также напоминает нам о том, что "готовность жить ради работы и через работу делает субъектов в высшей степени функциональными для капиталистических целей." (Weeks, 2011: 12). Если авторы и участники исследований, представленных в этой книге, критикуют работу, то не потому, что они отстаивают право на лень, а потому, что обязательство работать по найму так часто исключает возможность заниматься деятельностью, которая является по-настоящему творческой, совместной и полезной.

Начало работы

Мы можем начать открывать работу как объект критического исследования с краткого рассмотрения ее исторической обусловленности. Ученые, взявшие на себя эту задачу, обнаружили, что труд - даже в более широком смысле "профессиональная деятельность" - не всегда ценился как личное благо. В книге Бытия трудовая жизнь была предписана Богом в качестве наказания Адаму и Еве. В Древней Греции работа также рассматривалась как проклятие, поскольку представляла собой низменную и рутинную форму деятельности. Работа была запрещена, потому что она символизировала необходимость - порабощение людей их телесной потребностью в выживании - и не была тем, к чему должны были принуждать свободных людей. Этим занимались рабы - сыновья, которые были отрезаны от общества, поскольку их труд исключал их из тех занятий, которые считались более достойными гражданина,

таких как политика, искусство и спокойное созерцание. Свобода греческих граждан участвовать в интеллектуальной и политической жизни должна была быть заработана путем принуждения других к необходимости силой. Ханна Арендт писала, что деградация раба, обреченного на жизнь в труде, "была ударом судьбы и судьбой хуже смерти, потому что она несла в себе метаморфозу человека в нечто сродни прирученному животному" (Arendt, 1998: 84).

Одним из наиболее известных исследований по истории отношения к труду является классическая работа Макса Вебера "Протестантская этика и дух капитализма". Первоначально опубликованный в 1904 году, анализ Вебера был посвящен культурным силам, которые помогли сформировать капитализм, и подчеркивал исторически возникший характер современного отношения к труду. Вебер сравнил современность с так называемым "традиционным обществом", в котором люди умеренно регулировали объем выполняемой ими работы в соответствии с четко определенным набором потребностей. В традиционном или докапиталистическом обществе к труду относились лишь постольку, поскольку он был необходим: "Человек "по природе своей" не желает зарабатывать все больше и больше денег, а просто жить так, как он привык жить, и зарабатывать столько, сколько необходимо для этой цели" (Weber, 2002: 60). Поэтому ремесленник, когда ему предложили более высокую зарплату, не стал мечтать о дополнительных деньгах, которые он мог бы заработать, а подсчитал, насколько меньше работы он может выполнить, чтобы заработать ту же комфортную сумму, что и раньше. Его главным приоритетом было сохранение свободного времени, а не увеличение материального вознаграждения. Можно сказать, что ремесленник работал, чтобы жить, а не жил, чтобы работать.

Вебер утверждал, что эта традиционная ориентация на труд сформировалась в результате подъема пуританской морали или "протестантской этики", которая стала одобрять труд как самоцель. Он проследил этическую приверженность труду до Реформации, когда пуританские ценности вышли из монастырей в широкие слои общества, научив людей искать спасения через посвящение себя труду. Согласно этой религиозной морали, к работе следует относиться с усердием, как к предназначению или духовному призванию, но ее финансовое вознаграждение не должно было приносить удовольствия или использоваться для финансирования периодов безделья. Вебер также обсудил влиятельное учение пастора Джона Кальвина, который проповедовал предопределение - религиозную веру в то, что только ограниченное, заранее определенное число избранных обречено на спасение в Царстве Небесном. Кальвин учил, что успех в труде является признаком Божьей благодати, и предписывал приверженность труду как метод успокоения личных страхов перед угрозой вечно-го проклятия. Благодаря такому сближению нравственных идеалов и религиозных учений труд был возведен в ранг этического императива.

Хотя в современном отношении к работе, несомненно, все еще присутствует пуританская черта, это не означает, что пуританские ценности остаются сознательным источником мотивации для современных работников. Предваряя историю, знакомую студентам, изучающим социальную теорию, Вебер утверждал, что аскетическое принуждение к труду положило начало наследию рациональной организации. Передаваясь работе, владельцы предприятий становились более эффективными и продуктивными в своем труде, создавая бюрократические системы и стандарты

зируя рабочие процедуры. По мере развития капитализма предприниматели, не сумевшие организовать эффективный и конкурентоспособный бизнес, разорались, и "идиллическое состояние", когда работа была духовным призванием, в конце концов уступило место "горькой, конкурентной борьбе" (Weber, 2002: 68). Этот процесс рационализации породил то, что Вебер в названии своего эссе назвал "духом капитализма". Утвердившись в качестве вселенной, в которой люди чувствовали себя призванными участвовать, капитализм больше не нуждался в пуританских ценностях для своей поддержки: "Капитализму в период его развития нужны были рабочие, которые были бы готовы к экономической эксплуатации ради совести. Сегодня он в седле, а значит, может принуждать людей к труду без трансцендентных санкций" (Weber, 2002: 282).

Ключевой тезис Вебера заключался в том, что мораль труда стала частью ткани капиталистических обществ: трудовая этика бродит по нашей жизни "как призрак мертвых религиозных верований" (Weber, 2002). Маркс высказал аналогичную мысль в своей знаменитой ссылке на "тупую принудительность экономических отношений", которая также обращает внимание на ритуальное качество работы. Мы работаем отчасти потому, что это кажется нам естественным занятием. В последнее время также ведутся споры о том, продолжают ли работники в богатых обществах руководствоваться моральной привязанностью к труду или же трудовая этика была подорвана более гедонистическим желанием работать ради материального вознаграждения. Анализируя рост американской культуры потребления, Дэниел Белл предположил, что на протяжении всего двадцатого века ценности буржуазии - трудолюбие, бережливость и самоконтроль - становились все более неактуальными, и к 1950-м годам люди были озабочены уже не тем, "как работать и добиваться, а [вместо этого] как тратить и наслаждаться" (Bell, 1976: 70). Однако мы можем отметить, что независимо от того, в какой степени традиционная трудовая этика была превзойдена потребительским гедонизмом, результат с точки зрения поведения людей остается в основном тем же. Что сохраняется в любом случае, так это дисциплинированная привязанность к работе за зарплату. Герберт Маркузе признал это в своей книге "Одномерный человек", где он утверждал, что развитие капитализма привело к растущей гармонии между стремлением к чувственному удовлетворению и производством культурного соответствия (Marcuse, 2002). Современная культура потребления прекрасно сочетается с трудовой дисциплиной, отчасти потому, что необходимость платить за коммерческие удовольствия заставляет людей тратить больше времени и сил на зарабатывание денег. Индугенция и эскапизм, отнюдь не являющиеся культурными табу, неустанно поощряются в современных капиталистических обществах, но всегда с тем недостатком, что их наслаждение требует от нас повышенной самоотдачи в работе. С этой точки зрения, массовое потребление не убило трудовую этику, а лишь усилило ее, заняв место религии в качестве главного способа отвлечения общества от более тревожных реалий работы.

Ценность исторических перспектив заключается в том, что они позволяют нам достичь некоторой критической дистанции по отношению к нынешнему положению дел, ориентированному на работу. Вискс считает, что в этом отношении особенно ценна книга Вебера "Протестантская этика и дух капитализма", в которой ссылки на периоды до и после расцвета протестантской трудовой этики помогают читате-

лю осознать особенность привязанности современного общества к труду. Читателю предлагается задуматься о будущем и рассмотреть возвышенный статус труда с точки зрения ценностей, присущих старому, традиционному обществу. С этой точки зрения поражает безграничность современного стремления к материальным благам, а также тот факт, что работа в один прекрасный день станет главной осью идентичности. Вебер также предлагает читателям заглянуть в прошлое и рассмотреть возникновение трудовой этики с точки зрения современного секуляризованного общества. В этом случае поражает тот факт, что наиболее рациональный и инструментальный из всех современных видов деятельности - выполнение дисциплинированной, продуктивной работы - является продуктом религиозной этики, которая дико иррациональна по своим истокам (Weeks, 2011: 42-7). С точки зрения современных работников и их более светской или эгоистичной системы ценностей, готовность пуританина жертвовать собой ради работы, независимо от ее содержания или материального вознаграждения, выглядит совершенно странной.

Основное внимание Вебера было сосредоточено на моральном укреплении труда, но мы можем отметить, что рабочие 1900-х годов также были привязаны к труду с помощью новых и агрессивных методов трудовой дисциплины, разработанных в ходе становления фабричной системы. Склонность рабочих к самоограничению продолжительности и интенсивности своего труда подвергалась атаке не только со стороны трудовой этики, но и со стороны более ощутимых трансформаций самого рабочего дня. Оплата труда рабочих стала привязана к продолжительности рабочего дня, а труд был регламентирован и синхронизирован посредством введения часового времени. К двадцатому веку индустриализация предоставила менеджерам беспрецедентные возможности для координации темпов и процедур трудового процесса. Работа была разделена на предсказуемые, рутинные задачи, а темп работы определялся движущимся конвейером. Бдительность и пунктуальность контролировались с помощью штрафов и технологий наблюдения, а рабочим напоминали, как в известном изречении Бенджамина Франклина, что "время - деньги". Благодаря этим совместным процессам пунктуальность, эффективность и производительность стали девизами рабочего дня (Thompson, 1967). Британский экономист Уильям Беверидж также сыграл важную роль в борьбе за интеграцию рабочих. Его система бирж труда представляла собой намеренную попытку исключить работников, которые хотели самостоятельно ограничивать свой труд. По словам самого Бевериджа: "для человека, который хочет время от времени получать случайную работу, биржа сделает это желание невыполнимым". Если рабочий отказывался работать полный рабочий день, биржам предписывалось отказывать ему в работе. Атака Бевериджа на непостоянный труд была также реализована посредством внесения изменений в Закон о национальном страховании 1911 года, который был изменен таким образом, чтобы взимать более высокие налоговые взносы с работодателей, использующих непостоянный труд (Whiteside, 1991: 62-3). Эти методы представляли собой более вопиющий, принудительный вид дисциплины, чем моральное воспитание работника, описанное Вебером.

Другие авторы рассматривали историческое развитие отношения к труду гораздо более подробно, чем я здесь (например, Anthony, 1977; Beder, 2000), но во всех их анализах прослеживается тот факт, что субъективное примирение людей с работой

значительно отставало от объективного, количественного расширения труда, отмеченного в индустриализирующемся обществе. Оказывается, ранний капитализм столкнулся со значительными трудностями в убеждении людей принять регулярную, дисциплинированную занятость, и сопротивление полному рабочему дню сохранялось вплоть до XX века, особенно в промышленных секторах, которые традиционно полагались на случайных работников. История капитализма - это история постепенного примирения индивидуумов с жертвами рабочего дня. Это был не гладкий процесс, а борьба, требующая серьезной перестройки привычек рабочих: "Всеми этими способами - разделением труда, надзором за трудом, штрафами, колоколами и часами, денежными поощрениями, проповедями и школьным обучением, подавлением ярмарок и спорта - формировались новые трудовые привычки" (Thompson, 1967: 90). Если трудоцентричность общества стала настолько натурализованной, что кажется неизбежной, то осознание исторической и условной природы отношения к труду помогает нам достичь определенной критической дистанции по отношению к этому в высшей степени нормализованному положению вещей. Работа не всегда находилась в центре моральной, культурной и политической жизни общества, и теперь я обращаюсь к ряду социальных критиков, которые задаются вопросом, может ли она и должна ли она удерживать это положение в будущем.

Конец работы

Эта книга в конечном итоге посвящена одному вопросу: возможно ли в будущем, чтобы каждый человек работал меньше и имел больше времени для собственного, автономного саморазвития? Это не новый вопрос, а вопрос, который вплетен в интеллектуальную традицию, насчитывающую столетия. Мыслители этой традиции принадлежат к самым разным слоям общества, но всех их объединяет широкая озабоченность эмансипационной трансформацией общества. Независимо от того, под каким углом зрения они подходили к этому вопросу, в конечном итоге их внимание было сосредоточено на мучительном разрыве между существующими реалиями и будущими возможностями. Как пишет Эрик Олин Райт:

Давайте начнем с простого, неоспоримого наблюдения: мир, в котором мы живем, представляет собой соединение необычайной продуктивности, изобилия и широких возможностей для человеческого творчества и самореализации вместе с непрекращающимися человеческими страданиями и подавленным человеческим потенциалом". (Wright, 2010: 39)

Представленные здесь комментарии, в которых ставится под сомнение будущее работы, являются составными частями (или, по крайней мере, соответствуют им) более широкого проекта критической социальной теории, который всегда начинался с бесспорного наблюдения Райта. Общая цель критической социальной теории - подвергнуть процессы социального развития тщательному анализу, размышляя о препятствиях, которые они могут создавать для расцвета человеческих способностей, будь то физические, художественные, интеллектуальные, социальные, моральные или духовные.

Критика труда обычно рассматривается как марксистская традиция, но на самом деле ряд ее ключевых тем возник еще до Маркса, в работах ранних писателей-утопистов, таких как Шарль Фурье, Уильям Моррис и Томас Мор. Фурье, например, верил, что труд способен стать основным источником удовлетворения и наиболее полного выражения человеческих способностей, но его беспокоил разрыв между его идеалом и опытом реальной работы, предоставляемой промышленным капитализмом. Он называл мельницы и фабрики начала девятидесятих годов прошлого века "настоящими кладбищами", где рабочими двигала лишь безрадостная забота о собственном выживании. Работа выполнялась с чувством тоскливой необходимости, порождая у рабочих усталость, которая отравляла и их досуг (Beecher, 1986: 276). Фурье противопоставил этой жалкой реальности свою теорию привлекательного труда, разработанную в его подробных чертежах Гармонии - утопического общества за пределами исторической фазы, которую он называл "цивилизацией". В Гармонии работа будет организована таким образом, чтобы наполнять работника страстью и желанием, а не страхом. Рабочие могли бы свободно выбирать себе работу, выполняя широкий спектр производительных действий в приятной обстановке, в духе сотрудничества и здорового чувства соперничества. Удовольствие от работы стало бы центральным элементом утопии Фурье, превратившись в почти игровую деятельность и практически устранив потребность работника в отдыхе и уединении (Beecher 1986: 274-96).

Стремление Фурье уничтожить границу между работой и игрой позже разделял Уильям Моррис, который также винил в безрадостных реалиях труда его навязанную природу - как деятельности, "навязанной нам нынешней системой производства ради прибыли привилегированных классов" (Morris, 1983: 44). Как и Фурье, Морриса интересовала перспектива превращения работы в источник удовольствия и эстетического наслаждения: она должна стать чертой того, что он называл "декоративной частью жизни" (Morris, 1983: 46). Он был более осторожен, чем Фурье, в вопросе о том, как этого можно достичь, хотя в одном важном вопросе Моррис отступил от Фурье. Для целей нашего обсуждения важно то, что Моррис был одним из первых комментаторов, кто всерьез предложил идею работать меньше. Если Фурье считал, что даже самую рутинную работу можно сделать приятной, что позволило бы с радостью продлить рабочий день, то Моррис выступал за устранение неприятного труда путем его массового сокращения. Эту тему можно проследить еще в "Утопии" святого Томаса Мора, опубликованной в 1516 году, задолго до появления индустриального общества. В утопическом видении Мора потребность в труде должна быть уменьшена за счет производства более прочных товаров, ограничения производства товаров, которые считаются лишними, и более равномерного распределения необходимого труда между населением (More, 1962). Именно в связи с перспективами сокращения трудовых затрат такие писатели, как Моррис, наблюдая за быстрым ростом промышленности, также начали обсуждать возможное применение технологий. Позволят ли растущая эффективность производственных технологий в конечном итоге освободить граждан от неприятного труда? Моррис считал, что это произойдет, и непривлекательный труд станет "лишь очень легким бременем для каждого человека" (Morris, 1983: 51).

Хотя в работах этих ранних писателей-утопистов мы можем найти и более ранние примеры, критика труда обычно обсуждается в связи с Марксом. Именно идеи

Маркса вдохновили множество теорий и исследований, посвященных духовным и психологическим последствиям работы, хотя также ведутся споры о том, как именно Маркс относится к аргументам в пользу сокращения и децентрализации труда. [2] В одном из наиболее известных отрывков из третьего тома "Капитала" Маркс, действительно, предвосхищает аргументы в пользу сокращения рабочего времени. В этом отрывке Маркс низводит труд до мирского "царства необходимости": он рассматривает его как обязательный труд, который необходимо преодолеть, прежде чем люди смогут начать жить в "царстве свободы", где они становятся доступными для мира и его культуры. Маркс недвусмысленно намекнул, что царство свободы можно расширить за счет сокращения рабочего дня (Marx, 1981: 959). Аналогичный аргумент мы находим и в связи с неоднозначным отношением Маркса к технологии. Для Маркса, хотя машинные технологии представляли собой инструмент контроля и принижения труда, их огромные производственные возможности теоретически могли быть направлены и на сокращение необходимого труда, оставляя больше пространства для свободы вне работы: "[Капитал] способствует созданию средств общественного распоряжения временем и, таким образом, сокращению рабочего времени для всего общества до минимума, что делает время каждого свободным для его собственного развития" (Marx, 1972: 144).

Неоднозначные взгляды Маркса на технологию предвосхитили главную мысль того, что некоторые авторы позже назовут аргументом "конца труда", который основан на предположении, что развитие производственных технологий постепенно устраняет необходимость в человеческом труде (Rifkin, 2000). В рамках существующих структур капиталистического общества вытеснение рабочих механизацией и ростом производительности труда, безусловно, вызывает серьезную озабоченность. Оно приводит к вынужденной безработице (часто называемой "технологической безработицей"), порождая бедность и социальную изоляцию для тысяч людей. Однако отказ от человеческого труда в результате развития производственных технологий также приветствуется авторами идеи "конца работы", поскольку открывает теоретическую возможность огромного расширения свободного времени.

Существует множество версий этой основной идеи. Одну из них мы находим в знаменитом эссе Джона Мейнарда Кейнса, для которого обещание большей свободы от работы казалось реалистичной и относительно неминуемой возможностью. В своем эссе "Экономические возможности для наших внуков", впервые опубликованном в 1930-х годах, Кейнс предсказал, что прогресс в области производственных технологий может привести к сокращению рабочего времени и позволит населению в целом работать меньше - не более пятнадцати часов в неделю к 2030 году (Keynes, 1932). Кейнс рассуждал об этом с точки зрения того, что "экономическая проблема" (нехватка, недостаток товаров) наконец-то "решена" обществом. Именно в этот момент человеку выпала привилегия столкнуться с более глубокой проблемой: "как использовать свою свободу от насущных экономических забот, как занять досуг, который наука и сложные проценты выиграют для него, чтобы жить мудро, приятно и хорошо" (Keynes, 1932: 366). Разумеется, возможность ориентации производства на достижение большей самостоятельности человека зависит не только от способности технологий облегчить потребность в труде, но и от моральных и политических обязательств общества. Для чего и чьих целей будут применяться новые технологии?

Как будет распределяться экономия рабочего времени в обществе? В какой степени общество должно мириться с бесконтрольным ростом экономики? В какой степени рационально поддерживать трудовую этику как культурный идеал? Для того чтобы общество смогло осознать истинные преимущества технологического развития, нам необходимо вступить в политическую дискуссию. Говоря словами Маркузе, мы должны говорить о том, как технологические и интеллектуальные ресурсы общества могут быть наилучшим образом использованы "для оптимального развития и удовлетворения индивидуальных потребностей и способностей при минимуме труда и страданий" (Marcuse, 2002: xli).

Именно эти морально-политические вопросы определили направление критических социальных теорий после Маркса: авторы пытались понять, почему в эпоху беспрецедентных технологических возможностей жизнь людей по-прежнему характеризуется трудом и репрессиями. Как и Кейнс, многие критики считали глубоко иррациональным, что общество продолжает навязывать необходимость работать даже в условиях изобилия. Маркузе указал на абсурдность этой ситуации в работе "Эрос и цивилизация" (Marcuse, 1998), где он утверждал, что подавление, которому подвергаются люди в современную эпоху, является искусственным или "избыточным" подавлением. Слово "искусственное" используется здесь для того, чтобы предположить, что необходимость (потребность выжить), которая заставляет нас отдавать значительную часть своей жизни труду, больше не является суровым, неизбежным фактом нашего существования в природе, а навязана иррациональной и несправедливой социальной системой, которая не только неравномерно распределяет имеющиеся ресурсы по социальной иерархии, но и производит новые потребности, чтобы оправдать продление работы [3]. Одним из главных вкладов Маркузе (и Франкфуртской школы критической теории, к которой он принадлежал) было объяснение огромной устойчивости капитализма. Кейнс и другие оптимисты "конца работы" не всегда в полной мере учитывали степень мобилизации определенных структурных и культурных сил против возможности сокращения труда, и я сам вернусь к этому вопросу в свое время, когда буду рассматривать некоторые силы и идеологии, выступающие против переоценки труда в современном обществе. А пока мы можем лучше понять критический подход к труду, взглянув на одного из его относительно недавних и наиболее интересных сторонников, Андре Горца.

Политика времени

Андре Горц не пытался приобщить себя к какому-то определенному канону, он писал под видом журналиста, экономиста, социолога и экзистенциального философа. Он был всем этим и ничем другим. Что действительно определяет мышление Горца, так это его непоколебимая приверженность человеческой свободе. [4] Для целей нашего обсуждения одной из наиболее ярких черт мысли Горца является отказ признать, что проблемы труда можно свести к вопросам заработной платы и условий труда. Для Горца понимание негативных последствий труда должно включать в себя оценку более широких способов, с помощью которых труд доминирует в нашей повседневной жизни. Забытая борьба левых, которую представляет Горц, - это борьба за

право трудящихся вести насыщенную и интересную жизнь вне работы. Как писатель и социальный критик, он в первую очередь отстаивал право каждого человека на собственное автономное саморазвитие.

Горц занимался этими темами на протяжении нескольких десятилетий и в целом ряде публикаций, каждая из которых имела свой собственный стиль, влияние и акценты, но в основе проекта Горца (по крайней мере, его поздних работ) лежит продвижение политики времени, то есть критической, непредвзятой и демократической дискуссии вокруг целей производства и социального распределения рабочего времени. Как и другие мыслители "конца работы", Горц отмечал огромный скачок производительности труда, обеспеченный капиталистическим развитием. Однако, по мнению Горца, один из самых острых вопросов, стоящих перед капиталистическими обществами сейчас, на вершине их производственного потенциала, - это вопрос о том, что делать с временем, сэкономленным благодаря росту производительности. Какое значение и содержание мы, общество, выберем, чтобы придать этому вновь обретенному свободному времени? Будем ли мы использовать его для улучшения своей жизни вне работы, укрепления отношений и саморазвития, или экономическая рациональность потребует от нас тратить на работу столько же времени и энергии, сколько и раньше?

Призыв Горца к политике времени отражает убежденность в том, что эти вопросы должны быть переданы в руки людей. Пока люди не обретут способность направлять свое время на гуманные, общественные цели, экономия свободного времени, обеспечиваемая продуктивным развитием капитализма, по сути, бессмысленна. Политика времени необходима, потому что "развитие производительных сил может само по себе уменьшить количество необходимого труда, [но] оно не может само по себе создать условия, которые сделают это освобождение времени освобождением для всех" (Gorz, 1989: 185). Сам Горц, пожалуй, наиболее известен тем, что выступил с предложением о политически скоординированном сокращении рабочего времени, которое должно происходить в масштабах всего общества. По мнению Горца, цель политики сокращения рабочего времени должна заключаться в том, чтобы направить свободное время, сэкономленное за счет повышения производительности труда, на гуманные цели, предоставив больше возможностей для свободного саморазвития индивидов. Сокращение рабочего времени открыло бы больше возможностей для участия в политической жизни, для культурного творчества и оценки, а также для развития целого ряда добровольных и самоопределяющихся видов деятельности вне работы.

Преимущества призыва Горца к сокращению рабочего дня многообразны. По мнению Горца, сокращение рабочей недели не только дает больше времени для саморазвития и сотрудничества вне работы, но и может улучшить условия труда. Возрожденное стремление к автономии, развитое вне работы, может помочь омолодить традиционную трудовую борьбу, побуждая людей быть "более требовательными к характеру, содержанию, целям и организации своей работы" (Gorz, 1989: 93). Для профессиональных работников меньший объем работы может даже представлять собой возможность работать с большей эффективностью и чувствительностью. Неустанная работа не всегда является лучшим способом обеспечить успех и творческий потенциал, и политика сокращения рабочего дня может дать работникам время

обновить свои знания, опробовать новые идеи и разнообразить свои интересы (Gorz, 1989: 193-4). [5] Видение Горца было безусловно радикальным, и он остро осознавал пропасть между его призывом к сокращению рабочего дня и реалиями развитых индустриальных обществ. В реальности вопрос о том, что делать с экономией рабочего времени, не является предметом серьезных политических дебатов, как надеялся Горц, а заранее диктуется экономическими императивами прибыли и роста.

Что происходит со временем, сэкономленным благодаря росту производительности труда в обществах, которые не смогли разработать политику времени? Горц предлагает несколько ответов на этот вопрос, представляя проницательный анализ капитализма: системы, в которой погоня за частной прибылью, а не политика времени, диктует, кто работает, как долго и с какой целью. В капиталистической системе одним из наиболее очевидных результатов экономии рабочего времени является создание безработицы. Скачки в эффективности производства, наблюдаемые в развитых индустриальных обществах, означают, что для производства необходимых обществу товаров из года в год требуется все меньше и меньше людей. Если экономика по каким-либо причинам замедляется или не растет достаточно быстро, чтобы компенсировать рост производительности, людям становится все труднее получать достаточный, регулярный доход от оплачиваемой работы. Многие оказываются безработными. Негативные личные последствия этого хорошо описаны в целом ряде исследований (к некоторым из них я вернусь позже), но достаточно сказать, что, хотя безработные технически находятся вне работы, они не обязательно свободны от нее в каком-либо значимом смысле. В контексте общества, ориентированного на работу, безработица представляет собой своего рода ничейную землю: мертвое время, усугубленное финансовыми проблемами, социальной изоляцией и стигмой. Утверждая - даже перед лицом массовой безработицы - что работа должна представлять собой источник дохода, прав и принадлежности, общество гарантирует, что "неизбежный досуг будет вызывать всеобщее страдание, вместо того чтобы быть универсальным источником счастья. Можно ли представить себе что-то более безумное?" (Russell, 2004с: 7).

В современном капитализме мы сталкиваемся с извращенной ситуацией, когда самые высокопоставленные работники изнуряют себя долгими часами, в то время как все большее число людей страдает от того, что их рабочая сила больше не используется для получения частной прибыли. Эти последние либо совсем не имеют работы, либо функционируют в качестве резервной армии низкооплачиваемых, небезопасных работников для отраслей, которые хотят иметь возможность регулировать численность своего персонала в зависимости от колебаний спроса. Одной из целей политики сокращения рабочего времени было бы устранение нерационального распределения труда путем более справедливого распределения имеющейся работы среди населения. Каждый должен работать меньше, чтобы каждый мог работать и чтобы все могли воспользоваться преимуществами увеличения свободного времени:

Одна из функций политики времени как раз и состоит в том, чтобы распределять экономию рабочего времени, руководствуясь принципами не экономической рациональности, а справедливости. Эта экономия - дело рук всего общества. Политическая

задача состоит в том, чтобы перераспределить их в масштабах всего общества, чтобы каждый мужчина и каждая женщина могли извлечь из них пользу”. (Gorz, 1989: 191)

Без такой политики мы, похоже, застряли в обществе людей, финансово и психологически зависимых от дефицитного вида деятельности. Это, по меньшей мере, иррациональная и глубоко бесчеловечная ситуация. Как выразилась Ханна Арендт, мы оказались в ловушке общества ”рабочих без труда”, в котором, как ни странно, самой насущной проблемой для большинства людей является уже не эксплуатация, а отсутствие возможности быть достаточно и надежно эксплуатируемым.

Что может быть хуже, чем общество рабочих без труда? По мнению Горца, хуже может быть общество, которое под флагом прогресса отвечает на безработицу неустанной программой экономического роста. На протяжении всей истории капитализма общество стремилось компенсировать вытесняющий труд эффект роста производительности либо за счет увеличения выпуска продукции в отдельных отраслях, либо за счет расширения экономики путем включения в нее новых отраслей и секторов. Андерс Хейден называет это искаженной логикой беговой дорожки: ”необходимость бесконечной экономической экспансии просто для поддержания уровня занятости” (Hayden, 1999: 33). Ссылка Хейдена на беговую дорожку раскрывает второе предназначение экономики рабочего времени, то есть его реабсорбцию в экономику через создание большего количества работы. Свободное время, в течение которого граждане не производят и не потребляют коммерческие блага, бесполезно для капитализма. Не имея возможности заставить свободное время приносить частную прибыль, капитализм исторически реагировал на это, отбирая время, сэкономленное за счет роста производительности, для создания дополнительных форм труда, которые часто непродуктивны, разрушительны для психики и все глубже погружают сферу коммерческой деятельности в интимную жизнь (см. Bowring, 1999). С точки зрения Горца, одна из вещей, вызывающих беспокойство, - это абсолютная бесцельность многих современных форм занятости. Огромная часть рынка труда посвящена производству, маркетингу и распространению потребительских товаров с поверхностными различиями, ограниченными функциями и коротким сроком службы. В своей полемике против роста ”фиктивных рабочих мест” Дэвид Грэбер также указывает на беспрецедентное расширение таких секторов, как корпоративное право, академическое и медицинское администрирование, управление персоналом и связи с общественностью. Кроме того, мы можем рассмотреть огромное количество людей, чья роль заключается в обеспечении административной, технической или охранной поддержки этих отраслей, а также тысячи рабочих мест в сфере услуг - от мойщиков собак до уборщиков на дому и круглосуточных доставщиков пиццы, - которые существуют только потому, что работники, которые за них платят, чертовски заняты работой (Graeber, 2013). В последнее время повседневный опыт разбухающего класса обслуживания стал предметом тревожных исследований (Ehrenreich, 2002; Toynbee, 2003), и Горц глубоко критиковал несправедливость, присущую обществу, в котором одна часть населения покупает свое свободное время, перекладывая свои обязанности на другую. С его точки зрения, только слепая привязанность к идеологии труда мешает людям увидеть, что если бы все работали меньше, то каждый мог бы заниматься домашними делами и зарабатывать на жизнь своим трудом (Gorz, 1989: 157).

Подводя итог, можно сказать, что, возможно, главная сила Горца как социального ментора заключалась в том, что он поддерживал веру в то, что возможен другой способ организации труда. Если капитализм способствовал такому огромному скачку в производительности, то почему мы все еще так много работаем? В ряде публикаций Горц столкнулся с этим вопросом, открыв критическую дискуссию о политике времени. Он надеялся внести свой вклад в политическое вмешательство, которое наконец подчинит экономическую сферу потребностям людей и позволит каждому тратить меньше времени на работу, а больше - на занятия по собственному выбору. Без такого вмешательства, по мнению Горца, мы сталкиваемся с перспективой гораздо более разрушительного сценария. В этом сценарии свободное время остается дефицитным, привилегированным ресурсом. По-прежнему пропагандируются ориентированные на работу представления о социальном прогрессе, хотя оплачиваемых рабочих мест не хватает, а в жизни людей преобладает борьба за поиск и сохранение работы. Капитализм продолжает стремиться к прибыли, разграбляя окружающую среду и распространяя экономику на доселе не модифицированные сферы жизни, и эти тенденции прославляются как средства создания рабочих мест. Горц и другие критики работы побуждают нас задаться не чем иным, как вопросом: в каком обществе мы хотим жить?

<hr/>

Здесь я представил краткий обзор критических подходов к работе, которые выходят за рамки традиционной озабоченности левых вопросами заработной платы и условий труда и ставят под вопрос будущее самой работы. Наряду с авторами, исследующими историю отношения к труду, те, кто задается вопросом о будущем работы, предоставляют ценную возможность критически дистанцироваться от нынешнего положения дел, ориентированного на работу. Прежде всего, они предоставляют призыв: повод задаться вопросом, может ли работа и дальше функционировать как главный стержень дохода, прав и социальной принадлежности. Этот вопрос особенно уместно задать сегодня, в то время, когда острая социальная проблема "работников без работы", похоже, уже не за горами. Согласно статистике, опубликованной Международной организацией труда, в 2014 году 6,1 % рабочей силы в Великобритании были безработными, в то время как в США этот показатель составлял 6,2 %. Однако анализ, проведенный Конгрессом профсоюзов Великобритании, утверждает, что данные МОТ по безработице следует рассматривать как скромную оценку. В 2013 году, по собственным данным TUC, число безработных в Великобритании составляло около 4,78 миллиона человек - почти вдвое больше, чем по оценке МОТ, составляющей 2,51 миллиона. Разница между цифрами из разных источников (а также из года в год) отчасти объясняется различиями в способах измерения безработицы. [6] Однако, независимо от того, насколько катастрофическим может быть уровень безработицы, мы, безусловно, можем согласиться с тем, что он значителен, длителен и абсолютно катастрофичен для человека.

Кроме того, неспособность рынка труда обеспечить адекватное предложение достойных рабочих мест для тех, кто их хочет, приводит к новым трагедиям. Высокий спрос на рабочие места серьезно ослабляет силу и склонность работников отстаивать такие вопросы, как оплата труда, права и качество работы. В последнее время мы стали свидетелями относительно беспрепятственного роста числа работающих

бедняков [7] и контрактов с нулевой занятостью. [8] Для тех, кто пытается оградить себя от переменчивых течений рынка труда, вкладывая деньги в образование, старая гарантия того, что образовательные дипломы обеспечивают надежную, хорошо оплачиваемую и интересную работу в будущем, также разрушается. Обстоятельный анализ, проведенный Филипом Брауном и его коллегами, свидетельствует о том, что сочетание факторов - стремительное расширение высшего образования, глобализация конкуренции за рабочие места и сокращение числа рабочих мест - приводит к тому, что огромное количество выпускников попадают в "ловушку возможностей", так как не могут найти применение своим специальным навыкам на рынке труда (Brown et al., 2011) [9].

Даже если бы экономический рост успевал за спросом на рабочие места, каковы были бы экологические издержки дальнейшего развития? В последние годы растет понимание экологических последствий бесконечного экономического роста. Опираясь на многочисленные научные данные, эколог Тим Джексон утверждает, что капиталистические общества не могут рассчитывать на сохранение нынешних темпов производства без серьезных экологических последствий. Джексон ссылается на данные исследований, посвященных истощению жизненно важных природных ресурсов, потере биоразнообразия, загрязнению почвы, обезлесению, а также на мать всех ограничений - изменение климата, чтобы проиллюстрировать свою убежденность в том, что бесконечное расширение экономики для обеспечения работой становится все более неприемлемой стратегией (Jackson, 2009).

Социальная конструкция работы как ключевого источника дохода, прав и принадлежности непоколебима. Однако очевидно и то, что для огромного числа людей работа становится все более ненадежным источником этих благ. Это глубокий кризис, требующий столь же глубокой переоценки работы и ее места в современном обществе. Эта задача, которую Горц назвал политикой времени, призвана предложить практический ответ на сегодняшний дезинтегрирующий рынок труда. Но более того, она также приглашает нас поговорить об условиях свободы и вступить в диалог о том, в каком обществе мы хотим жить. Как и представленные здесь теоретики, я хотел бы, чтобы развернулась свежая, прогрессивная дискуссия о смысле и будущем труда. Я бы хотел, чтобы мы помнили, что рабочая неделя с девяти до пяти, с понедельника по пятницу - это относительно современное изобретение, и говорили о других возможных способах распределения труда. Я бы хотел, чтобы мы подумали об альтернативных способах получения удовольствия и солидарности, которые до сих пор традиционно искали в работе. Я бы хотел, чтобы мы отстаивали право на разнообразную и содержательную жизнь вне работы и искали способы самореализации, которые делают нас менее причастными к стремлению капиталистов к частной прибыли. Все это требует от нас альтернативного видения человеческого прогресса и счастья, основанного на нематериальных благах, таких как благополучие, свободное время и право на реализацию наших человеческих способностей. Все это требует радикального отказа от устаревшего мышления, согласно которому процветание развитой страны по-прежнему можно измерить экономическим ростом.

2: Рабочие муки

Мы ненавидели это место и презирали все, что оно олицетворяло, и в то же время ужасно боялись, что нас "отпустят" в экономический вакуум, где нам будет трудно найти работу и придется выставять себя перед другими потенциальными работодателями такими же энтузиастами, покладистыми и гибкими. Я часто приходил на склад по утрам со смесью облегчения от того, что у меня все еще есть работа, и разочарования от того, что это место не было каким-то образом сметено ночью.

Айвор Саутвуд - Non-Stop Inertia (2011)

Социальные критики уже давно анализируют духовные издержки работы, и эти усилия обогащаются рассказами самих работников из первых рук. Книга Стадса Теркеля "Работа" 1972 года заслуживает отдельного упоминания как настоящая сокровищница знаний о повседневных реалиях людей. Приведу лишь несколько примеров из этой книги. Фил Сталлингс, сварщик точечной сварки в компании Ford, описывает свой ежедневный обход:

У сварочного пистолета квадратная рукоятка с кнопкой сверху для высокого напряжения и кнопкой снизу для низкого. Первая - сжимает металл в кулак. Вторая - сплавляет его... Я стою на одном месте, примерно в двух-трех футах, всю ночь. Человек останавливается только тогда, когда останавливается линия. Мы делаем около тридцати двух работ на машину, на единицу продукции. Сорок восемь единиц в час, восемь часов в день. Тридцать два раза по сорок восемь раз на восемь. Прикиньте. Именно столько раз я нажимаю на эту кнопку. (Теркель, 2004: 159)

Стив Дуби, сталевар, размышляет о своем статусе работника:

С тобой не считаются. Ты просто номер. Как заключенный. Когда ты отчитываешься, ты говоришь им номер своего жетона. Многие люди не знают твоего имени. Они знают тебя по номеру жетона. Мой номер 44-065. В главном офисе они не знают, кто такой 44-065... Они просто знают, что он 44-065. (Теркель, 2004: 554).

В первой главе этой книги я предложил провокацию: что, если вместо того, чтобы принять общество, ориентированное на работу, как естественное и неизбежное, мы могли бы начать серьезные дебаты о будущем работы? В современном обществе работа - это основной способ получения дохода, формирования идентичности, социального вклада и участия в жизни других людей, но для огромного числа людей работа стала крайне ненадежным источником этих вещей. В этой главе я продолжаю приводить доводы в пользу радикальной переоценки работы, сосредоточившись на этот раз на самом опыте работы. Несмотря на святость и центральную роль работы в современном обществе, суровая реальность такова, что многие люди продолжают воспринимать свою работу примерно так же, как Фил и Стив: как утомительную и бессмысленную форму активности, выполняемую в основном по необходимости. Это то, что Маркс знаменито признал в своей концепции "отчуждения". Применительно к опыту работы в капиталистическом обществе в этой главе говорится о

том, что до тех пор, пока экономическая рациональность продолжает диктовать цели и методы производства, существующие попытки гуманизации условий труда весьма ограничены в своих возможностях. Это еще одна причина, по которой перспектива уменьшения количества работы и расширения возможностей для развития ассоциаций и деятельности вне рамок работы остается столь актуальной.

Отчуждение и безразличие

Концепция отчуждения обычно ассоциируется с Марксом. Центральным элементом его критики труда была концепция труда как "жизни вида" (Marx, 1959: 75). Маркс отличал человека от других животных благодаря его способности выйти за пределы ограничений, наложенных на жизнь природой, и в сознательном процессе самовыражения создать мир искусственных объектов. Считается, что своим трудом человек целенаправленно переделывает мир природы, расширяя возможности человеческой жизни: "Человек вечно переделывает природу и с каждым изменением позволяет своим силам достигать новых видов и степеней реализации" (Ollman, 1971: 101). Именно на основе этого нравственного идеала самореализации через труд Маркс предпринял свою критику труда в капиталистической системе. В "Капитале" Маркс писал, что возможность самореализации человека через использование производительных способностей подавляется индустриальными формами труда, которые "калечат рабочего, превращая его в осколок человека, низводят его до уровня придатка машины, уничтожают все остатки очарования в его работе и превращают ее в ненавистную каторгу" (Marx, 1906: 708). Маркс считал, что труд перестал быть деятельностью, выражающей потребность человека формировать окружающий мир, и теперь выполняется безрадостно, из необходимости зарабатывать на жизнь. Другими словами, он превратился в отчужденную деятельность. В часто цитируемом отрывке из "Экономическо-философских рукописей" Маркс говорит о том, что опыт отчужденного труда обладает качеством отстраненности:

В своей работе... [рабочий] не утверждает себя, а отрицает, не чувствует себя довольным, а чувствует несчастным, не развивает свободно свою физическую и умственную энергию, а умерщвляет свое тело и разрушает свой разум. Рабочий, таким образом, чувствует себя только вне своего труда, а в своем труде чувствует себя вне себя". (Маркс, 1959: 72)

Чтобы использовать термин "отчуждение", не обязательно полностью разделять философию Маркса о природе человека. Достаточно признать, что трудовая деятельность представляет собой потенциальную возможность для творчества и сотрудничества, а также для переживания удовлетворенности и укорененности в мире, но работа часто организована таким образом, что лишает ее этих качеств. Вслед за Марксом концепция отчуждения стала гибко использоваться для описания чувства безразличия работников к работе, которую они выполняют. Такие авторы, как Роберт Блаунер (1964) и Гарри Браверман (1974), например, помогли перенести концепцию отчуждения на реалии повседневной жизни на фабрике. Постоянно повторяющаяся тема в этих текстах, как и в критике самого Маркса, сосредоточена на отчуждающем эффекте разделения труда. Доведенные до новых крайностей в капиталистическом

обществе, разделение и подразделение производственного процесса, как утверждалось, включает каждого рабочего в узкую роль, сужая его зону ответственности, лишая его творческого подхода к работе и отнимая у него всякую значимую связь с его продуктом. Усиленное использование механических технологий также критиковалось за то, что они лишают труд мастерства, превращая рабочего в простого надсмотрщика или придаток машин.

Как отмечают многие критики, эти методы нашли свое окончательное воплощение в тейлоризме - наборе организационных практик, широко известных благодаря американскому инженеру Фредерику Тейлору, которые он разработал в конце девятнадцатого века. Беспринципное стремление капитализма к эффективности и прибыли означало, что ни одно решение о темпах и методах трудового процесса не может быть оставлено на усмотрение работника. Разработки, связанные с тейлоризмом, были доведены до совершенства в движущейся сборочной линии Генри Форда, которая выпускала одинаковые автомобили модели Т с вполне предсказуемой скоростью производства, но не без значительных духовных затрат для рабочего. Поскольку из трудового процесса были изгнаны такие уникальные человеческие качества, как инициатива, творчество и сотрудничество, критики утверждали, что работа обрекает нас действовать не как люди, а как обезличенные, взаимозаменяемые единицы рабочей силы. Это было ярко сатирически показано Чарли Чаплином в его фильме 1936 года "Современные времена", в котором Чаплин - рабочий сборочной линии - превратился благодаря своей работе в маниакальный, дергающийся автомат. Чтобы не отставать от скорости и механической точности машины, Чаплин был вынужден сам стать таким же.

Учитывая трансформации в работе, произошедшие со времен индустриального периода, пример Чаплина, конечно, довольно архаичен. Мы не можем говорить об отчуждении, не признавая широко задокументированный переход на Западе от индустриальной к постиндустриальной экономике, которая все больше состоит из рабочих мест, требующих от работника выполнения услуг или манипулирования информацией, а не производства материальных товаров. Если марксистские критики считали, что индустриальный труд подавлял способности работника, то во второй половине XX века ситуация изменилась: многие комментаторы приветствовали наступление эры постиндустриального труда с энтузиазмом. Футурологи предсказывали наступление новой "экономики знаний", в которой произойдет отход от старого стандартизированного ручного труда в пользу более высокой концентрации интеллектуальных рабочих мест в сфере услуг и компьютерной индустрии (Bell, 1973). Ставшее политической ортодоксией, понятие новой "экономики знаний" было впервые отмечено экономистами и социологами в 1960-х годах, когда было принято считать, что будущее процветание стран будет зависеть от их способности производить умных, знающих работников для новой эры труда. Постиндустриальные формы занятости помогут вернуть "человеческий фактор" в работу, и работа больше не будет сводиться к эффективности и выполнению приказов; она будет опираться на более характерные человеческие качества, такие как социальная компетентность, когнитивные способности, практический опыт или сознание ответственности, предлагая работникам новые возможности чувствовать моральную заинтересованность в своей работе (Offe, 1985: 137-8).

Оглядываясь назад, некоторые комментаторы сочли нужным поставить под сомнение эти утверждения о переходе к бурно развивающейся экономике знаний (Thompson et al., 2001). Хотя статистическая доля рабочих мест в сфере услуг или информационных отраслях, несомненно, увеличилась, мы должны с осторожностью воспринимать эту тенденцию как свидетельство перехода к более гуманному, высококвалифицированному миру труда (см. Fleming et al., 2004). Категории профессий не говорят нам всего, что можно знать о том, как воспринимаются те или иные формы работы, и статистика не отражает более рутинные и жалкие аспекты многих современных рабочих мест. Работники, которые сегодня сидят за компьютерами, выполняя изо дня в день одни и те же задания, на самом деле могут относиться к своему труду примерно так же, как отчужденный промышленный рабочий. Похоже, что те, кто воспевал наступление эры постиндустриального труда, радикально недооценили степень использования компьютерных технологий для стандартизации труда в цифровую эпоху. На многих современных рабочих местах компьютерные технологии используются не для расширения возможностей работника, а для введения новых крайностей интенсификации труда и контроля. Исследования классического примера плохой работы - колл-центра - фиксируют ряд практик, которые сегодня стали обычным явлением. Автодозвончики подключают входящие и исходящие звонки прямо к гарнитурам сотрудников, причем перерывы между звонками не допускаются. Программное обеспечение для мониторинга собирает данные о производительности каждого сотрудника, автоматически сообщая руководителям об опозданиях или неудовлетворительной работе, чтобы их можно было привлечь к коучингу, дисциплинарному взысканию или пристыдить. В одном из исследований современный колл-центр описывается как "электронный паноптикон" (Ferne and Metcalf, 2000), а в другом говорится о "конвейере в голове" работника колл-центра, который всегда знает, что за выполнением одной задачи сразу же последует выполнение другой (Taylor and Bain, 1999). В 2013 году в обществе разгорелась полемика вокруг условий труда складских работников (или "сборщиков") онлайн-мегамаркета Amazon, где с помощью карманных компьютеров низкооплачиваемых работников заставляют соблюдать необоснованно жесткие временные рамки, пока они бороздят огромные склады, сканируя и собирая заказы. Репортер, работающий под прикрытием, пишет: "Мы машины, мы роботы, мы подключаем наш сканер к компьютеру, мы держим его в руках, но с тем же успехом мы можем подключить его к себе" (BBC News, 2013).

Ричард Сеннетт привел яркий пример последствий компьютеризации в своем исследовании современной пекарни (Sennett, 1998). В пекарне, которую исследовал Сеннетт, выпечка хлеба осуществлялась не путем замеса и замешивания, а исключительно с помощью манипуляций с иконками на экране компьютера. От работников не требовалось никаких реальных знаний о процессе выпечки, и у них не было возможности прикоснуться к тесту. Сеннетт писал, что рабочий процесс, закодированный в автоматизированных машинах, стал непрозрачным и "нечитаемым" для рабочих, которые таким образом не смогли развить культуру или чувство гордости за свою работу. Рабочие, писал он, "отчетливо осознают тот факт, что выполняют простые, бездумные задания и делают меньше, чем умеют" (Sennett, 1998: 70). Описывая пекарей, Сеннетт отказался от использования слова "отчуждение" в традиционном

марксистском смысле, когда оно представляет собой искру, разжигающую борьбу рабочих, вместо этого предположив, что пекари просто стали безразличны к своей работе. Важно то, что процесс компьютеризации и отчуждения, описанный Сеннеттом, наблюдается даже в самых желанных профессиях общества. Даже на высококлассных рабочих местах знания могут быть заключены в электронные технологические руководства, в которых до мельчайших подробностей расписаны процедуры выполнения работы, или в полуавтоматические компьютерные программы, которые выполняют рабочие задачи при минимальном вмешательстве человека (Brown et al., 2011). Если компьютеризация трудового процесса позволит выполнять многие задания без навыков и инициативы, которых они когда-то требовали, это может оказать разрушительное воздействие на культуру на рабочем месте, в результате чего многие работники будут чувствовать себя незаинтересованными и оторванными от работы, которую они выполняют. Современные формы работы могут быть чище и спокойнее, чем индустриальный труд, но очевидно, что многие из традиционных источников неудовлетворенности все еще остаются.

Новая близость работы

Термин "отчуждение" традиционно использовался для описания отстраненности или безразличия работников к выполняемой ими работе - тенденция, которая так же распространена в современную эпоху компьютеризированного труда, как и во времена расцвета фордовского конвейера. Однако в XXI веке мы также наблюдаем нормализацию новой формы отчуждения. Эта новая форма характеризуется не исключением человеческих качеств из трудового процесса, а включением и эксплуатацией этих качеств. Проблема здесь не в том, что трудовой процесс не предоставляет возможностей для самовыражения и идентификации, а в том, что работодатель ожидает от работников полной вовлеченности и вложенности в работу. Своим пониманием этой новой формы отчуждения мы обязаны классическому исследованию К. Райта Миллса "Белый воротничок" (Mills, 1956), хотя впоследствии дискуссии в этой области были популяризированы Арли Хохшильд и ее теорией "эмоционального труда" (Hochschild, 1983). Оба автора, по сути, ставили один и тот же вопрос: каковы последствия, когда вместо того, чтобы утром оставить свои человеческие качества дома, работников прямо просят принести на работу свои эмоции, свои личности и свою индивидуальность?

В своей книге "Управляемое сердце" (1983) Хохшильд предположила, что для того, чтобы функционировать в качестве интегрированных членов общества, от людей регулярно требуется управлять своими эмоциями. Например, от нас может потребоваться выражение благодарности после того, как мы развернули плохо оцененный подарок, или мы можем попытаться подавить желание рассмеяться, когда друг страдает от несчастья. В социальном мире от нас постоянно требуется работать над своими чувствами, чтобы выразить социально подходящую эмоцию или, как выразилась Хохшильд, удовлетворить культурно согласованные "правила чувств" в данной ситуации. Теория Хохшильд актуальна для современной работы в той мере, в какой способность выполнять работу над эмоциями все чаще становится ис-

точником коммерческой ценности. Наиболее наглядные примеры эмоционального труда можно найти в сфере обслуживания, где управление эмоциями является основным элементом работы. От работников сферы обслуживания постоянно требуется "вызывать или подавлять чувства, чтобы поддерживать внешнее выражение лица, вызывающее соответствующее душевное состояние у других" (Hochschild, 1983: 7).

Хохшильд развила эти идеи, изучив работу бортпроводников в начале 1980-х годов. Она обнаружила, что стюардесс интенсивно тренировали, чтобы они принимали эмоциональное поведение, наиболее подходящее для предоставления хорошего сервиса: стажеров учили демонстрировать теплый характер, дух энтузиазма и "высокие моральные качества" (Hochschild, 1983: 97). Реклама авиакомпании обещала клиентам дружелюбный полет, и стюардесс также учили следовать точным техникам управления гневом, чтобы помочь им оставаться вежливыми с проблемными пассажирами. Хохшильд утверждала, что попытки менеджеров диктовать сотрудникам их аффективное поведение представляют собой своего рода эмоциональную стандартизацию или тейлоризм: "Социальный обмен принудительно загоняется в узкие каналы; вдоль берега могут быть укромные места, но гораздо меньше пространства для индивидуального плавания по эмоциональным водам" (Hochschild, 1983: 119). Частная эмоциональная система стала управляться коммерческой логикой, и работник лишился права распоряжаться своим эмоциональным и интерактивным поведением. Мы можем рассмотреть сопоставимую ситуацию многих современных работников розничной торговли, многие из которых проходят обучение симуляции дружелюбия или получают пошаговые сценарии и подсказки на экране, которые направляют их в процессе взаимодействия с клиентами. [1] Соблюдение правил поведения часто обеспечивается с помощью сложного дисциплинарного аппарата, с камерами наблюдения, "тайными покупателями", процедурами рассмотрения жалоб клиентов и оценками сотрудников - все это поддерживает предсказуемость поведения работников.

Основные опасения Хохшильд связаны с потенциально стрессовым или психологически оцепеняющим эффектом эмоционального труда. Ежедневная необходимость отделять внешние социальные представления от внутренних чувств рассматривалась как источник психического напряжения. Попытки микроуправления интерактивным поведением работников также могут восприниматься как своего рода нарушение личности, поскольку эмоциональный труд "задействует источник самости, который мы почитаем как глубокий и неотъемлемый от нашей индивидуальности" (Hochschild, 1983: 7). Вынужденная улыбка неловкому клиенту, сдерживаемый гнев на мстительного начальника, демонстрация энтузиазма, необходимого для достижения вершины - эти маленькие личные жертвы в конечном итоге накапливаются, вызывая психическую усталость, а возможно, и подрывая самооощение работника. Если подъем сервисного труда, казалось бы, должен был означать долгожданное возвращение человеческих способностей в трудовой процесс, то Франко Берарди предполагает, что эмоциональный (или, как он его называет, "когнитивный") труд больше похож на трудоемкую драму:

Когнитивный труд - это, по сути, труд коммуникации, то есть коммуникации, направленной на работу. С определенной точки зрения, это можно рассматривать как обогащение опыта. Но это также (и это, как правило, так) обеднение, поскольку

коммуникация теряет свой характер безвозмездного, приятного и эротического контакта, становясь экономической необходимостью, безрадостной фикцией. (Berardi, 2009: 87).

Насколько мне известно, один из самых провокационных примеров безрадостной фикции Берарди можно найти в книге Седерстрёма и Флеминга "Мертвец работает" (Cederström and Fleming, 2012). Авторы обсуждают документальный фильм BBC Луи Тери, в котором рассказывается о жизни молодых женщин, живущих и работающих в легальном борделе в Неваде, США. В документальном фильме клиент, которого женщины боятся больше всего, - это Хэнк, внешне мягкий и приятный мужчина, чья самая примечательная черта заключается в том, что он никогда не хочет заниматься сексом с работницами. Седерстрём и Флеминг предполагают, что женщины боялись Хэнка больше, чем других клиентов, потому что Хэнк требовал за свои деньги нечто большее, чем поверхностное исполнение. То, за что платит Хэнк, посещая бордель, - это форма того, что ребенок Хохса мог бы назвать "глубоким актерством": его относительно не интересуют тела и внешность; он хочет провести долгий вечер с настоящей девушкой, полный поцелуев, объятий и разговоров о будущем. Это был эмоциональный труд в самом интенсивном его проявлении.

Эмоциональная проституция - это, несомненно, крайний пример, но не нужно сильно напрягать воображение, чтобы сравнить истощение, которое испытывают "подружки" Хэнка, с негативным опытом целого ряда работников, чья работа заключается в том, чтобы вызывать у других желаемое эмоциональное состояние. В конце концов, лексика сопротивления работе так часто связана с идеей проституции: "продать себя", "продать душу", отдаться "мужчине" и так далее. Когда работников заставляют принять ценности компании или клиента, многие из них опасаются прокрадывающегося чувства неаутентичности или унижения, которое часто следует за этим. Масштабы этой новой формы отчуждения становятся очевидными, когда мы понимаем, что не только работники сферы обслуживания сегодня подвергаются риску эмоционально тяжелой работы. В то время как работники индустриальной эпохи были подчинены телесной дисциплине, их мысли и эмоции мало волновали работодателя, пока эти мысли и эмоции не влияли на выполнение работы. Однако в современных нематериальных формах труда, где не всегда легко определить количественную производительность работника, менеджерам становится все труднее оценивать продуктивность каждого работника. В результате работников все чаще оценивают по их "характеру" (Gorz, 1999: 39-44; Weeks, 2011: 69-75). Хороший работник - это тот, кто демонстрирует владение социальными нормами профессионализма, не играет в преданность делу, проявляет энтузиазм и соответствует целям организации. Поскольку объективно трудно сказать, кто из работников наиболее продуктивен, лучший сотрудник - это тот, кто стремится к успеху, приветлив, динамичен и является командным игроком.

Кэтрин Кейси исследовала культуру высокой самоотдачи в капиталистических организациях в своем примере корпорации "Гефест" (псевдоним) из списка Fortune 500 (Casey, 1995). Менеджеры "Гефеста" стремились создать рабочее место с солидарностью и сплоченностью индустриальной культуры, но, как и во всех современных корпорациях, руководители также хотели, чтобы их дисциплина была гладкой и незаметной, чтобы снизить вероятность конфликтов. Кейси утверждает, что компании

часто стремятся к этому идеалу, вкладывая значительные финансовые средства в усилия, направленные на то, чтобы побудить сотрудников согласовать свои ценности и идентичность с компанией. Иными словами, работники превращаются в "людей компании". В "Гефесте" идентификация с работой продвигалась с помощью организационной риторики, основанной на таких идеях, как "команда" и "семья", призванных вызвать у работников чувство преданности и личных обязательств. Такие идеи, как "команда" и "семья", служат для того, чтобы представить рабочее место как область этических, а не экономических целей, более тесно привязывая работников к целям организации. Кейси пишет, что архетипический сотрудник "Гефеста" - это тот, кто "бесспорно трудолюбив, предан компании и ее продукции, лоялен и привержен ей, и готов пройти лишнюю милю ради компании и своей команды" (Casey, 1995: 127). Сотрудники отвечали на эти обязательства эмоциональным трудом, в ходе которого они прилагали тщательные, постоянные усилия по управлению своим поведением и использованием языка. Сильные перформативные требования работы были блестяще отражены участником Джерри, который носил с собой портфель, в котором ничего не было, просто потому, что так он выглядел профессионалом. Сотрудники "Гефеста" также демонстрировали свою лояльность, заметно работая в дополнительные часы. Работники, приезжавшие на выходные, хотели, чтобы другие сотрудники видели их машины на парковке, а работники, чьи семейные обязательства не позволяли им приходить рано или задерживаться допоздна, были вынуждены устраивать в коридорах театрализованные демонстрации сожаления и извинений. Как только эти условности, связанные с высокими обязательствами, вошли в культуру рабочего места, сотрудникам стало трудно им сопротивляться. Кейси заметил, что "семья" и "команда" быстро ополчились на работников, не справившихся с поставленными задачами.

Работники, конечно, по-разному реагируют на организационную культуру с высокой степенью приверженности. В случае с "Гефестом" одни работники вступали в сговор с культурой рабочего места, другие защищали себя от нее, а третьи сознательно подчинялись ей, понимая, что это, вероятно, облегчит им жизнь. Однако независимо от ориентации работников на культуру рабочего места с высокой степенью ответственности, утверждает Кейси, "Гефест" был компанией, изобилующей психическим беспокойством, навязчивыми идеями и самообвинением. Все это не удивительно: это просто подтверждает широко распространенный в культуре страх, что наша работа нас поглотит. Однако особенно беспокоит то, насколько культура высокой самоотдачи, описанная Кейси и другими исследователями, больше не кажется ограниченным верхним эшелонам рынка труда. Теперь способность убедительно продемонстрировать профессионализм ожидается и от сотрудников на менее престижных и низкооплачиваемых должностях. Один из участников моего исследования (Мэтью, с которым мы познакомимся позже) обратил мое внимание на объявление о вакансии заполнителя полок в крупном магазине товаров повседневного спроса B&M. Объявление гласило: "Если вы амбициозны, обладаете прекрасными личными качествами и страстью к успеху (как и мы), вам обязательно понравится работать в B&M!" Кажется маловероятным, что такие профессиональные качества, как амбициозность и страсть, могут быть существенно использованы при укладке полок, но работодатель тем не менее просит о них. Исследование Колина Кремина позво-

ляет предположить, что это отражает общую тенденцию. Проведенный им анализ объявлений о работе в газете *Yorkshire Post* за период с 1870 по 2001 год показал, что этот "язык личности" становится все более распространенным: "почти каждая работа требует коммуникативных навыков" и предполагает работу в "команде" (Cremin, 2003).

Если раньше попытки стандартизировать и контролировать работу вызывали у работников чувство отстраненности и безразличия, то более поздние попытки поощрить эмоциональное участие в работе несут в себе свои собственные риски. Существует четкий предел того, как далеко можно завести работников, чтобы они вкладывали себя в чужие цели, когда личные издержки интенсивной работы - стресс, выгорание, невозможность расслабиться в нерабочее время - так хорошо известны. Однако, демонстрируя удивительную стойкость, многие современные менеджеры упреждают это нежелание еще одной стратегией. В интересах прибыли и производительности эта новейшая стратегия обещает дать работникам больше индивидуальности и свободы. Автор популярного руководства по менеджменту пишет, что "когда люди счастливы и свободны быть самими собой, они более продуктивны и отдают больше себя" (Bains, 2007). В соответствии с этим новым этическим принципом на рабочие места переносятся те аспекты личности работников, которые раньше не допускались или игнорировались работодателями. Акцент делается на "быть собой" и "веселиться", а прежние попытки организаций создать единую рабочую культуру и высокий уровень идентификации с ценностями компании списываются как грубые и устаревшие. Эту новую этику иногда называют "калифорнийской идеологией", что объясняется ее распространенностью в американской Силиконовой долине. В Великобритании ее олицетворением может служить (хотя и экстремальный) пример лондонских офисов Google, которые представляют собой своеобразную игровую площадку с бобовыми мешочками, площадками, зонами отдыха и старомодной гостиной, созданной для того, чтобы сотрудники могли "работать из дома", оставаясь в офисе.

Питер Флеминг и Эндрю Стерди исследовали этот новый веселый рабочий дух в своем труде, посвященном колл-центру Sunray (псевдоним) (Fleming and Sturdy, 2011). Рабочей культурой в Sunray управлял достойный критики принцип "3Fs": "Focus, Fun, Fulfilment" (Фокус, Веселье, Выполнение) - лозунг, повторяемый на собраниях коллектива, в литературе по подбору персонала и на аттестационных сессиях. Попытки привнести в офис веселье привели к появлению целого ряда мероприятий, от викторин, тематических маскарадных костюмов и выездных дней до пятничных посиделок с выпивкой и украшения офиса под джунгли. Объявления о приеме на работу в Sunray пестрели фразой "Вы умеете веселиться?", а руководители призывали сотрудников "быть собой" и проявлять свою индивидуальность. Вероятно, можно предположить, что это право "быть собой" не распространялось на право быть негативным или несчастным. Правильное отношение состоит в том, чтобы показать "позитивную личность, детскую игривость, кипучий ум, экстравертный и беспечный нрав" (Fleming and Spicer, 2004: 82). Интроверты, мыслители и люди с более своенравным или бунтарским пониманием веселья могут не обращаться. Флеминг и Стерди также обнаружили, что электронный паноптикон колл-центра с его более традиционными средствами контроля (автоматическое распределение звон-

ков, мониторинг производительности и иерархическая структура управления) все еще продолжает действовать. В то время как некоторые из опрошенных работников говорили, что им нравится этот 3Fs, другие считали, что им промывают мозги.

Флеминг и Стерди глубоко критиковали то, что они наблюдали в Sunray, утверждая, что риторика о веселье и индивидуальности на работе в конечном итоге служит двум основным целям. Первая - "захватить социальность" работника. Поощряя работников привносить в работу свою индивидуальность, менеджеры надеются, что персонал будет предлагать клиентам более индивидуальное обслуживание. Вторая и более заметная функция - отвлечь внимание от отчуждающего рабочего процесса: "Руководство обосновало "3Fs", чтобы компенсировать тяжелую и рутинную работу, требуемую от агентов и обеспеченную техническим, бюрократическим и культурным контролем" (Fleming and Sturdy, 2011: 192). Показательно то, насколько работникам не столько разрешалось, сколько предписывалось "быть собой". Парадоксальное предписание "будь собой... или иначе" сбilo с толку даже менеджеров. Менеджер по персоналу неловко промямлил:

Каждая наша деятельность в рамках 3Fs осуществляется под контролем, и ее соблюдение является обязательным - хотя индивидуализм и творчество поощряются... у нас единое отношение к Sunray... гм... но люди все равно могут быть самими собой". (Fleming and Sturdy, 2011: 191)

В конечном счете, кажется, что широко разрекламированная свобода калифорнийской идеологии - это поверхностная, тщательно управляемая свобода, которая имеет место в строгих границах. Заимствуя некоторые примеры Флеминга и Стерди, можно сказать, что это свобода иметь уникальный цвет волос, носить короткую юбку или продемонстрировать доску для серфинга в своем кабинете, но не иметь реального влияния на трудовой процесс. Меры, направленные на привнесение элемента веселья и свободы в рабочую среду, не только представляют собой поверхностную форму свободы, но и могут иметь пагубные последствия, делая сомнительную с этической точки зрения работу приятной. Как считает Горц, можно создать благоприятную и приятную рабочую среду независимо от того, что производится, будь то "химическое оружие или лекарства, боевики или обучающие игры, порнография или книги по искусству" (Gorz, 1985: 52). В "гуманизированных" офисах компании, известной тем, что эксплуатирует потогонных рабочих, подсаживает детей на сахарные хлопья или открывает новые рынки для фармацевтических препаратов, менеджер среднего звена может забыть о моральных устоях, надев на работу футболку, украсив свой офис и наслаждаясь привилегиями корпоративного обеда. Гуманизация рабочего дня может принести свои поверхностные удовольствия, но она, конечно, не гарантирует, что работа будет служить гуманным, социально ценным целям.

Пределы автономии в труде

Мы видели, что в то время как ряд авторов вслед за Марксом высказывались об отчуждающих свойствах индустриального труда, другие, предвидя переход к новой, основанной на экономике знаний, верили, что будущее будет более светлым. Считалось, что новые формы занятости откроют возможности для гуманизации

труда. Однако очевидно, что в организации и восприятии трудового процесса все еще сильны преемственные связи с отчужденными формами механического труда. Тейлоризм продолжает жить и в век компьютеризации, поскольку работников по-прежнему контролируют по времени, микроуправляют и заставляют работать над мелкими, повторяющимися заданиями в рамках системы производства, ориентированной на прибыль. В дополнение к этим более традиционным методам контроля мы также наблюдаем появление новой формы отчуждения, заключающейся в попытке корпорации внедрить и эксплуатировать самость работника. Рост сферы услуг также привел к увеличению числа попыток микроуправления эмоциональным поведением работника. Наряду с этим стратегии управления культурой рабочего места пытались добиться полной идентификации с ролью, а там, где эти инициативы оказывались ограниченными, новый этос игры на работе пытался облечь отчужденный труд в язык веселья и свободы. В каждом случае работа, казалось бы, обещает стать более свободной и гуманной - предложить людям возможность использовать свои коммуникативные способности; ощутить чувство принадлежности к организации; быть собой и получать удовольствие от работы - но в каждом случае работа также становится более инвазивной, ее требования к нам самим становятся все более глубокими, а методы контроля - все более психологически изощренными и всеобъемлющими.

Я должен оговориться, что тенденции, которые я здесь выявил, - это, конечно, только общие тенденции, и они не могут говорить о трудовом опыте каждого. В 1960-х годах Роберт Блаунер утверждал, что вопрос о том, стала ли работа отчуждающей, слишком часто ставится в общем виде. Проведя сравнительное исследование промышленных рабочих мест, он смог показать, что опыт работников сильно различается как внутри отрасли, так и между отраслями, и поэтому он пришел к выводу, что уместнее говорить об "отчуждающих тенденциях" в работе, чем утверждать, что вся работа стала отчуждающей (Blauener, 1964). Даже самые радикальные критики труда не считают, что современные формы занятости исключают всякую возможность самовыражения, инициативы и сотрудничества. Горц утверждал, что даже когда работник не контролирует цели и методы производства, работа все равно может быть приятной и увлекательной: "Гетерономия не означает, что рабочее место должно быть адом или чистилищем" (Gorz, 1985: 51).

Хотя мы, конечно, можем признать, что работа может быть приятной и интересной, я бы все же утверждал, что отчуждение остается главным источником современных страданий и еще одной социальной проблемой, требующей согласованной переоценки общества, ориентированного на работу. Если работа часто приносит удовлетворение, то очевидно, что доступ к полезной, значимой занятости остается глубоко неравным и что моральная святость труда болезненно не соответствует тому, как огромная часть людей на самом деле воспринимает свою работу. Проблема заключается в том, что предложение капиталистическими фирмами полезных рабочих мест определяется не человеческой потребностью в условиях, в которых можно выполнять интересную работу, а тем, выгодны ли эти рабочие места для фирмы или нет. Помимо стимула сделать работу хотя бы сносной, чтобы работники продолжали приходить на работу и выполнять ее, в логике капитализма нет ничего, что заставляло бы его удовлетворять человеческое стремление к осмысленной, приносящей удовлетворение работе (Wright, 2010: 48). Чтобы доказать это, достаточ-

но посмотреть, как быстро рушится видимость равенства и сотрудничества между рабочими и начальством, как только компания вынуждена сокращать расходы и избавляться от работников. Подобные инциденты служат грубым напоминанием о том, что работники, когда дело доходит до дела, являются не частью семьи компании, а одноразовыми инструментами для получения частной прибыли (Gorz, 1989: 64).

Мы можем определить истинный, осмысленный труд как работу, в которой людям позволено выполнять задания в соответствии с их собственными техническими, эстетическими и социальными критериями, то есть работать в соответствии с их собственными представлениями об эффективности, красоте и полезности. Существуют четкие ограничения в отношении того, в какой степени этот вид истинного, осмысленного труда может быть реализован на рабочих местах, предоставляемых капиталистической экономикой. Хотя сегодня многие работодатели призывают работников советоваться и размышлять, планировать и обсуждать, а также "выражать свое настоящее я", любая автономия, которую допускает работник, всегда ограничена более широкими целями предприятия, которые всегда определяются компанией и экономическими силами, в которых она работает. Флеминг и Стерди утверждают, что попытки вернуть человеческий фактор в работу в конечном итоге сводятся к установлению "свободы вокруг контроля" (Fleming and Sturdy, 2011) - возможно, это намеренный отголосок более ранней ссылки Горца на "автономию внутри гетерономии" (Gorz, 1999). Если современные формы работы приглашают нас быть активными, экспрессивными и готовыми к сотрудничеству, то нам предлагают быть такими только в рамках тех целей, которые ставит перед нами компания.

Капитализм призывает [работников] советоваться и размышлять, планировать и обсуждать то, что они делают, быть автономными субъектами производства, но он также призывает их ограничивать свою автономию заранее установленными рамками и направлять ее на заранее определенные цели. (Gorz, 1999: 39)

Одной из важнейших предпосылок критической социальной теории и аргументов в пользу сокращения труда является убежденность в том, что работа всегда будет в той или иной степени отчуждающей, пока не будут сохранены некоторые более широкие свободы. Даже если работникам разрешается в какой-то степени контролировать организацию трудового процесса, Горц отмечает, что в целом работникам все равно негде поставить под сомнение потребительскую ценность производимых продуктов и услуг или вступить в дискуссию о влиянии этих продуктов и услуг на общество в целом (Gorz, 1985: 51). Подлинная автономия в нашей производственной деятельности - в том строгом виде, за который ратовал Горц, - предполагает установление свободы для решения более серьезных вопросов. Подлинная автономия заключается в свободе высказывать свое мнение о том, что и для чьего блага производится. Она заключается в свободе ставить под сомнение подлинность и важность потребностей, которые призвана удовлетворить работа (Gorz, 1999: 41).

Наконец, мы можем отметить, что даже в тех случаях, когда работникам предоставляется большая степень автономии в их трудовых функциях, занятость на постоянной работе все равно обычно означает, что наши навыки и способности узко сфокусированы на одном виде деятельности, исключая другие. Даже если работа доставляет удовольствие, она все равно обычно ограничивает нас предписанной и ограниченной ролью в экономической системе, заставляя замолчать те части нас

самих, которые не служат нашей роли в капиталистическом процессе производства. Сам термин "роль", "заимствованный из области театра, предполагает, что существование, навязанное людям обществом, не совпадает ни с тем, какими они являются сами по себе, ни с тем, какими они могли бы быть" (Adorno, 2001: 187). Человек может найти временное утешение, называя себя учителем, менеджером бара или полицейским, но ни одна из этих идентичностей не говорит о том, кем он является на самом деле. Как бы ни старался человек достичь самореализации через принятие рабочей роли, он всегда потерпит неудачу, потому что, по словам Ренаты Салецл, "внутри него всегда будет что-то, что нельзя определить внешней идентичностью" (Salecl, 2011: 49). Как культура, мы уже более или менее смирились с мыслью о том, что трудовая жизнь многих людей часто имеет мало или вообще не имеет отношения к ценностям и занятиям, которые характеризуют их личную жизнь, то есть у каждого из нас есть "я на работе" и "я дома". В этом контексте оплачиваемая работа редко переживается как значимая сама по себе, но сохраняет свою субъективную значимость лишь постольку, поскольку она регулируется извне, с помощью таких стимулов, как доход, безопасность и престиж, которые в конечном итоге являются компенсацией за личные жертвы, присущие самому рабочему дню (Gorz, 1989: 35-6).

Таким образом, строгие рамки, в которых можно проявлять автономию в работе, установленные капитализмом, представляют собой еще одну причину для критического отношения к труду. Очевидно, что центральность и святость работы - ее превознесение как источника идентичности, статуса и социального вклада - по-прежнему сильно расходится с тем, как огромное количество людей на самом деле воспринимают свою работу на ежедневной основе. Для многих людей оплачиваемая работа представляет собой не столько проявление их продуктивных и творческих способностей, сколько препятствие для их развития. Если творческая, осмысленная работа больше не является синонимом того, что люди делают на своей оплачиваемой работе, то с гуманистической или освободительной точки зрения имеет смысл начать изучать возможности сокращения работы и увеличения свободного времени. Сокращение объема работы может дать людям больше возможностей для раскрытия своих талантов и способностей в других местах, в неформальных сетях производства за пределами узких рамок рабочих ролей, предоставляемых капиталистической экономикой.

3: Колонизирующая сила работы

В экономической рациональности нет места для подлинно свободного времени, которое не производит и не потребляет коммерческие блага.

Андре Горц - Критика экономического разума (1989: 115)

В своем исследовании *The Outsourced Self* (Hochschild, 2012) Арли Хохс опросила целый ряд людей, которые удовлетворяли свои потребности, не тратя время или взаимодействуя с друзьями и семьей, а тратя деньги на коммерческие услуги. Люди, у которых было много денег, но мало времени, для удовлетворения своих личных и семейных потребностей прибегали к услугам служб знакомств, организаторов свадеб, менеджеров по уходу за престарелыми и организаторов вечеринок по случаю дня рождения. С присущей ей эмпатией и вниманием к деталям Хохшильд изучила привлекательность этих услуг с точки зрения людей, которые ими пользуются, а также потенциальные недостатки, связанные с тем, что жизнь становится все более обезличенной и коммерциализированной. Рассказывая о своем исследовании на одном из мероприятий, Хохшильд выразила особое удивление тем, как много людей, с которыми она встречалась, вложили деньги в чистейшую кухонную утварь или совершенно новые высокотехнологичные духовые шкафы. Это показалось ей парадоксальным, учитывая занятость этих людей и явную нехватку времени для использования этих приспособлений. Зачем обновлять духовку, если у вас нет времени на готовку? Хохшильд предположила, что новые кухонные приборы служат тотемами для людей, которые их купили: новенькая духовка, сверкающая и неиспользуемая, - это жест в сторону неторопливого образа жизни, который люди хотели бы иметь. Мы можем интерпретировать беспорядок в квартире молодого специалиста примерно таким же образом. Полки с недочитанными романами, стеллажи с пыльными компакт-дисками и шкафы с заплесневелым походным снаряжением становятся символами той неторопливой жизни, которую, как надеялись работники, они будут вести до того, как их поглотила работа.

Тема этой главы - досуг или, точнее, то, почему у нас так мало досуга и почему досуг, который у нас есть, так часто пронизан чувством ответственности и тревоги. Сегодняшняя популярность книг по самопомощи, призывающих своих читателей замедлиться и наслаждаться жизнью (например, Оноре, 2004; Ходжкинсон, 2004), а также еженедельное появление в широких публикациях дискуссий на тему "баланса между работой и личной жизнью" свидетельствуют о том, что люди чувствуют себя спешащими и стесненными в своем свободном времени. По данным Международной организации труда, в 2013 году рабочая сила в Великобритании (включая работников с частичной и полной занятостью) в среднем работала 35,8 часа в неделю, в то время как в США этот показатель составил 38,6 часа. Это далеко от предсказаний Кейнса о радикальном сокращении рабочей недели. Данные, опубликованные профсоюзным комитетом за 2014 год, свидетельствуют о том, что около 20 % британской

рабочей силы регулярно работают сверхурочно без оплаты. В этих 20 % средний показатель неоплачиваемых часов в неделю составлял 7,7 (или 32 млрд фунтов стерлингов невыплаченной заработной платы), но сотни тысяч работников (особенно в сфере образования, гостиничного бизнеса и горнодобывающей промышленности) сообщили, что работают по девять-десять неоплачиваемых часов в неделю (Trade Union Congress, 2015). Статистика рабочего времени дает справедливую оценку количественного воздействия работы, но в этой главе я утверждаю, что ощущаемая нехватка свободного времени и беспокойство по поводу него - это широко распространенный культурный феномен с важным качественным измерением, а не удел людей с самым продолжительным рабочим днем. Деграция досуга должна быть понята как симптом более широкой тенденции экономических требований к колонизации повседневной жизни. В то время, когда образование рискует стать не более чем безрадостной погоней за аттестатом для работы, когда наше взаимодействие с другими людьми часто определяется необходимостью карьерного роста, а безработица превратилась в "поиск работы", который сам по себе является формой работы, - какую часть нашего времени мы можем с уверенностью назвать своей? Когда именно мы по-настоящему освобождаемся от необходимости производить или потреблять экономические блага, чтобы стать по-настоящему свободными для восприятия мира и его культуры?

Свободное время

Начну с простого вопроса: в какой момент рабочий день действительно заканчивается? Несмотря на то, что по контракту мы обязаны работать определенное количество часов в день, очевидно, что мы не просто выходим из своего рабочего места в мир свободы. На это обратил внимание Теодор Адорно в коротком, но пронзительном эссе 1970-х годов под названием "Свободное время" (Adorno, 2001). Адорно поставил под сомнение степень подлинной автономии работников в их нерабочее время, утверждая, что скрытая цель нерабочего времени - просто подготовить людей к возобновлению работы: свободное время вовсе не свободно, а является простым "продолжением форм социальной жизни, ориентированной на прибыль" (Adorno, 2001: 189). Это происходит потому, что оно связано с деятельностью, которая часто имеет сходное с работой качество (просмотр экрана, работа по дому), а также потому, что более отчужденные или изнурительные формы работы вызывают сильную потребность в восстановлении сил. Отчуждающая работа, истощая физическую и умственную энергию людей, приводит к тому, что большую часть нерабочего времени работник тратит на то, чтобы отдохнуть, уйти в эскапистские формы развлечений или получить удовольствие, компенсирующее дневные хлопоты.

Если восстановительные или компенсационные мероприятия, которыми мы занимаемся в свободное время, часто доставляют удовольствие, Адорно в конечном итоге утверждает, что они являются выражением поверхностной свободы. Он утверждает, что свободное время на самом деле вовсе не свободно, пока им руководят силы, от которых люди пытаются убежать. Он настаивает на необходимости различать свободное время и более благоприятную категорию истинного досуга. Если

свободное время представляет собой простое продолжение работы, то истинный досуг - это тот сладкий "оазис неопосредованной жизни", в котором люди отделяются от экономических требований и становятся по-настоящему свободными для мира и его культуры. Адорно утверждает, что в богатых обществах преобладает именно деградирующая форма - свободное время, а не истинный досуг. [1] В этом деградирующем свободном времени самоопределенная деятельность вне работы, как правило, ограничивается "хобби": пустяковыми занятиями, которые выполняются для того, чтобы скоротать скучное время, которое принадлежит нам. Адорно страстно отвергал термин "хобби", считая, что он принижает ценность неоплачиваемой деятельности. В одном памятном отрывке он с гордостью заметил:

У меня нет хобби. Не то чтобы я был таким трудоголиком, который не может ничего делать со своим временем, кроме как усердно заниматься требуемым делом. Но что касается моей деятельности, выходящей за рамки признанной профессии, я отношусь ко всем без исключения очень серьезно... Заниматься музыкой, слушать музыку, читать со всем вниманием - эти занятия являются неотъемлемой частью моей жизни; называть их хобби означало бы насмехаться над ними". (Adorno, 2001: 188-9)

Адорно часто обвиняли в элитарности за довольно воинственное разграничение "высокой" и "низкой" культуры. В приведенной выше цитате его серьезные интересы, связанные с чтением, созданием музыки и ее прослушиванием (что, как мы можем с уверенностью предположить, относится к классической музыке), скрытно противопоставляются "низким", более эскапистским формам культуры. Я не буду отстаивать это различие, но предположу, что в более широком тезисе Адорно об осаде времени людей есть много современного смысла. Подумайте о том, насколько стандартный восьмичасовой рабочий день разбивает свободное время на осколки. Работник, занятый полный рабочий день, воспринимает время как быструю серию дискретных отрезков: постоянно чередующийся цикл рабочих и свободных периодов, в котором свободное время ограничено вечерами, выходными и праздниками. Когда свободное время фрагментировано таким образом, беглые увлечения, которые осуждает Адорно, могут быть всем, на что у нас есть время. Свободное время не дает возможности заниматься более существенными видами деятельности, требующими постоянных затрат времени и энергии в виде концентрации, самоотдачи, создания сообществ или освоения новых навыков (Lodziak, 2002: 100). Крайняя жертва этой ситуации - современный архетипический спешащий работник, который возвращается домой в темное время суток с электронной почтой, на которую еще нужно ответить, чувствует себя слишком истощенным, чтобы эмоционально общаться с семьей, и не склонен делать ничего, кроме как пить вино и смотреть телевизор перед сном. Дело не в том, что пить вино или смотреть телевизор - это "низкие" занятия, а в том, что работник лишен времени и энергии, чтобы выбрать другое.

Современное воплощение идеи Адорно о деградации досуга мы можем найти в фильме *The Lego Movie*, вышедшем в 2014 году. В свободное от работы время главный герой фильма - обычный парень по имени Эммет - проводит большую часть времени, сидя на диване, слушая бездумную поп-песню "Everything is Awesome" (своего рода эквивалент "Happy" Фарелла Уильямса в мире Lego), поглощая рекламу телезрения и религиозно настраиваясь на комедию с меткими фразами под названием "Где мои

штаны?”. Каждый день Эммет принимает душ, чистит зубы и делает зарядку в одно и то же время, а затем попадает в одну и ту же пробку, ведет один и тот же пустой разговор с коллегами и возвращается домой к своему лучшему и единственному другу – комнатному растению. Если мы готовы не замечать иронии в том, что эта критика рождается в самой индустрии культуры капитализма (и в том, что по сути является многомиллионной рекламой Lego), мы находим в ”Лего-фильме” прозорливый образ управляемой природы современной жизни.

Более широкий тезис Адорно о том, что свободное время является продолжением работы, в XXI веке приобрел более буквальный оборот: с развитием сетевых технологий, таких как ноутбуки и смартфоны, работа стала проникать в те сферы жизни, где раньше она отсутствовала и была нежелательна. Мелисса Грегг исследовала, как для многих современных работников работа вырвалась из временного и пространственного ограничения рабочего дня и теперь принимает форму надоедливой и постоянно присутствующего списка ”дел”. В своих интервью с офисными работниками Грегг показывает, как такие технологии, как электронная почта или обмен мгновенными сообщениями, лучшая особенность которых заключается в том, что они позволяют общаться асинхронно, в конечном итоге оказали обратный эффект на современных занятых сотрудников, которые чувствуют давление, заставляющее их постоянно присутствовать, реагировать и быть доступными, будь то в офисе или вне его (Gregg, 2011). В статье на сайте советов по карьере The Grindstone говорится о том, что многие профессионалы уже привыкли к мысли о том, что они постоянно находятся на связи. Один из читателей пишет:

Постоянное общение с клиентом, попавшим в беду или задавшим вопрос по мобильному или Skype, может превратить потенциальный кризис в легкую неприятность на дороге. Клиенты не потерпят отговорки типа ”я был в отпуске”. Если мы не выполним работу, мой следующий отпуск будет в горячей ванне дома с моей резиновой дудочкой”. (Lepore, 2012)

Похоже, что, как и их ноутбуки, подключенные к сети работники современных организаций с высокой степенью ответственности должны всегда оставаться в режиме ожидания.

Давление трудоустройства

Более широкая озабоченность Адорно по поводу тенденции работы колонизировать нашу повседневную жизнь никогда не была столь актуальной и широко применимой, как сегодня. Это связано не только с фрагментацией свободного времени и выходом рабочего дня за привычные рамки, но и с тем, что свободное время теперь находится под угрозой для людей, которые находятся между работами, и даже для молодых людей, которые еще не ступили на путь оплачиваемой занятости. Во многом это связано с новым давлением, которое оказывает на человека понятие ”возможность трудоустройства” (employability): ответственность каждого человека за улучшение своих перспектив путем обучения, получения образования, налаживания контактов, обучения тому, как правильно себя вести, и приобретения жизненного опыта, который соответствует тем ценностям, которые ищут работодатели. Понятие

”возможность трудоустройства” получило широкое распространение в начале XXI века, где оно стало основой неолиберальной политической философии, в которой государство и работодатели больше не стремятся и не считают себя ответственными за обеспечение граждан долговременной и надежной работой. Политики, отстаивающие неолиберальную политику, прославляют оплачиваемую занятость, одновременно ликвидируя социальные гарантии, которые традиционно защищали граждан от неопределенности рынка труда. [2] В этом контексте способность людей неустанно работать над своей трудоспособностью стала пониматься как основа национального и индивидуального процветания (Чертовская и др., 2013).

Стремление оставаться трудоспособным становится более сильным, когда люди чувствуют, что их будущее не имеет гарантий. Начиная с 1990-х годов влиятельные социологи, такие как Ричард Сеннетт (1998), Ульрих Бек (2000) и Зигмунт Бауман (2000), популяризировали идею о том, что капиталистические общества вступили в эпоху отсутствия безопасности. К числу наиболее незащищенных относятся те люди, которые не защищены профсоюзами, получают слишком низкую зарплату, чтобы позволить себе самое необходимое, попали в долговую яму или лишены социальных гарантий, таких как здравоохранение, декретный отпуск и достойное пособие по безработице. В эту незащищенность может попасть кто угодно - от нелегального рабочего-мигранта, работающего без документов и получающего мизерную зарплату, до родителя-одиночки, который боится потерять право на пособие. Она также распространяется на творческих или академических работников, чье будущее, скорее всего, будет наполнено краткосрочными контрактами, переездами и поисками работы. На самом деле можно утверждать, что неустойчивость - это основное состояние каждого, кто зависит от заработной платы для своего выживания. Энгельс в своем исследовании рабочего класса Манчестера, проведенном в 1840-х годах, напоминает нам, что рабочие уже давно живут в страхе стать ненужными для потребностей экономики: ”У [английского пролетария] нет ни малейшей гарантии, что его мастерство позволит ему в будущем заработать даже на самое необходимое для жизни. Любой коммерческий кризис, любая прихоть хозяина может лишить его работы” (Engels, 1987). В современном обществе все большее число людей живет в состоянии, которое Горц назвал ”генерализованной незащищенностью”, постоянно осознавая на каком-то уровне, что они потенциально безработные или недостаточно занятые, потенциально незащищенные или временные работники (Gorz, 1999: 52).

В таком социальном и политическом климате защита от безработицы и водоворота низкокачественной и низкооплачиваемой работы все чаще ложится на плечи самих людей. Для многих людей культивирование способности к трудоустройству будет ощущаться как призвание на всю жизнь: большинство понимает, что ”возможность продать свою рабочую силу зависит от неоплачиваемой, добровольной, невидимой работы, которую они постоянно выполняют, чтобы воспроизвести ее заново” (Gorz, 2010: 20-1). Возможность трудоустройства занимает умы даже детей. Я вспоминаю, что сказал мне один двенадцатилетний мальчик, когда я помогал ему в исследовании программы по борьбе с курением, которая проводилась в его школе. Когда я спросил его, почему ему понравилась эта программа, он ответил: ”Это будет хорошо смотреться в моем резюме”. Это возвращает нас к убеждению Адорно, что даже те сферы жизни, которые традиционно считаются ”нерабочими”, можно

рассматривать как продолжение требований оплачиваемой работы. Беспокойство вызывает тот факт, что наслаждение жизнью все больше подчиняется выращиванию личности для рынка труда. Когда развитие способности к трудоустройству становится практической необходимостью и главной душевной заботой, мы все больше посвящаем себя тому, что нужно делать, вместо того чтобы заниматься деятельностью, имеющей внутреннюю ценность, то есть развивающей наши личные способности, обогащающей наши дружеские отношения или просто потому, что нам нравится ею заниматься. Все меньше и меньше времени остается на те автономные виды деятельности, цель которых - служить критериям добра, истины и красоты, как их определяет каждый человек.

В 1930-х годах Бертран Рассел написал серию эссе, в которых он сетовал на все более торопливый и инструментальный характер современной жизни, напоминая в прекрасно написанных отрывках о неотъемлемой ценности отдыха, игры, созерцания и обучения. [3] Его главной проблемой было то, что без значительного количества свободного времени люди теряют чувство задумчивости и становятся отрезанными от многих жизненных удовольствий:

Раньше существовала способность к легкомыслию и игре, которая была в определенной степени ограничена культом эффективности. Современный человек считает, что все должно делаться ради чего-то другого и никогда ради самого себя". (Рассел, 2004с: 11)

Высказывание Рассела о том, что люди в современных обществах всегда делают одно ради другого, может быть отсылкой к сегодняшнему дискурсу трудоустройства, который требует от нас меньше заикливаться на переживании и наслаждении настоящим, а больше думать о том, как настоящее можно мобилизовать для достижения целей в будущем. Стремящиеся к успеху люди должны изучить учебник по трудоустройству, но не забывать, что все остальные тоже его изучают. Самые успешные игроки умеют уверенно и связно рассказывать о своих прошлых достижениях и о том, как эти достижения соотносятся с миром занятости (Brown and Hesketh, 2004). В анкете при приеме на работу деятельность, которая считалась ценной сама по себе, переформулируется на языке трудоустройства: моя благотворительная работа с бездомными должна быть упомянута, потому что она дала мне опыт работы в волонтерском секторе, а мой автостоп по Европе поощряется, потому что он развил мою способность проявлять инициативу и решать проблемы.

Соответствие дискурсу трудоустройства отчасти обеспечивается воображаемой фигурой будущего работодателя, который всегда метафорически заглядывает через плечо. Колин Кремин назвал это психологическое явление "начальником всех дел": обобщенная проекция будущих работодателей и их ожиданий, которая регулирует действия и выбор человека в настоящем (Cremin, 2011: 43). Начальник всех дел - строгий дисциплинарный работник, на которого нелегко произвести впечатление. Он требует от работника постоянной ответственности, рационального принятия решений и самоменеджмента. Если работник выполняет слишком много работы в разных областях, начальник всех дел может счесть его взбалмошным, нерешительным и неспециализированным. Но если тот же работник будет томиться на одной и той же работе слишком много лет, начальник может решить, что он самодоволен, неамбициозен или слишком узок в своих взглядах. Все молодые ученые, читающие

эти строки, должны знать, что в академических кругах золотое правило босса всех дел заключается в том, что потенциальные сотрудники должны всегда оставаться "активными исследователями". "Как только ты выходишь из игры, ты вылетаешь", - как любил говорить один мой старый коллега. Адорно сделал похожую аллюзию на всезнающего воображаемого босса в 1950-х годах, когда заметил напряженный конформизм начинающего работника:

Все эти нервные люди, от безработного до публичного деятеля, способного в любой момент навлечь на себя гнев тех, чьи инвестиции он представляет, верят, что только с помощью сочувствия, усидчивости, услужливости, искусства и изворотливости, с помощью качеств торговца они могут расположить к себе руководителя, которого они представляют вездесущим, и вскоре нет отношений, которые не рассматривались бы как "связь", нет импульса, который не прошел бы предварительную цензуру на предмет отклонения от приемлемого. (Adorno, 2005: 23)

Если для экономического выживания необходимо работать больше, пренебрегать личными интересами, добираться дальше или работать над завтрашней встречей перед сном, то так и поступают. Размышляя над риторикой объявлений о вакансиях и программ по набору выпускников, Костеа и его коллеги предполагают, что дискурс трудоустройства вызывает у работников беспокойное чувство "бесконечной потенциальности". Каждому работнику внушают, что он или она всегда может быть больше, и трудоустройство превращается в трагический путь, путники которого ведут постоянную войну с самими собой, сомневаясь в соответствии своих личностных качеств и достижений, никогда не будучи уверенными, что тратят свое время достаточно разумно (Costea et al., 2012). Личные черты, которые не вписываются в образ образцового сотрудника - застенчивость, плохое настроение, эмоциональная чувствительность - все это должно быть сглажено, чтобы представить продаваемое "я", которое не вызывает нареканий, ответственно, доступно для понимания и, прежде всего, доступно для найма (Elraz, 2013). Трудоустройство воплощает в себе новую динамику власти, поскольку личные жертвы, приносимые в его интересах, в определенном смысле являются самонавязанными. В отличие от традиционной эксплуатации, которая ограничивается отработанным временем и навязывается извне, через принудительную дисциплину начальников и технологический контроль, дисциплина, требуемая возможностью трудоустройства, является непрерывной и требует постоянного самоконтроля. Возможность трудоустройства представляет собой "прилизанную" форму эксплуатации, которой люди вынуждены подчиняться почти добровольно, поскольку пространственные и временные границы, которые раньше ограничивали эксплуатацию временем, отведенным на работу, разрушаются (Cremin, 2011: 58).

Пожалуй, нигде колонизация жизни требованиями, связанными с работой, не проявляется так явно и не вызывает такого дискомфорта, как в системе общего образования. Образование, определяемое в самом широком смысле, способно принести широкий спектр личных и общественных благ: воспитать в ученике моральное и политическое сознание, привить привычку к критическому мышлению и созерцанию, развить в нем вкус к более возвышенным и сложным удовольствиям культуры. Образование также может обучать широкому набору практических навыков, которые необходимы людям, чтобы стать более сильными, менее зависимыми и способными

заботиться о себе, своем окружении и друг о друге. Все это - правильные и ценные цели для педагогов, однако наиболее распространенной целью образования сегодня является гораздо более узкая цель - стратификация населения на группы работников, подготовка и сертификация молодых людей к принятию на себя трудовой роли (Bowles and Gintis, 1976). Мы снова можем вернуться к Расселу, который уже в 1930-х годах утверждал, что современный акцент на экономических ценностях затмил более широкую ценность обучения:

На протяжении последних ста пятидесяти лет люди все решительнее ставили под сомнение ценность "бесполезных" знаний и все больше приходили к убеждению, что единственное знание, которое стоит иметь, - это то, которое применимо к какой-то части экономической жизни общества". (Рассел, 2004d: 18-19)

Даже если "бесполезное знание", о котором говорит Рассел, не имеет прямой экономической или социальной пользы, он все равно утверждает, что оно имеет жизненно важный характер, поскольку знание вещей часто может сделать жизнь богаче. Жизнь приносит больше пользы, когда мы чем-то интересуемся, а что именно мы выбираем для интереса, с этой точки зрения почти не имеет значения. Знание истории кинематографа может повысить удовольствие человека от просмотра фильмов. Учиться модифицировать компьютеры, шить одежду, чинить велосипеды или готовить азиатскую еду - все это приносит свои удовольствия. Рассел приводит более странный пример с абрикосами. Он говорит, что абрикосы всегда были для него немного слаще на вкус с тех пор, как он узнал кое-что о происхождении и противоречиях их выращивания во времена китайской династии Хань (Russell, 2004d: 25). Рассел считал, что знания не только экономически полезны, но и могут быть неотъемлемой частью радости жизни и источником умственного наслаждения.

Рассел принадлежит к числу радикальных авторов, отстаивавших ценность широкого и общего образования, а не более узкого, направленного на подготовку и аттестацию студентов для работы. Другим видным сторонником этого аргумента был Эрих Фромм, который провел пронизательное различие между обучением в режиме "иметь" и обучением в режиме "быть" (Fromm, 1979). Давление, связанное с возможностью трудоустройства, может побудить студентов подходить к обучению в первом из режимов Фромма. Студенты, обучающиеся в режиме "иметь", будут старательно запоминать ключевые моменты лекции, но "содержание не становится частью их собственной индивидуальной системы мышления, обогащая и расширяя ее" (Fromm, 1979: 37). Их отношения с обучением носят приобретательский характер: они стремятся обладать знаниями, а не усваивать и интегрировать их, чтобы сдать экзамены и получить квалификацию. Знания сохраняются, но студенты не вовлекаются в процесс обучения и не используют его для решения своих собственных проблем. Основным контекстом обучения является тревога. Это контрастирует с теми студентами, которые учатся в более живом режиме "бытия". В отличие от студентов, склонных к приобретению знаний, эти студенты искренне увлечены своим обучением: "То, что они слушают, стимулирует их собственные мыслительные процессы. В их сознании возникают новые вопросы, новые идеи, новые перспективы. Их слушание - это живой процесс" (Fromm, 1979: 38).

И Фромм, и Рассел считают, что конечная цель образования должна заключаться не в том, чтобы снабдить студентов тем или иным самородком знаний, а в том,

чтобы воспитать в них созерцательную привычку ума. Образование должно внушать учащимся широкий и гуманный взгляд на жизнь в целом:

Нужна не та или иная конкретная информация, а такие знания, которые внушают представление о целях человеческой жизни в целом: искусство и история, знакомство с жизнью героических личностей и некоторое понимание странной случайности и эфемерности положения человека в космосе - все это с чувством гордости за то, что является отличительной чертой человека, - способность видеть и знать, чувствовать великодушно и мыслить с пониманием". (Рассел, 2004d: 27)

В настоящее время широкое образование, о котором говорит Рассел, как правило, находится в закрытых университетах или ограничивается более привилегированными членами общества - группами людей, которые могут свободно учиться, поскольку их не ограничивает острая необходимость зарабатывать на жизнь. Давление современного рынка труда означает, что немногим людям, которые были бы склонны к этому, удастся наслаждаться жизнью, в которой интеллектуальное развитие и культурная деятельность выступают в качестве комплексного удовольствия на протяжении всей жизни (Ryle and Soper, 2002: 183). Трудовая этика, а также сокращение бюджетов на искусство (и пособий по безработице, которые богема исторически использовала в качестве своего рода неофициального бюджета на искусство) также сделали менее реальным для творцов культуры бросить все на несколько лет, чтобы отточить свое ремесло и, возможно, найти способ зарабатывать на жизнь этим.

Покидая стены университета, многие студенты также осознают, что выпускники больше не свободны от рисков и неопределенности, которые раньше считались уделом низкооплачиваемых и низкоквалифицированных работников (Brown et al., 2011). Такая атмосфера неопределенности ставит во главу угла способность студентов активно подходить к вопросу трудоустройства и думать о том, как обеспечить свое будущее практическими, инструментальными способами. Более того, студенческий долг, вызванный ростом платы за обучение и отменой студенческих грантов, может привязать молодых людей к необходимости зарабатывать задолго до того, как у них появится возможность задуматься о компромиссе между преимуществами хорошего дохода и жертвами работы. По прогнозам, в Великобритании средний долг студентов, начавших обучение в 2011 году, к моменту окончания учебы составит 23 000 фунтов стерлингов, а для абитуриентов 2012 года в Англии эта цифра возрастет до 53 000 фунтов стерлингов, учитывая последнее повышение платы за обучение. [4] Берарди сравнивает студенческий кредит с договором Фауста с дьяволом. В обмен на знания и дипломы студенты соглашаются на долг, который в итоге будет регулировать их действия и сковывать их будущими обязательствами по работе (Berardi, 2009). Как и конкурентоспособного выпускника, выпускника с долгами легче уговорить делать больше за меньшую плату, что делает его идеальным материалом для тысяч неоплачиваемых стажировок, доступных на современном рынке труда, многие из которых не дают никаких гарантий развития навыков или будущего трудоустройства (Perlin, 2012) [5].

В конечном счете, давление, связанное с возможностью трудоустройства, воплощает в жизнь сетования Макса Хоркхаймера на "потерю интериорности" в развитых капиталистических обществах: обществах, в которых "крылья воображения были подрезаны слишком рано", поскольку индивиды все чаще вынуждены прини-

мать более практичную и инструментальную ориентацию на мир и других людей (Horkheimer, 1974: 25). Побочным эффектом такой утраты внутренности является то, что мы как общество, возможно, теряем контроль над критериями, по которым можно судить о ценности и значимости той или иной деятельности, даже если она не вносит прямого вклада в проект трудоустройства или потребности экономики. Горц ставит вопрос: "Когда я действительно являюсь самим собой, то есть не инструментом или продуктом внешних сил и влияний, а скорее инициатором своих действий, мыслей, чувств, ценностей?" (Gorz, 1986). В обществе, где нерабочее время часто является лишь продолжением рабочего - временем для восстановления сил, потребления обезболивающих продуктов и развлечений или разумного повышения своей трудоспособности, - я утверждаю, что на этот вопрос стало тревожно трудно ответить.

Евангелие потребления

В начале этой главы я привел утверждение Горца о том, что в экономической рациональности "нет места для подлинно свободного времени, которое не производит и не потребляет экономические блага" (Gorz, 1989: 115). Чтобы в полной мере понять, в какой степени экономические требования завладели нашим временем, нам необходимо вернуться к основному принципу аргумента "конец работы", представленному в главе 1. Аргумент "конец труда" обращает внимание на то, что прогресс в знаниях и технологиях производства имеет естественную тенденцию к устранению необходимости в человеческом труде. Именно поэтому Кейнс и другие предсказывали резкое сокращение рабочего времени в течение двадцатого века. Поскольку на коллективное производство необходимых нам товаров будет уходить все меньше и меньше времени, мы сможем наслаждаться большим количеством свободного времени. Менее связанный необходимостью, человек, наконец, получил бы привилегию столкнуться с более глубокой проблемой "как использовать свою свободу от насущных экономических забот" (Keynes, 1932: 366).

В своей книге "Работа без конца" (Hunnicut, 1988) Бенджамин Ханникатт предположил, что переход к более неторопливому обществу был вполне реален в 1920-е годы, когда рабочая неделя уже сокращалась в течение нескольких десятилетий, а профсоюзы активно боролись за сокращение рабочего дня. В США до 1932 года и Республиканская, и Демократическая партии включали сокращение рабочего дня в свои политические программы. Средняя продолжительность рабочей недели в США сократилась (в зависимости от отрасли) с 55-60 часов в неделю в 1900 году до 40 часов в 1950-х. [6] Однако, несмотря на эти исторические прецеденты, очевидно, что ничего близкого к более неторопливому обществу, которое представляли себе критики труда, на самом деле не произошло. С точки зрения XXI века нам простительно считать прежние прогнозы о радикальном сокращении рабочей недели не более чем историческим курьезом - красивой, но довольно необычной идеей, о которой забыли несколько десятилетий назад. Хан Никутт объясняет отказ от программы сокращения рабочего дня отчасти яростным противодействием со стороны лидеров бизнеса. В начале XX века они широко признавали, что естественным результатом

совершенствования производственных технологий станет увеличение свободного времени, но все же решительно выступали против предложения о сокращении рабочего дня. С точки зрения лидеров бизнеса, "избыток свободного времени был симптомом экономического провала, неспособности найти рынки для новой продукции и растущего бремени излишков" (Hunnicut, 1988: 42). Помимо того, что перспектива безделья была морально неприемлемой (этот вопрос я рассматриваю в главе 4), идея меньшей работы и большего досуга полностью противоречила догме экономического роста.

Если в начале двадцатого века руководители предприятий были обеспокоены экономическим застоем, то с появлением того, что Ханникатт назвал "новым экономическим евангелием потребления" (Hunnicut, 1988: глава 2), эти опасения были развеяны. Двадцатый век должен был стать веком интенсивного потребительского спроса:

Если существующие рынки насыщаются, то разумным ответом будет поиск новых рынков и увеличение потребления, а не сокращение рабочего времени. Бизнесмены все больше убеждались в том, что американцев можно убедить покупать вещи, производимые промышленностью, в которых они раньше никогда не нуждались, и что они могут потреблять товары и услуги, руководствуясь не каким-то устаревшим набором экономических мотивов, а уровнем жизни, который постоянно повышается. (Hunnicut, 1988: 42)

Похоже, что предсказания Кейнса и других авторов о сокращении числа рабочих мест резко упускали из виду, что агенты капитализма заставят нас принять дивиденды растущей производительности не в виде большего количества свободного времени, а в виде большего потребления. Любой потенциальный выигрыш в свободном времени, полученный в результате роста производительности, будет поглощен капитализмом по мере расширения существующих рынков, создания новых рынков и проникновения коммерческой сферы в доселе неосвоенные области жизни. Таким образом, история капитализма в двадцатом веке и далее не должна была стать историей освобождения людей от необходимости трудиться; вместо этого она должна была стать историей создания огромного количества сомнительных, ранее ненужных рабочих задач, основанных на производстве, распределении и маркетинге одноразовых потребительских товаров. Это также будет история о том, как досуг был максимально использован для удовлетворения потребностей потребления:

Досуг считался ценным не потому, что он совершенствует работу или ведет к высшим достижениям, а потому, что он способствует потреблению и увеличению занятости. Производительность ценилась не потому, что она уменьшала бремя труда, а потому, что позволяла промышленности выходить на новые рубежи товаров и услуг. (Hunnicut, 1988: 51)

Рассказ Ханникатта об отказе от более короткого рабочего дня в пользу евангелия потребления позволяет нам ясно увидеть капитализм таким, какой он есть на самом деле: системой, которая нацелена на производство потребностей, а не на их удовлетворение раз и навсегда. Постоянная проблема, с которой всегда сталкивается рынок, заключается в том, чтобы удерживать потребителей в желании: "Как и предвидел Маркс, монополистический капитализм столкнулся с проблемой формирования субъектов для объектов, подлежащих продаже; не приведение предложения в со-

ответствие со спросом, а спроса в соответствие с предложением” (Gorz, 1967: 70). Ханникатт цитирует Чарльза Кеттеринга, директора исследовательской лаборатории General Motors, который признал это, сказав, что целью бизнеса должно быть ”организованное создание неудовлетворенности” (Kettering, 1929). В формулировке Горца заинтересованные стороны капитализма будут стремиться продвигать культурную этику ”чем больше, тем лучше”, подрывая способность людей принимать решения и придерживаться своих собственных определений достаточности (Gorz, 1989: глава 9). Если для того, чтобы заставить богатых членов общества тратить деньги, необходима определенная степень потребительского удовлетворения, то в идеале это удовлетворение должно быть скорее мимолетным, чем постоянным, чтобы поддерживать в потребителе жажду большего. Джастин Льюис назвал современный капитализм ”ненасытным веком”: веком, который ”сочится удовлетворением и в то же время подкреплен постоянным недовольством” (Lewis, 2013: 54). Мы живем в системе, которая и экономически, и культурно направлена на то, чтобы люди не чувствовали себя удовлетворенными своим материальным достатком, настолько, что безграничное стремление к потребительским товарам стало одной из отличительных черт западных обществ. Остается вопрос: как? Как капиталистическая система убедила нас пожертвовать борьбой за сокращение рабочего дня и увеличение свободного времени в пользу желания иметь больше вещей? Что сегодня побуждает нас к потребительским расходам?

Пожалуй, самый очевидный ответ здесь - реклама. Одним из самых известных текстов о силе рекламы является бескомпромиссная классическая работа Вэнса Паккарда ”Тайные манипуляторы” (Packard, 1957). Паккарда интересовали стратегии рекламодателей, которые в 1950-х годах начали совершенствовать свои методы убеждения потребителей, переходя от традиционных жестких продаж к более тонким техникам психологического манипулирования и соблазнения. Поскольку рынок потребительских товаров становился все более переполненным, рекламодателям уже было недостаточно просто перечислить положительные характеристики продаваемого продукта. Такая рекламная стратегия вызывает смех у современного зрителя, привыкшего к гораздо более разнообразному и изощренному арсеналу средств убеждения, настолько, что в современной рекламе часто полностью игнорируются характеристики продаваемого продукта. Паккард был обеспокоен восприимчивостью аудитории к появлению более инновационных рекламных приемов и надеялся научить своих читателей смотреть на рекламу более критическим взглядом.

Паккарда и других критиков рекламы часто критиковали за преувеличенное чувство внушаемости телезрителей, а некоторые ученые с ожесточением отвергали идею о том, что реклама способна создавать ложные потребности из воздуха. Однако, возможно, более точный способ понимания современной рекламы - это не то, что порождает ложные потребности, а то, что стремится продвигать товарные средства удовлетворения истинных потребностей. Реклама часто апеллирует к реальной потребности в таких вещах, как социальное признание, уважение, чувство собственного достоинства и культурная идентичность, пытаясь убедить нас в том, что эти вещи можно купить.

Ремесло большинства современных реклам заключается в том, чтобы обойти обоснованные суждения о качестве и цене и сопоставить объект с эмоцией или

идеей. Цель - создать символическую ассоциацию между продуктом или брендом и чем-то более эфемерным - образами популярности, привлекательности, семейной гармонии, изысканности, хорошего здоровья или любой другой социальной ценности, которой мы дорожим. (Lewis, 2013: 82)

В мире рекламы фотоаппарат определенной марки не только имеет больше возможностей, но и идентифицирует вас как полупрофессионального фотографа или путешественника; более дорогая марка собачьего корма не только даст вашей собаке больше питательных веществ, но и выделит вас как более разборчивого владельца собаки; линия одежды, которая жертвует частью своей прибыли на благотворительность, не только позволит вам выглядеть нарядно, но и поможет показать миру, что вы являетесь этически сознательным потребителем.

Некоторые современные рекламные ролики делают еще один шаг вперед и играют на скептическом "знании" зрителя. Например, многолетняя серия рекламных роликов мужского дезодоранта Lynx комично преувеличивает старую фразу о том, что ароматизированные туалетные принадлежности делают мужчин более сексуальными. В рекламе спрей Lynx действует как буквальный магнит для девушек, делая его обладателя мгновенно неотразимым для всех женщин. Медиаграмотный зритель должен почувствовать себя умным, поняв шутку, но реклама все равно работает в пользу бренда, который предстает как крутой, юморной и утонченный бренд, не боящийся шутить со старыми традициями рекламы. Аналогичную стратегию уже давно использует компания Guinness, чья телевизионная реклама часто имеет производственную ценность короткометражных художественных фильмов. Продукт - сама пинта пива Guinness - обычно представлен в рекламе минимально, выделяя Guinness как уверенный в себе и обладающий хорошим вкусом бренд, которому не нужно прибегать к дешевым тактикам убеждения (даже если это именно то, что он делает). Во всех этих примерах речь идет не столько о продукте, сколько о покупке идеи.

Мы все видели эту рекламу, и многие из нас смотрели ее скептически, однако этого недостаточно, чтобы постоянное знакомство с миром пышного и модного образа жизни, созданным средствами массовой информации, не породило в нас мощного чувства нехватки: "Мы наблюдаем за тем, как живут телевизионные семьи, читаем об образе жизни знаменитостей и других общественных деятелей, которыми мы восхищаемся, и сознательно и бессознательно усваиваем эту информацию" (Schor, 1998: 4). Это не значит, что мы бездумно поглощаем сообщения СМИ, как инъекцию наркотика, но это значит, что медийные образы хорошей жизни постоянно работают на наше стремление к материальным благам и преувеличивают его. Хельга Диттмар хорошо выразила эту мысль: "Никто не верит, что превратится в супермодель или знаменитость, если купит продукт X. Скорее, потребительские идеалы оказывают косвенное, но мощное воздействие на мысли, чувства и поведение людей, которое сказывается с течением времени" (Dittmar, 2007: 25).

В современном обществе, похоже, почти невозможно избежать устремленных образов рекламы. В 1990-х годах исследователи в США подсчитали, что к восемнадцати годам средний американец видит около 350 000 рекламных роликов (Law, 1994). В 2011 году такой уровень культурного воздействия обошелся рекламной индустрии в 500 миллиардов долларов. [7] Помимо традиционных рекламных мест,

таких как билборды и телевизионные ролики, существует также ряд новых и более коварных форматов в виде сделок по размещению продукции, коммерческих связей, рекомендаций Amazon, онлайн-овых "списков желаний" и кликабельной рекламы, адаптированной к информации, собранной из профилей людей в Facebook. Если мы владеем каким-либо электронным устройством, подключенным к сети, реклама является неотъемлемой частью нашего повседневного опыта, и игнорировать ее крайне сложно. Послание огромного рекламного ландшафта вездесущее и единообразно: оно говорит нам, что независимо от того, сколько у нас уже есть, единственный реальный способ обеспечить себе счастье - это купить еще больше.

В более снисходительной сфере культурных исследований тенденция социальных критиков рассматривать среднего потребителя как жертву медиаманипуляций вызвала реакцию. В комментариях была предложена альтернативная теория потребительской мотивации, склоняющаяся к образу активного потребителя, который осуществляет выбор, имеет контроль и власть в своей потребительской деятельности (например, Fiske, 1989; Willis, 1991; Featherstone, 1991). Некоторые сравнивают потребителя с создателем лоскутного одеяла, который сшивает эстетические или символические качества потребительских товаров, чтобы в игровой форме создать свой личный образ. Как резюмирует Конрад Лодзиак (ярый критик этого подхода), новый консенсус "изображает сферу потребления как арену выбора и индивидуальной свободы, он фокусируется на значимой природе потребления - его символической, а не материальной потребительской ценности, и подчеркивает значение потребления для формирования, поддержания и выражения самоидентичности и стиля жизни" (Lodziak, 2002: 1). Пытаясь понять потребительские мотивы, мы, конечно, ошиблись бы, если бы упустили из виду благоприятные свойства многих потребительских товаров, позволяющие нам получать удовольствие в той или иной форме, выполнять определенную задачу или передавать определенное чувство стиля. Однако если культурная практика и оказала услугу потребителям, рассматривая их как агентов, а не жертв манипуляций, она сделала это за счет резкого преуменьшения системной потребности капитализма в том, чтобы люди продолжали делать покупки.

Напоминая нам об этом, философ Кейт Сопер вспоминает о последствиях событий 11 сентября и о том, как правительство призывало американских потребителей совершать "патриотические" покупки, чтобы реализовать свою свободу и продемонстрировать преданность западному образу жизни. Сопер интерпретировал эту отчаянную просьбу к людям перестать скорбеть и начать делать покупки как замечательное напоминание о зависимости корпоративной власти от лояльности людей к консьюмеризму (Soper, 2008: 568). Пытаясь понять, что движет потребителями, мы должны принять это на веру, и нам не нужно прибегать к представлению о потребителе как о манипулируемом наркотики, чтобы приспособиться к идее о том, что капитализм - это система, которая производит потребности. Ким Хамфери считает, что мы можем прийти к просвещенному пониманию того, что движет потребителями, наблюдая за различными способами, которыми рынок окружил нас, заставляя чувствовать трудность или неестественность удовлетворения многих потребностей, если не прибегать к тратам. Концепция окружения подчеркивает различные способы, с помощью которых экономические и временные механизмы капитализма

постепенно изменили наши сообщества, жилища и привычный образ жизни таким образом, что они поощряют высокий уровень потребления.

Метафорически [идея] окружения передает смысл того, как мы в богатых странах проживаем свою жизнь через общественное, частное, институциональное и коммерческое пространство и через временную организацию повседневной деятельности, которая возникла в тесной связи с рыночным капитализмом и помещает нас в жизненный мир, полностью ориентированный на потребление". (Humphrey, 2010: 133)

Учитывая это, давайте снова поставим вопрос: как капитализм порождает в нас потребность тратить все больше и больше в ущерб нашей свободе работать меньше? Идея Хамфери об окружении верна предположению Горца о том, что большинство потребительских сделок не порождаются скрытыми уговорами рекламы, а на самом деле лучше всего понимаются как обязательные или сделанные капитализмом объективно необходимыми. Что касается производства потребностей, Горц утверждал, что реклама и другие техники культурного убеждения - это лишь глазурь на торте, действующая на людей, которые уже вынуждены потреблять в силу отчуждения труда. Это означает, что участие в оплачиваемой работе не только позволяет нам финансировать свое потребление за счет дохода, но и побуждает нас тратить деньги. Полная рабочая неделя поощряет траты, поскольку она поглощает время и энергию людей, снабжая их деньгами, но лишая их способности к автономии и самовоспроизводству (Lodziak, 2002: 89). Этим объясняется повсеместное потребление товаров и услуг, главная привлекательность которых заключается в их удобстве. От готовых блюд до посудомоечных машин и услуг по уборке дома - целый ряд потребностей, которые люди могли бы удовлетворять самостоятельно, если бы у них было время и силы, теперь традиционно удовлетворяются посредством коммерческих сделок. Предположение Горца о том, что потребление подпитывается отчуждением труда, также привлекает внимание к тому факту, что определенная часть расходов людей может быть объяснена как попытка найти утешение и компенсацию за страдания на работе. Высказывалось предположение, что предметы роскоши служат утешением для "неудовлетворенных потребностей духа" (Soper, 2008: 576), или что легкомысленность и импульсивность шопинга служат контрастом дисциплине труда (Bauman, 2001: 15). Дом, украшенный потребительскими товарами, представляет собой частную сферу, над которой может властвовать индивид, отступая от отношений подчинения на работе в качестве "одинокого суверена" (Gorz, 1967: 68).

Объяснение потребительских мотивов, предлагаемое здесь, заключается не в материализме, простодушии или нарциссической жажде отличий, а в постепенной перестройке общественных традиций, временных ритмов и окружающей среды таким образом, что товарно-емкий образ жизни становится нормой. Центральным элементом этого процесса является тенденция капитализма к коммодификации. Деятельность, ранее исключенная из экономической сферы, постепенно втягивается в ее орбиту, и удовлетворение все большего числа потребностей, от социальных контактов до знаний, транспорта, здоровья, развлечений, крова, питания, безопасности и самовыделения - потребностей, которые раньше удовлетворялись меньшим объемом или меньшим ассортиментом товаров, - теперь все больше зависит от финансовых операций на рынке. Потребность в физических упражнениях все чаще

удовлетворяется с помощью дорогих абонементов в спортзал и персональных тренеров, а потребность в гидратации удовлетворяется не включением водопроводного крана, а покупкой изготовленного и брендированного "напитка". Отказ от таких удобств, как публичные библиотеки и субсидируемые центры досуга, а также недостаточный уход за общественными парками также способствовали процессу окружения, совпав с превращением городских центров в "торговые центры без стен" - места, где становится все труднее провести время, не потратив денег (Minton, 2009: 19). Этот процесс коммодификации привел к тому, что потребление постепенно заменило самопроизводство как норму, изменив мир, в котором рождаются и социализируются новые поколения, до такой степени, что теперь удовлетворение многих личных потребностей без обращения к потреблению стало ненормальным, невозможным, а в некоторых случаях даже преступным. Горц предполагает, что в самом крайнем случае капиталистические общества состоят из "работников-потребителей", в которых экономические механизмы построены таким образом, что люди не производят ничего из того, что они потребляют, и не потребляют ничего из того, что они производят (Gorz, 1989: 22). В мире, где дети больше не окружены взрослыми, у которых есть время, энергия и умение делать что-то самостоятельно, убедительная сила рекламы только укрепляет широко распространенную идею о том, что "вы работаете, чтобы зарабатывать деньги, чтобы покупать вещи, которые вам нужны и которые вы хотите" (Lodziak and Tatman, 1997: 72).

Все это означает, что потребности потребителей преувеличиваются различными способами: конечно, отчасти благодаря тактике убеждения, которую использует реклама в СМИ, но также и благодаря ряду других принуждений к трате денег, которые точнее назвать структурными, а не культурными по своему характеру. Окружение индивидов рынком и преувеличение потребности в потреблении, которое это влечет за собой, являются одними из главных механизмов, с помощью которых капитализм остается мобилизованным против возможности сокращения труда. Мощная нужда в потреблении усиливает чувство зависимости людей от доходов, полученных в результате трудовой деятельности, а также помогает оправдать посвящение огромной части экономики производству и распределению одноразовых товаров. По словам Дж. К. Гэлбрейта, постоянное усиление потребностей потребителей при капитализме представляет собой, по крайней мере, одну из частей "сложного социального камуфляжа", который не позволяет обществу осознать возможность сокращения труда (Galbraith, 1958: 264). Развитие производственных технологий поставило западное общество перед выбором: иметь больше свободного времени или увеличить производство и потребление потребительских товаров. Капитализм повел нас по последнему пути, и утопическая мечта о легкости и досуге для всех была погребена под горами товаров.

В предыдущих главах я высоко оценил аргументы в пользу общества, менее ориентированного на работу, за то, что они разрушают догму о работе и обращают внимание на тот факт, что для все большего числа людей работа становится все более ненадежным источником дохода, прав и безопасности. Я также привел аргумент в пользу меньшей занятости и большего досуга как убедительный ответ на проблему отчуждения работников. К этим вопросам я бы добавил третью причину,

по которой согласованная критика догмы работы актуальна для нас здесь и сейчас: она актуальна как возможность подвести итоги и ответить на колонизацию нашего времени экономическими требованиями. Когда значительная часть нашего времени уходит на работу, восстановление после работы, компенсацию за работу или на множество дел, необходимых для того, чтобы найти работу, подготовиться к ней и удержаться на ней, становится все труднее сказать, сколько нашего времени действительно принадлежит нам. Так много нашей деятельности сейчас, кажется, направлено на обеспечение нашего настоящего и будущего выживания, а не на то, чтобы заниматься деятельностью, потому что она имеет внутреннюю ценность.

Если в начале двадцатого века обещание меньше работать и больше времени уделять себе выглядело вполне возможным, то те, кто представлял себе будущее, менее ориентированное на работу, упускали из виду, что агенты капитализма заставят нас принять дивиденды растущей производительности в виде большего потребления, а не большего количества свободного времени. Если развитие производственных технологий создает теоретическую возможность для сокращения рабочего времени, то реальные возможности для сокращения работы по-прежнему блокируются принципом постоянного экономического роста и постоянными усилиями капитализма, направленными на то, чтобы отдать наше свободное время в руки потребления. Аргумент в пользу серьезной переоценки догмы о работе и возможного ее сокращения - это аргумент в пользу будущего, в котором гораздо большая часть нашей жизни может быть свободна от давления производства и потребления коммерческих благ.

4: Оплот труда

Конечно, у укороченного дня и укороченной недели есть и гуманитарная сторона, но если задумываться об этом, то можно нарваться на неприятности, ведь тогда досуг может быть поставлен перед работой, а не после нее - там, где ему и место.

Генри Форд (цит. по Hunnicutt, 1988: 46)

В своем эссе "Похвала праздности" Бертран Рассел не терял времени даром: "Я утверждаю, что в мире сделано чересчур много работы, что вера в то, что работа – это добродетель, нанесла огромный вред, и что в современных индустриальных странах следует проповедовать идеи, весьма далёкие от тех, что издавна проповедовались" (Russell, 2004c: 1). Как и критики труда, представленные в главе 1, Рассел выступал за сокращение рабочего времени в масштабах всего общества в сочетании с более равномерным распределением необходимого труда. Радости безделья, утверждал он, были несправедливо ограничены элитным классом собственников, чей праздный образ жизни построен на эксплуатации чужого труда. В противовес этой тенденции Рассел считал, что досуг – это привилегия, которая должна распространяться на всех. В знакомой нам аргументации он утверждал, что радикальное расширение досуга стало возможным благодаря возможностям современной техники производства, позволяющим экономить время и сократить количество человеческого труда, необходимого для обеспечения предметов первой необходимости.

Самым большим препятствием на пути расширения досуга, по мнению Рассела, была упрямая приверженность общества к убеждению, что оплачиваемый труд – это благородный долг. По его собственному признанию, его призыв к расширению досуга "шокировал обеспеченных людей", которые исторически сомневались в способности бедных разумно использовать свое свободное время (Russell, 2004c: 8). Было принято считать, что бедняки недостойны досуга и что больше свободного времени приведет к широкому распространению скуки и порока. (Во времена, когда Рассел писал свои работы, существовала значительная моральная паника вокруг растущей посещаемости кинотеатров, которые, по мнению буржуазного общества, развращали молодежь.) Возможно, более тревожной, с точки зрения тех, кто занимал наиболее влиятельные позиции в обществе, была перспектива того, что увеличение свободного времени может стимулировать политическое сознание бедных или оставить людям больше времени для коллективных действий. В 1932 году Рассел не стал долго размышлять о реальных перспективах преодоления буржуазной трудовой этики, хотя в своем эссе кратко высказался за рождение "великой общественной пропаганды", призванной атаковать священный статус работы (Russell, 2004c: 1)

Моральные возражения против меньшего количества работы были более подробно описаны Ханникаттом в книге "Работа без конца". Ханникатт показывает, как в 1920-х годах, когда сокращение рабочего дня казалось все более реальной возможностью, лидеры бизнеса отреагировали на это развитием пропаганды "за работу",

убеждая людей в том, что оплачиваемая работа - это фундаментальная потребность человека:

Они говорили о работе как о "радости", "важнейшем факторе человеческой эволюции", "чуде", "достоинстве", "американском секрете", лекарстве от "чувства усталости" и "умственного переутомления", "развитии характера", "приключении", "форме игры, только лучше", "источнике духовного вдохновения" и создателе "святых мастерских". В отличие от предыдущих двух десятилетий, когда работа как социальная ценность переживала "кризис", в этом десятилетии таких сомнений почти не осталось, по крайней мере в деловых и торговых изданиях". (Hunnicut, 1988: 47)

Среди защитников труда был Джордж Л. Марклэнд, председатель правления Филадельфийского редукторного завода. Реагируя на предложения разрешить рабочим перейти с шести- на пятидневную неделю, предоставив субботы самим себе, Марклэнд заявил, что "любому человеку, требующему сорокачасовой недели, должно быть стыдно претендовать на гражданство в этой великой стране", и предупредил американцев, что "мужчины нашей страны становятся мягкотелыми и нежными" (Markland in Hunnicutt, 1988: 40). Мысль о том, что необходимый труд может требовать все меньшего количества человеческих усилий, была ужасающей для общества, столь этически привязанного к идее труда как основы цивилизованного поведения человека.

Цель этой главы - подчеркнуть, каким образом определенные моральные убеждения относительно оплачиваемой занятости продолжают препятствовать подлинно открытой дискуссии о будущем общества, ориентированного на труд. Если в начале XX века перспектива уменьшения количества работы вызывала моральную тревогу, то сейчас, в условиях неолиберализма XXI века, она продолжает оставаться источником беспокойства. В последнее время обновленный идеологический акцент на святости тяжелого труда сочетается со злобной демонизацией неработающих и тех, кто сопротивляется трудовой этике. Как будет показано в этой главе, сила этих идей обусловлена не только их повсеместным присутствием в средствах массовой информации, но и их включением в набор социальных политик, которые значительно сократили возможности для сопротивления труду. В заключительной части этой главы я также подумаю о том, каким образом социологические исследования могут быть соучастниками воспроизводства общества, ориентированного на работу, в тех случаях, когда они укрепляют идею о том, что оплачиваемая работа представляет собой фундаментальную человеческую потребность. Хотя попытки понять опыт безработицы часто были ценными и вызвали сочувствие, широко распространенное, но сомнительное утверждение о том, что работа жизненно важна для нашего психологического здоровья, может невольно способствовать укреплению идеи о том, что альтернативы нет.

Демонизация неработающих

В книге "Проблема с работой" Кэти Викас довольно подробно рассматривает наследие трудовой этики, подчеркивая ее огромную способность к выносливости и адаптации на протяжении современной истории (Weeks, 2011: Chapter 1). В XVII

и XVIII веках именно религия требовала от человека жизни, посвященной труду, но к XIX веку религиозный элемент в значительной степени угас, и на смену ему пришло обещание социальной мобильности: обещание, что в поте лица своего можно повысить социальный статус себя и своей семьи. К середине двадцатого века на первый план вышел другой элемент: работа стала идеализироваться как путь к самореализации и личностному развитию. Будучи аскетическим идеалом, трудовая этика продемонстрировала поразительную устойчивость, но независимо от ее формы поведение, которое предписывает эта этика, остается неизменным. Во всех своих формах трудовая этика способствовала "отождествлению с наемным трудом и систематической преданности ему, возведению работы в центр жизни и утверждению труда как самоцели" (Weeks, 2011: 46). В современном богатом обществе наличие работы по-прежнему считается признаком самостоятельности, зрелости и хорошего характера, а тяжелый труд по-прежнему представляет собой достойный образ жизни и доказательство приверженности процветанию своей нации. Если и существуют другие способы внести свой вклад и добиться успеха, не связанные с оплачиваемой работой, то они не так хорошо представлены и не так широко признаны.

Чтобы убедиться в этом, достаточно понаблюдать за агрессивным возвращением трудовой этики в контексте неолиберализма. Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, придя к власти в 2010 году, неустанно подчеркивал приверженность правительства "трудолюбивым людям". В 2013 году Кэмерон заявил: "Мы строим страну для тех, кто работает и хочет добиться успеха. И мы говорим каждому трудолюбивому человеку в нашей стране: мы на вашей стороне... Это правительство для трудолюбивых людей, и таким оно и останется" (Huffington Post, 2013). До этого Кэмерон регулярно изображал получателей пособий как расточителей, "сидящих на диванах и ожидающих, когда им принесут пособие" (Cameron, 2010). Эти ссылки на "трудолюбивых людей" были повторены в речи канцлера Джорджа Осборна на конференции Консервативной партии в 2012 году: "Где справедливость, спросим мы, для сменщика, выходящего из дома в темное время суток, который смотрит на закрытые жалюзи своего соседа, отсыпавшегося на пособия?" (Jowitt, 2013). Эти повторяющиеся ссылки на добросовестный труд (всегда определяемый в терминах оплачиваемой работы) создают в общественном воображении жесткую дихотомию. По одну сторону этой дихотомии находятся достойные, трудолюбивые граждане, которые помогают обеспечить будущее страны, а по другую - сомнительные с моральной точки зрения безработные, которые ничего не делают. Кто вы? Спящий или работающий, халтурщик или труженик? Делаете ли вы что-то или ничего? Эта техника разделения населения на бинарные противоположности давно используется в качестве метода социальной дисциплины, независимо от того, говорим ли мы о сумасшедших и здравомыслящих, нормальных и ненормальных или опасных и безвредных. Фонд новой экономики назвал эту последнюю дихотомию бинарным понятием "труженики против скряг": это культурный миф, который увековечивает идею о том, что те, кто существует вне моральной клики "тружеников", недостойны, морально подозрительны и, скорее всего, могут быть преступниками (Coote and Lyall, 2013).

Имоджен Тайлер называет эти попытки дискредитировать неработающих "окультуриванием бедности" (Tyler, 2013: 162). Несмотря на структурные факты массовой

безработицы и углубляющегося социального неравенства, такие вопросы, как бедность и безработица, продолжают рассматриваться правительствами как культурные или поведенческие проблемы. По мере того как ослабевает дискуссия о социальных классах, понимание структурных причин безработицы исчезает, и бедность рассматривается как заслуженный результат плохого управления собой. Даже в регионах, где количество безработных значительно превышает количество свободных рабочих мест, по-прежнему считается, что если человек будет лучше себя преподносить, приложит чуть больше усилий или просто поверит в себя, он сможет найти работу и выбраться из бедности. Самыми бедными в обществе считаются те, кто не смог сделать правильный выбор в жизни или проявил нежелание воспользоваться возможностями, которые предоставило ему общество. В финансовой бедности обвиняют бедность устремлений, и этот постоянный акцент на культурных установках позволяет правительствам игнорировать структурные причины бедности и безработицы. В новой трактовке главными врагами общества являются уже не структурные патологии неравенства, нехватки рабочих мест и отсутствия привлекательной работы, а личные проблемы, присущие так называемой культуре лени, привилегий и зависимости. Помимо личных страданий и стигматизации, которые они вызывают, возможно, самое большое преступление этих культурных объяснений заключается в том, что они не дают возможности рассмотреть более структурные или системные проблемы общества. Массовая безработица должна дать нам повод усомниться в эффективности работы как основы социальной интеграции и солидарности, но дискуссия, которая происходит на самом деле, гораздо более близорука.

Конечно, не всех убедит риторика о "трудягах и бездельниках", но ее повсеместное распространение - достаточный повод для беспокойства. Стигматизация безработных заразна. Таблоидные репортажи, озабоченные растратой государственных денег, почти единодушно одержимы сравнительно небольшими затратами на мошенничество с пособиями. В докладе Turn2Us "Развенчание мифов о пособиях" (Turn2Us, 2012) говорится о том, что "бремя благосостояния", вызванное безработицей в Великобритании, сильно преувеличено. В докладе говорится, что, вопреки распространенному мнению, государственные расходы на социальное обеспечение стабилизировались после экономического краха 2008-2009 годов и в 2012 году были гораздо ниже, чем в 1995 году, после предыдущей рецессии. [1] Заметно меньше возмущения вызывают государственные средства, потраченные на налоговые кредиты за работу (которые компенсируют скупость работодателей), высокая арендная плата, вынуждающая многих людей зависеть от жилищного пособия, или криминально мало освещаемая проблема уклонения от уплаты налогов корпорациями. Средства массовой информации изливают потоки отвращения к безработным, которых обычно изображают ведущими пустую, безнравственную жизнь.

Дело Кейт Рейли, разворачивавшееся в Великобритании в течение 2012-13 годов, является идеальным примером, поскольку именно это событие в средствах массовой информации вывело на передний план дискурс 'striver versus skiver'. В 2012 году коалиционное правительство Великобритании попыталось решить проблему безработицы, заставив многих получателей пособий выполнять неоплачиваемую работу. Согласно правилам новой политики, Рейли, безработная выпускница геологоразведочного факультета, была вынуждена оставить стажировку в музее, чтобы вместо

этого работать без оплаты в магазине Poundland. Имя Рейли попало в заголовки газет после того, как один адвокат узнал о ее истории и вызвался помочь в создании судебного дела против правительства. Таблоидные СМИ взорвались. В ответ на предположение о том, что принудительный труд Рейли был нарушением прав человека, Джен Мойр из Daily Mail написала: "Вряд ли это десять лет заключения без предъявления обвинения в тюрьме Гуантанамо. Вряд ли это похоже на пятилетнее заключение в нацистском лагере для военнопленных, когда каждый день не знаешь, будешь ли ты жить или умрешь" (Moir, 2012). Министр труда и пенсий США Иэн Дункан Смит присоединился к дискуссии, назвав Рейли "снобом от работы" и обрушившись с более широкой критикой на тех, кто защищает ее действия, - так называемую "комментирующую элиту", которая не осознает собственного интеллектуального самомнения и чувства превосходства (Holehouse, 2012). Эти горькие комментарии прозвучали всего через несколько месяцев после того, как работники государственного сектора Великобритании провели массовую забастовку в ответ на правительственные предложения по изменению пенсионных схем. Вместо того чтобы рассказать о мотивах забастовки, Тим Шипман, также пишущий для Daily Mail, принизил ее причины, приведя статистику, которая утверждала, что в среднем государственные служащие получают на 7,5 % больше, чем работники частных компаний в Великобритании. Он написал, что "полученные данные подрывают доверие к лидерам профсоюзов, которые утверждают, что работникам государственного сектора приходится несладко" (Shipman, 2011).

Эти примеры показывают нам, что моральный забор вокруг трудовой этики не только высок, но и очень хорошо укреплен. Любой работник, который переступает черту, быстро становится мишенью как опасный аутсайдер и лишается права голоса в политике. Политическое значение бунтарского поступка приглушается путем изображения бунтаря как патологии, отвлекая внимание общественности от политического дела и переключаясь на якобы девиантную психологию бунтаря:

Соппротивление в этом контексте объясняется не как нечто связанное с неравенством капиталистического трудового процесса, а скорее как вопрос личных проблем внутри рабочего - негативное отношение, неспособность быть командным игроком или уклонение от своих обязанностей. Другими словами, временные патологии работы перекладываются на самих работников и интернализируются как личные качества и характеристики, которые необходимо "прорабатывать" на собраниях коллектива, семинарах по оценке развития и "самопомощи" в частной сфере. (Fleming and Spicer, 2003: 174)

В случае с Кейт Рейли комментаторы по-разному подразумевали, что Рейли - невротик, странный человек или страдает от нездорового чувства собственного достоинства. Универсальные термины, такие как "трудовой сноб", работают в том же ключе, что и более старые термины, такие как "хиппи", "сумасшедший" или "теоретик заговора", и используются для того, чтобы немедленно дискредитировать любую угрозу ортодоксальному образу мышления. Другой распространенной реакцией СМИ на трудовые диспуты является использование аргумента "Могло быть и хуже". Если Рейли считала, что с ней поступили жестоко, то ей говорили, что она должна быть благодарна за то, что не оказалась в плену у военнопленных. Если работники государственного сектора Великобритании, устроившие забастовку в 2012 году,

считали себя жертвами несправедливости, то им следовало подумать о тех, кто зарабатывает меньше, работает в худших условиях или испытывает трудности с поиском работы. Приводя наводящие примеры ситуаций, которые хуже, чем у бунтовщиков, журналисты в очередной раз пропагандируют идею о том, что виноваты отдельные люди и их чувство собственного достоинства.

Хотя морализация труда, конечно, приобретает силу благодаря повсеместному распространению в средствах массовой информации, возможно, ее реальная сила проистекает из того, что она включена в комплекс мер по стимулированию занятости, призванных побудить претендентов на пособие выйти из системы социального обеспечения и начать работать по найму. Если морализация труда сильна как культурный прием, она приобретает более уродливое, более принудительное обличье, когда закрепляется в современной политической программе. В Великобритании правительство новых лейбористов пришло к власти в 1997 году, решив "перестроить социальное государство вокруг работы" (Department for Social Security, 1998), и от ранее защищенных претендентов на социальное обеспечение, таких как одинокие родители и люди с ограниченными возможностями, все чаще ожидали поиска работы. Наследие системы *workfare* продолжилось в "большом смелом плане по обеспечению Британии работой" коалиционного правительства Великобритании, которое с тех пор поэтапно ужесточает условия получения пособий, а также вводит все более строгие проверки и штрафы для неработающих, которые не соблюдаются [2].

Эти ужесточающиеся условия представляют собой не столько помощь нуждающемуся гражданину, сколько удушающий захват. Чтобы избежать санкций, от претендентов на *Jobseeker's Allowance* требуется проявлять полную ответственность за поиск работы, принимать предложения о трудоустройстве, которые бюрократы *Jobcentre Plus* считают разумными, и посещать программы обучения для ищущих работу, которые, как считается, могут повысить шансы найти работу. Критик Айвор Саутвуд утверждает, что, учитывая известную нехватку рабочих мест во многих регионах, эти мероприятия часто носят перформативный характер, заставляя заявителей демонстрировать фальшивый позитив и энтузиазм в отношении низкостатусных рабочих ролей: "Отказ от участия в этом спектакле и его взаимное отстранение от неверия рискует обрушить на "клиента" всю тяжесть институции" (Southwood, 2011: 46).

Среди наиболее тревожных событий "большого смелого плана" - противоречивая политика принуждения претендентов на пособие к обязательным периодам неоплачиваемой работы. Кроме того, в 2011 году частной компании ATOS была передана оценка трудоспособности - тест, который проходят претенденты с ограниченными возможностями, чтобы подтвердить свое право на получение пособий. После этой передачи развернулась полемика, основанная на достоверных утверждениях общественных следователей, осведомителей и несостоявшихся заявителей, которые утверждали, что несовершенная методология теста на трудоспособность в сочетании с карательным процессом проверки была сильно предвзята в сторону отклонения заявлений на получение пособий (Franklin, 2013). По оценкам, тысячи людей были ошибочно признаны "пригодными к работе" системой, которая, вместо того чтобы оказывать поддержку, стремилась сократить число получателей пособий.

[3] Несмотря на то что политика workfare претерпела ряд сложных изменений, ее основополагающая мораль остается неизменной: оплачиваемая работа однозначно пропагандируется как нормальное и высшее состояние, к которому все должны стремиться.

Все это в конечном итоге означает, что, хотя мы достигли того момента в истории, когда срочно требуется сокращение и переоценка труда, мощные моральные силы по-прежнему мобилизованы против развития подлинно открытой дискуссии. Целый ряд личных, социальных и экологических кризисов дает нам серьезный повод усомниться в функции и значении труда в современном обществе, но неустанная морализация труда сковывает нас в привычных рамках мышления. Это как постоянный источник шумового загрязнения - эквивалент того, что кто-то постоянно щелкает вас по мочкам ушей, когда вы пытаетесь думать. Я покажу последствия этого в главе 7, где мы увидим, что многим из опрошенных мною нерабочих было трудно сохранять убежденность в своих критических взглядах в этом моральном климате, ориентированном на работу. Подобно Кейт Рейли и упомянутым здесь работникам государственного сектора, они часто оказывались заклеенными позором за свои альтернативные взгляды и действия. В условиях, когда тех, кто сопротивляется работе, с такой готовностью унижают, поносят и боятся, становится все труднее вести непредвзятые и разумные дебаты о будущем работы.

Вера в то, что работа - это лекарство

Если рассматривать критику труда в контексте основных политических установок общества, то она явно имеет радикальный статус. Однако более удивительно то, что критика труда (по крайней мере, как категория сама по себе) остается в некоторой степени радикальной и в более образной сфере социологии. Размышляя об этой дисциплине, Ральф Февр предположил, что социология иногда действовала скорее как соучастник, чем как критик работы. Он сетует на то, что некоторые направления экономической социологии стали признавать примат экономической рациональности, пренебрегая классическими теоретиками, такими как Маркс, Дюркгейм и Вебер, чьим фирменным знаком было использование "неэкономических смыслов и ценностей для критики экономического поведения" (Fevre, 2003: 3). Аналогичное замечание можно сделать и в отношении социологических исследований опыта безработицы, которые также иногда способствуют прославлению работы. Социология имеет богатую и ценную историю изучения опыта людей, оказавшихся без работы, и замечательно документировала болезненные последствия потери дохода, статуса, идентичности и прав, которые связаны с потерей работы. Однако даже если эти исследования проводились с самыми лучшими, гуманистическими намерениями, некоторые из них могли невольно укрепить трудовую этику, поскольку исследователи беспрекословно рассматривали работу как нормальное или естественное состояние, от которого безработный человек отклоняется.

Я приписываю эту мысль социологу Мэтью Коулу, который предположил, что побочным эффектом социологических исследований безработицы часто является укрепление представления о занятости как о синониме нормального, здорового

состояния (Cole, 2007). Это предположение имеет тенденцию к формированию одномерного образа мышления, порождая страх перед альтернативами нынешнему обществу, ориентированному на работу. Коул сосредоточил свою критику на знаковом исследовании Мари Яхода и ее коллег, проведенном в 1930-х годах (Jahoda et al., 1972). Яхода и ее исследователи погрузились в австрийский город Мариенталь после закрытия местной текстильной фабрики. К 1932 году закрытие фабрики привело к трагическому исходу, в результате которого около 77 % семей общины остались без работы. Исследователи нарисовали мрачную картину города: "Из окон своих домов рабочие смотрят на груды обломков, вмятые котлы, старые передаточные колеса и разрушающиеся стены, где когда-то находилось их рабочее место" (Jahoda et al., 1972: 14). На основании обширного исследования авторы пришли к выводу, что жители Мариенталья находились на скользкой дорожке уныния и смирения, демонстрируя низкие ожидания от будущего, тягучее восприятие времени и чувство апатии. Учитывая, что местная идентичность Мариенталья была так тесно связана с промышленностью, закрытие фабрики означало не что иное, как разрушение образа жизни, и сомневаться в достоверности этих выводов, безусловно, не приходится. Действительно, случай Мариенталья напрашивается на сравнение с моим родным регионом Южный Уэльс, который продолжает страдать от плачевных последствий деиндустриализации после закрытия угольных шахт Тэтчер в 1980-х годах. Подобные случаи являются доказательством того, что безработица способна разрушить общины и уничтожить привычный уклад жизни.

Переведенное на английский язык в 1970-х годах, исследование Мариенталья было достойным похвалы и сочувственным изображением безработной общины. Однако, рискуя использовать это исследование как нечто вроде соломенного человека, я согласен с Коулом в том, что оно заслуживает нашего пристального внимания. Основная проблема исследования связана с жестким характером его аналитических рамок и степенью влияния, которое они оказали на социологическое понимание занятости впоследствии. Для удобства мы можем называть эту систему "моделью депривации". Согласно модели депривации, оплачиваемая работа удовлетворяет ряд важнейших психологических потребностей: в совместном опыте и чувстве коллективной цели, в структурированном времени, предполагающем регулярную деятельность, а также в чувстве статуса и самоидентификации (Jahoda, 1982). Страдания, которые люди испытывают в результате безработицы, объясняются в модели с точки зрения их отрыва от этих основных потребностей. Таким образом, безработица анализируется как неполноценное состояние бытия, обратное нормальному и идеальному состоянию занятости, и состояние, которое в основе своей связано со страданием. Несмотря на то что Яхода и его коллеги признали относительно уникальный характер ситуации в Мариентале (промышленная община с необычно внезапным всплеском безработицы), модель депривации оказалась широко влиятельной, вдохновив целый ряд авторов на исследования безработицы и депривации потребностей [4].

Аналитическая простота модели депривации может иметь определенную привлекательность, но она же является и основным источником ее проблем. Один из ее главных недостатков - игнорирование уродливых реалий оплачиваемой занятости. Страдания безработных воспринимаются как доказательство того, что оплачиваемая работа должна быть лекарством, но о преимуществах занятости говорится лишь аб-

страктно, без каких-либо различий между реальностью хорошей и плохой работы. В этом модель депривации схожа с подходом правительства Великобритании к здравоохранению. Официальный обзор общественного здравоохранения, подготовленный Дэйм Кэрол Блэк в 2008 году, является хорошим примером современного мышления, когда в нем без дальнейших оговорок утверждается, что "наличие работы ведет к улучшению физического и психического здоровья" (Министерство здравоохранения, 2010). Официальный ответ правительства на доклад Блэка повторяет идею о том, что работа играет ключевую роль в "повышении качества жизни и позволяет людям максимально реализовать свой потенциал" (Department for Work and Pensions, 2013). Подобные утверждения ужасающе неконкретны. Преимущества работы для здоровья таких групп населения, как, например, матери-одиночки, которые часто становятся объектом политики *workfare*, далеко не очевидны (Baker et al., 1999; Cook, 2012). Эти утверждения также игнорируют все наследие исследований отчуждающего, разрушающего здоровье воздействия некачественной работы (работы, которая повторяется, предписывается, тщательно контролируется и не дает ощущения смысла), которое я исследовал в главе 2. Утверждение о том, что оплачиваемая работа "полезна для нас", совершенно лишено контекста. Это чистая идеология.

Вторая проблема модели депривации заключается в том, что она рассматривает безработных как отдельный тип людей с предсказуемой психологической реакцией. Она предполагает, что безработица по своей природе несчастна, и, таким образом, подразумевает, что люди должны работать, потому что это нормально и естественно. Ряд исследований заслуживает внимания, поскольку они усложняют это обобщение и проливают свет на различия в переживаниях людей, связанных с безработицей. В качестве примера можно привести исследование Фрайера и Маккенны, проведенное в конце 1980-х годов (Fryer and McKenna, 1987). Исследователи использовали интервью, чтобы сравнить опыт выборки безработных мужчин, некоторые из которых были сокращены навсегда, а другие были временно уволены на семь недель и ожидали возвращения на работу. Исследователи обнаружили, что сокращенные мужчины испытывали больше трудностей, чем уволенные. Многие из первых сообщили о том, что испытывают дефицит времени, в то время как некоторые из второй группы разработали удовлетворяющий их распорядок дня, заявив, что они наслаждаются свободным временем и спешат выполнить самостоятельно поставленные задачи перед возвращением на работу. Эти результаты позволяют предположить, что дистресс вызывает не безработица как таковая, а сокращение штата. Однако такое обобщение неправомерно, поскольку исследователи также отметили значительные различия между двумя группами мужчин. Фрайер и Маккенна учитывали такие переменные, как личность безработного, а также уровень его тревоги за будущее. Оказалось, что тревога оказывает разрушительное воздействие на способность людей планировать и начинать деятельность. Другие исследователи сосредоточились на личных последствиях потери дохода (Weller, 2012), роли несправедливости в самой потере работы (Bies and Moag, 1986) и степени, в которой увольнение по сокращению штатов стало неожиданностью (Dooley and Catalano, 1988). Мы можем только заключить, что реакция на безработицу формируется под влиянием широкого спектра переменных.

Как и в тысячах клиничко-психологических исследований, сосредоточенных на выделении конкретных причинных переменных, всегда существует риск, что иссле-

дования причин несчастья безработных превратятся в трагикомическую процессию попыток оспорить или усовершенствовать аналитическую модель. В одном исследовании можно предположить, что важную роль играет семейное положение, в другом - тип личности, в третьем - материальное положение человека, но многие не поймут, что все это, а также гораздо более широкий спектр социальных факторов, влияет на переживания человека. Когда исследователи изучают эмоциональные травмы, можно сделать определенные обобщения, но очень сложно определить, как люди будут реагировать на ситуации, которые принято считать "травматическими", используя жесткие аналитические модели.

Потеря работы может быть катастрофой для одного человека и благословением для другого, так же как брак может быть радостным событием для одного человека, но трагедией для другого, если, например, он был заключен против его воли... Что считать важным, очевидно, зависит от самого человека и его уникальной истории". (Лидер и Корфилд, 2007: 60-1)

В случае с Мариенталем, возможно, именно социализация бывших работников в качестве рабочих, а не лишение их "основных психологических потребностей", определили их негативный опыт безработицы. Сама занятость может быть частично ответственна за негативный опыт безработицы, поскольку, предоставляя людям лишь ограниченное пространство для развития других интересов, навыков и социальных связей, работа на полную ставку часто оставляет людей с небольшим количеством личных и социальных ресурсов, на которые можно опереться. Когда люди заявляют о своей привязанности к работе, это может быть связано с тем, что они испытывают внутреннее удовлетворение от своей работы, но в равной степени это может быть и так, что они испытывают разочарование от отсутствия других возможностей для самореализации, которые имели бы такой же социально подтвержденный статус, как и работа (Gollain, 2004: 41).

Мне довелось поразмышлять над этой проблемой в годы моей работы преподавателем в университете. Несколько лет подряд я вел ежегодные семинары по Максу Веберу и его теории трудовой этики. На этих семинарах я пытался заставить студентов задуматься о причинах, по которым мы работаем сегодня, спрашивая их, будут ли они продолжать работать, если выиграют в лотерею. Удивительно, но почти все студенты обычно отвечают, что да. Возникает соблазн рассердиться на них за этот явный недостаток воображения. Именно Бертран Рассел сказал, что если люди боятся скуки, вызванной увеличением количества свободного времени, то мы должны рассматривать это как "осуждение нашей цивилизации" (Russell, 2004c: 11). И все же во многих отношениях привязанность студентов к идее работы совершенно обоснована. В современном капитализме понятие общественной жизни стало настолько синонимом оплачиваемой работы, что стало трудно представить себе другие способы, с помощью которых человек может выйти из изоляции сугубо частного существования. Рэнсом хорошо формулирует проблему:

Представляется весьма вероятным, что ключевая причина, по которой люди продолжают выражать столь сильную готовность участвовать в трудовом процессе, более или менее непосредственно связана с тем, что для них не существует практической альтернативы. (Ransome, 1995: 210)

И снова это не означает, что работа не может быть приятной. Однако это говорит о том, что потребность в работе сильно зависит от политического, экономического и морального выбора общества (Cole, 2004: 9-10). Вопреки убеждениям модели депривации, во врожденном психологическом облике человека нет ничего такого, что делало бы его или ее необходимым быть наемным работником. В современном обществе, ориентированном на работу, безработица, несомненно, является ужасным опытом для большинства людей, но это мало что говорит нам о том, как будет восприниматься отсутствие работы в предполагаемом будущем обществе, где работа больше не будет рассматриваться как единственный источник дохода, прав и принадлежности. Что, если бы доход можно было отделить от работы таким образом, чтобы каждый мог воспользоваться большим уровнем финансовой безопасности? Что, если бы существовал целый ряд способов заслужить уважение горожан, помимо выполнения оплачиваемой работы? И что, если бы растущее изобилие свободного времени породило процветающую инфраструктуру неформальных социальных сетей и автономно организованного производства? Будут ли мои бывшие студенты по-прежнему чувствовать себя столь жизненно зависимыми от работы? Сомневаюсь, что да. К модели депривации нужно относиться с осторожностью, потому что она очерчивает границы наших способностей к воображению: она подпитывает ошибочное убеждение, что работа - единственный способ удовлетворить некоторые фундаментальные человеческие потребности, и препятствует нашей способности мыслить шире, чем общество, ориентированное на работу. Когда мы признаем, что необходимость работать - это результат политического, экономического и морального выбора общества, мы как общество становимся свободными для нового выбора. Мы остаемся открытыми для захватывающей перспективы, которую поддерживают критические социальные теоретики: что могут существовать другие способы удовлетворения потребностей, которые обычно удовлетворяются (или остаются неудовлетворенными, в зависимости от обстоятельств) с помощью оплачиваемой работы.

Соппротивление работе

Завершая свой обширный обзор критики работы, социолог Эдвард Грантер указал на "неоспоримое положение работы в политике, политическом и народном дискурсе" (Granter, 2009: 182). Многие из тем, которые я обсуждал до сих пор, похоже, подтверждают это опасение. В то время как ряд критически настроенных мыслителей призывают к радикальной переоценке работы и ее роли в обществе, кажется, что оплачиваемая занятость продолжает колонизировать нашу повседневную жизнь. Перспективы уменьшения количества работы также кажутся отдаленными в контексте потребительской экономики, которая продолжает занимать нас новыми причинами для работы и трат, и политической идеологии, которая продолжает пропагандировать работу как незаменимый источник хорошего здоровья и моральной добродетели. Однако если перспективы непредвзятого обсуждения будущего работы выглядят мрачно, то в оставшейся части книги я предлагаю использовать эти первые главы как платформу для более обнадеживающего исследования. В то время как все

большая часть нашей жизни и сознания колонизирована ради капиталистического производства, контроль общества над индивидом никогда не может быть тотальным. Куда ни глянь, везде есть люди, которые чувствуют, что они отличаются от ролей, навязанных им обществом, и превосходят их. Проблема, как выразились Райл и Сопер, заключается в том, что идеалы, которые пропагандирует общество, не совпадают с идеалами, которыми оно движимо:

Оно учит альтруизму, но при этом зависит от эгоизма, одобряет социальную ответственность, но поощряет финансовую корысть, продвигает цели критической автономии и всестороннего развития личности, но при этом одобряет систему, которая обрекает большинство на долгие часы скучного и неоправданного труда. (Ryle and Soper, 2002: 58)

Оно также продолжает пропагандировать этику упорного труда, даже когда стабильная и значимая работа находится в дефиците. Люди готовы терпеть все это до бесконечности. Существует предел, до которого люди будут терпеть противоречие между этическими идеалами и повседневными реалиями, и критическое исследование колониальной власти труда будет неполным, если оно не признает также противоположную традицию восстания и бунта, возникающую там, где люди отказываются усваивать идею о том, что работать - это хорошо, полезно и нормально.

Восстание против трудовой этики проявлялось во многих формах. Если вернуться к 1860-м годам, то можно рассмотреть затяжную борьбу между рабочими и капиталистами по поводу продолжительности рабочего дня как в Великобритании, так и во Франции (борьба, задокументированная Марксом в главе "Рабочего дня" в "Капитале"). В более поздние десятилетия мы можем рассмотреть историю панков, хиппи и бездельников или вспомнить о барменах, завсегдатаях забегаловок и дрифтерах, прославленных в художественном движении, в котором участвовали Джек Керуак, Чарльз Буковски, Хантер С. Томпсон, Боб Дилан, Вуди Гатри и Том Уэйтс. Все эти люди по-своему выступали за отказ от образа жизни "девять на пять". Персонажи, населяющие их книги и песни, имеют сильное семейное сходство с Поколением Икс - термином, популяризированным Дугласом Коуплендом в 1990-х годах в его одноименном романе (Coupland, 1991). Поколение Икс изображало группу молодых людей, которые боролись со своим разочарованием в атрибутах образа жизни яппи. Роман Коупленда был остроумным, яростно критичным и даже содержал глоссарий новых фраз для арсенала поколения Икс: такие термины, как McJob ("низкооплачиваемая, низкопрестижная, малодостойная, маловыгодная, бесперспективная работа в сфере обслуживания"), Veal-Fattening Pen ("небольшие тесные офисные рабочие места, построенные из разборных перегородок, обтянутых тканью, в которых живут младшие сотрудники") и Rebellion Postponement ("тенденция в молодости избегать традиционно юношеских занятий и творческих переживаний, чтобы получить серьезный карьерный опыт. Иногда приводит к трауру по утраченной молодости в возрасте около тридцати лет, за которым следуют глупые стрижки и дорогие гардеробы, вызывающие шутки") [5].

Однако сопротивление работе отнюдь не было прерогативой художественных движений. Помимо этих (в основном мужских) литературных отказов, мы можем рассмотреть целый ряд альтернативных историй. К ним можно отнести феминисток второй волны, которые подвергли сомнению идею о том, что женщины могут

освободиться, просто присоединившись к мужчинам в сфере труда. В 1970-х годах Мариароса Далла Коста и Сельма Джеймс призывали женщин сопротивляться мифу об освобождении через работу: "Рабство на сборочном конвейере не является освобождением от рабства у кухонной раковины" (Dalla Costa and James, 1973: 33). Мы также можем вспомнить итальянское движение автономистов, в котором в 1960-х и 1970-х годах радикальные ученые создавали союзы с свободной коалицией рабочих, феминисток, студентов и безработных, и все это во имя массового "отказа от работы" (Wright, 2002). Или мы можем рассмотреть рассказ Робина Келли о сегментах черного рабочего класса, чей бунт привел к поиску смысла и удовольствия вне сферы занятости (Kelley, 1994). А может быть, вспомним о более радикальных реакциях на неустойчивость трудовой жизни в современной Европе. Как отмечает Кэти Уикс, некоторые европейские активисты отреагировали на деградацию трудового договора не требованием вернуться в мир надежной эксплуатации, а призывом к совершенно иным отношениям между жизнью и работой (Weeks, 2011: 80). Движение "Евромай" - коллектив гибких, временных работников и мигрантов по всей Западной Европе - одно из таких движений, собирающееся раз в год для продвижения альтернативного видения развития [6].

Постоянной темой в работах Горца является идея о том, что в развитых индустриальных обществах существует активное, хотя зачастую и невыраженное, разочарование в работе. Горц указывает на рождение "неопролетариата": демографически разнообразного "класса нерабочих", которые, чувствуя, что их время и способности растрачиваются на работу, решают искать самореализации в других сферах жизни (Gorz, 1982). За рамками теории Горц не стал подробно останавливаться на том, кто такие неопролетарии и где их можно найти. Важно то, что неопролетариат понимался Горцем не как революционные политические субъекты (то есть они не заменяли революционный пролетариат Маркса), а как воплощение культурного разочарования в труде, которое еще не нашло коллективного выражения или политического приобретения. Чувства, направленные против работы, которые, по его мнению, росли, представляли собой революцию только в сердцах и умах людей, но будет ли это предполагаемое недовольство работой воплощено в подлинную социальную альтернативу, еще предстоит выяснить.

Сегодня многие, кто призывает к переоценке труда, по-прежнему уверены в существовании культурного течения, в котором люди активно задаются вопросом о том, насколько работа стоит их времени. Финн Боуринг утверждает, что одной из сильных сторон академической критики труда является то, насколько она гармонирует с желаниями современных социальных движений. Такие движения выдвигают "требования о более высоком качестве жизни... о менее агрессивной и индивидуалистической культуре, о более дружелюбной к детям политике и пространстве, о признании окружающей среды как источника эстетической и духовной подпитки, о большем количестве свободного времени и менее товарном существовании" (Bowring, 2011: 150). Кейт Сопер разделяет это убеждение, указывая на зарождающуюся культуру "альтернативного гедонизма", в которой длинные рабочие дни и интенсивный образ жизни подвергаются тщательному анализу, поскольку люди подчеркивают ценность нематериальных благ, таких как свободное время, благополучие, общение и более расслабленный темп жизни (Soper, 2008). Так, в своем

манифесте за двадцатичасовую рабочую неделю Фонд новой экономики ссылается на "смещение ожиданий или морали в отношении использования, ценности и распределения труда и времени в обществе" (Coote et al., 2010: 4).

Несмотря на то, что эти критики уверены в культурном резонансе своих идей, справедливо будет сказать, что дискуссии о современном отказе и бунте, как правило, остаются туманными. Моя цель в оставшейся части книги - сделать предварительный шаг к исправлению этой ситуации. В следующих трех главах я исследую устные рассказы реальных людей из Великобритании, которые пытались противостоять работе: либо сокращая свое рабочее время, либо пытаясь жить без работы вообще. В начале главы 5 я представляю людей, с которыми я встречался, изучая причины их сопротивления работе и рассказываю о том, чем они занимаются в свободное время. В главах 6 и 7 я перехожу к изучению некоторых удовольствий и трудностей, с которыми они столкнулись, пытаясь противостоять работе. Как и следовало ожидать в контексте общества, ориентированного на работу, существуют значительные препятствия, которые блокируют изолированные попытки людей работать меньше. В какой степени существенное восстание против работы достижимо, учитывая те силы, которые противостоят этой возможности? И можно ли найти скрытые удовольствия в менее ориентированном на работу и менее ориентированном на товары образе жизни? Именно эти вопросы лежат в основе остальных глав этой книги.

5: Переломный момент

Как бездельник я обязуюсь... Не работать в нелепые часы, особенно на какую-нибудь корпорацию; по возможности не позволять стрессу влиять на меня; есть медленно; часто пить настоящий эль; больше петь; больше улыбаться; сойти с карусели девять на пять, пока меня не затошнило; развлекать себя как на публике, так и наедине; развлекать других так же, как и себя; знать, что работа - это только оплата счетов; всегда помнить, что друзья - это источник силы; наслаждаться простыми вещами; проводить качественное время на природе; меньше тратить на крупные компании и корпорации; делать много приятных вещей; идти против правил; менять мир и людей вокруг себя, пусть даже незначительно...

- список обязательств, взятых на себя Альянсом лентяев

В период с 2009 по 2013 год я общался с людьми, которые предпринимали серьезные меры, чтобы не допустить колонизации своей жизни работой. Некоторые из них сократили свой рабочий день, а другие и вовсе отказались от работы. Найдя их с помощью различных способов - поиска в Интернете, местных объявлений или рекомендаций существующих участников, - я опросил их об их взглядах и опыте, связанном с работой. Я хотел понять, что побудило их отказаться от работы, выяснить, чем они занимают свое время, и глубже понять удовольствия и трудности, с которыми можно столкнуться в процессе отказа. Хотя некоторые интервью проводились по телефону, по возможности я старался встретиться с людьми лицом к лицу в их домах. Поскольку они часто щедро делились своим временем, я беседовал со многими из них в течение нескольких часов (с некоторыми - более одного раза), а также принимал приглашения присоединиться к ним в различных мероприятиях. В ходе исследования я гулял по побережью, занимался садоводством, помогал готовить барбекю и сидел за прилавком на местном музыкальном фестивале.

Следует помнить об относительно обычном характере людей, с которыми я встречался. На более крайнем конце шкалы были четыре участника, связанные с организацией под названием "Альянс лентяев" (Джек, Майк, Энн и Алан). Это может показаться не совсем обычным, но, возможно, "организация" - слишком сильное слово. Один из основателей Альянса сказал мне, что, за одним небольшим исключением (описанным ниже), группа никогда не пыталась "делать что-либо политическое". Главной приманкой Альянса была онлайн-доска объявлений, которую часто посещала нечетко определенная и демографически разнообразная группа людей. Некоторые из них немного сократили свой рабочий день, некоторые - намного, а некоторые вообще старались не работать. Некоторые просто искали интеллектуальной беседы. Как видно из списка обещаний пользователей, приведенного в начале этой главы, безделье представляет собой не столько фиксированный набор принципов, сколько настроение или текстуру, элементы которой варьируются от серьезных до глупых. Тема на доске объявлений может предлагать людям прокомментировать

изменения в политике социального обеспечения, поделиться советами по экономии денег, порекомендовать хороший фильм или принять участие в язвительной беседе о достоинствах различных конструкций сидений для унитазов. Хотя некоторые из опрошенных бездельников имели доступ к интеллектуальным концепциям и основам, которые позволяли им формулировать свою борьбу с работой в политических терминах, в целом бездельников нельзя назвать идеологически ангажированными активистами или членами последовательного общественного движения.

Помимо четырех бездельников, я встретил пятнадцать человек, у каждого из которых было свое происхождение, ситуация и набор желаний. Одной из них была Элеонора, женщина в возрасте около тридцати лет и единственный человек, которого я встретил, чье сопротивление работе заставило ее выйти за пределы общества и начать экспериментировать с коммунальным проживанием. На этом более крайнем конце спектра я бы также поместил Шерил, женщину за сорок, которая с гордостью определяла себя как "дауншифтер" и энтузиаст "медленной жизни". Я навестил Шерил у нее дома, где она рассказала мне, что часть своего дохода она получает, пропагандируя свои ценности на местном радио. Однако по большей части мы можем считать Элеонору и Шерил радикальными исключениями из правил. Большинство людей, с которыми я встречался, не слышали о таких терминах, как "бездельник" (idler) или "дауншифтер", а некоторые, когда их спрашивали, даже говорили, что находят эти термины немного отталкивающими. Одна из участниц, Рейчел, заявила, что "все это звучит немного хиппово".

На менее заметном альтернативном конце шкалы находятся такие люди, как Адам и Саманта, чье сопротивление работе приняло форму резкой смены профессии. В случае Адама работа программиста с высокими обязательствами была брошена в пользу преподавания английского языка в Японии на неполный рабочий день с небольшим количеством бесплатной работы по программированию на стороне. В случае Саманты хорошо оплачиваемая работа патентного адвоката была брошена (к ужасу ее матери), чтобы вести более свободный образ жизни, подрабатывая официантом и частным репетитором. Были и такие люди, как Брюс, Люси и Эмма, чье плохое самочувствие мешало им оставаться на работе. Для этих людей сопротивление работе, похоже, было мотивировано самосохранением. Из всех людей, с которыми я встречался, пожалуй, Ларри продемонстрировал самый скромный акт сопротивления. Он был социальным работником, который набрался смелости и попросил своих менеджеров сократить его рабочую неделю всего на один час в день, на что они согласились. Скромная цель Ларри заключалась в том, чтобы в повседневной жизни он чувствовал себя менее спешащим и напряженным.

Вопрос о том, были ли эти люди успешны в своих попытках противостоять работе, является сложным, и я продолжу его рассмотрение в следующих главах. Мой предварительный ответ заключается в том, что у одних это получалось лучше, чем у других. В то время как некоторые говорили, что живут достаточно комфортно на неполный рабочий день, прежний заработок или доход партнера, многие шли на значительные жертвы, чтобы противостоять работе, финансируя свою жизнь за счет некоторого сочетания сокращающихся сбережений, обрывков временной работы, взаимных услуг, займов и государственных пособий. Уровень убежденности каждого человека также значительно различался. Как мы увидим в главе 7, некоторых вдохновляло

сострадание и поддержка друзей и семьи, и они с гордостью обсуждали свой выбор. В отличие от них, другие поддавались стигме безработицы, и их рассказы были наполнены стыдом и неуверенностью в себе. Читателям, вероятно, также следует помнить об ограничениях интервью как средства выяснения отношения людей к своим обстоятельствам. Как и все социальные встречи, интервью формируются через акты самопрезентации и выборочного рассказа правды. Это не значит, что участники лгут, но необходимо признать тот факт, что интервью – это такое же социальное взаимодействие, как и любое другое. Должен признаться, что меня немного не убедил навязчивый оптимизм одного или двух людей, с которыми я встретился. Я подумал, не скрывают ли они от меня, а может быть, и от самих себя, менее приятные стороны своей жизни. Однако в большинстве своем я чувствовал, что люди открыто говорят о взлетах и падениях своей жизни. Многие были благодарны за возможность принять участие в исследовании и говорили, что ценят его как шанс прояснить свои чувства.

С учетом этих предостережений эта глава и две последующие будут посвящены изучению рассказов людей, у которых я брал интервью. [1] В главах 6 и 7 я сосредоточусь на удовольствиях и трудностях сопротивления работе, но в этой главе давайте начнем с более элементарного вопроса – почему. Почему участники чувствовали необходимость сопротивляться работе? Или, возможно, более точно, почему они решили действовать в соответствии с ощущаемой потребностью сопротивляться работе? Чувство необходимости сопротивляться – обычное явление, но гораздо меньше людей преобразуют это чувство в реальные изменения в своих обстоятельствах. По мере изучения рассказов становится все более очевидным, что решение сопротивляться работе никогда не было продиктовано ленью, небрежностью или отвращением к продуктивной деятельности. Напротив, решение сопротивляться работе всегда мотивировалось мощным набором альтернативных моральных принципов. Вместо того чтобы отмахнуться от них как от эксцентричных или девиантных, как это часто бывает в современном обществе, ориентированном на работу, моя цель – исследовать эти моральные принципы, воспринимая их всерьез как возможные источники вдохновения в деле переоценки и сокращения труда.

Прощай, Санта-Клаус

Это был один из самых жарких дней лета, и я отправился на местную ярмарку в юго-восточной Англии, надеясь встретиться с членами Альянса бездельников (далее АБ). Они планировали установить на ярмарке свой ларек и любезно согласились, чтобы я присоединился к ним. Никто не выкрикивал лозунгов и не размахивал транспарантами. Несколько человек неуверенно раздавали листовки случайно забредшим на ярмарку людям, но мероприятие выглядело скорее как повод собраться вместе, чем как кампания. Примерно к обеду большинство бездельников разошлись, и тогда я заметил Джека, лежащего на солнце в некотором отдалении от киоска. Джеку было около тридцати лет, он был невзрачным человеком, который поначалу, казалось, не хотел участвовать в интервью. Похоже, он не верил, что его взгляд на мир стоит того, чтобы я проехал полстраны. Защищая глаза от солнца, Джек в конце концов согласился сесть со мной и начал интервью извиняющимся тоном. Однако по мере

того как мы разговаривали, его настроение становилось все более философским. Он не спеша обдумывал мои вопросы, переводил дыхание, а затем спокойно объяснял свой взгляд на мир. С густым региональным акцентом Джек объяснил, что перешел на неполный рабочий день в своей работе библиотекаря, чтобы получить больше свободного времени:

Я подумал: "Погодите-ка, жизнь - это не только работа с девяти до пяти, поездки на работу и тому подобные вещи, в ней должно быть что-то еще". Так что меня очень привлекла идея работать меньше, возможно, и эта модель - работать полдня, а остальное время посвящать себе.

Джек выразил сильное желание заниматься творчеством, но считал, что это желание было подавлено на его предыдущей работе с полной занятостью. Он выразил убеждение, что творческие способности развиваются благодаря неторопливому образу жизни, насыщенному разговорами и чтением, но сожалел, что прежняя работа не позволяла ему часто заниматься этими вещами. Цель перехода на неполный рабочий день заключалась в том, чтобы чувствовать себя менее измотанным и надеяться вновь открыть в себе жажду творческой деятельности. Особенно ему нравилось писать, и он был рад сообщить, что снова находит время для этого.

Я не думал, что останусь [работать неполный рабочий день], но забавно, что в разные периоды жизни тебя тянет к разным вещам, и в тот момент мне просто захотелось изучить это. Я остаюсь с этим до сих пор и полагаю, что это сделало меня более креативным.

Джек сказал, что его новый режим работы - около четырех часов в день - стал казаться ему "совершенно естественным", хотя он и понимал, что его образ жизни нетрадиционен. Я думаю, он имел в виду трудовую этику, когда описал образ жизни большинства людей как "религию или какое-то безумие". Джек описал свое решение меньше работать, используя такие слова, как "прозрение" или "пробуждение", полагая, что пробился сквозь безумие окружающего его мира:

Проблема в том, что, когда это произошло, ты уже не можешь смотреть на вещи по-другому, потому что ты как будто увидел то, что есть на самом деле - это как видеть сквозь маску. Это что-то вроде взрослого эквивалента осознания того, что Санта-Клауса не существует.

Многие из тех, с кем я встречался, описывали свое решение меньше работать в схожих терминах, как результат того, что они пробили брешь в укоренившихся культурных убеждениях. Иногда эта критическая дистанция начинала формироваться во время трудовой жизни человека, но иногда ее корни уходили гораздо дальше. Другой бездельник, Майк, рассказывал, что в тридцать лет он достиг момента, когда "увидел насквозь" трудовую этику, привитую ему школьными учителями. Участник Элеонор начал верить, что "на самом деле нас просто социально приучили к мысли, что мы должны все время работать, зарабатывать кучу денег и делать все это". По какой-то причине необходимость быть занятым показалась этим людям скорее социальной конструкцией, чем фактом жизни. Вопрос о том, почему они работают, внезапно встал перед ними, и, как сказал Джек, пути назад уже не было. Невозможно заново открыть для себя веру в Санта-Клауса:

...мы не можем скатиться назад и без рефлексии снова приспособиться к рутине, потому что по самой своей природе такая ориентация предполагает ощущение, что

жизнь не может быть иной, и, к сожалению, мы уже пришли к тому, что наше самосознание разрушило эту фикцию. Возврата к такому нерелексивному состоянию нет". (Cohen and Taylor, 1992: 59)

Эти переживания напрашиваются на сравнение с исследованием Бернарда Лефковица о добровольной безработице в Америке 1970-х годов, в котором интервьюируемые также регулярно говорили о пробуждениях или откровениях (Lefkowitz, 1979). Лефковиц называл их "точками перелома": точками, когда люди решали сделать перерыв (часто постоянный) в работе, а также точками, когда они "ломались" в эмоциональном смысле. Точка перелома представляет собой своего рода личный кризис, когда привычные привычки и убеждения человека подвергаются сомнению. Биографический инцидент, новое моральное озарение или накопившееся чувство подавленности заставляют человека усомниться в своих привычках и убеждениях, делая привычные обстоятельства и рутину все менее и менее терпимыми. В более тяжелых социологических терминах точка перелома может быть описана как момент, когда люди преодолевают явление, известное как овеществление. Концепция овеществления, изначально использованная Марксом, была адаптирована Питером Бергером и его коллегами в их анализе человеческого сознания. Как и Маркс, Бергер и его коллеги исходили из того, что человек всегда находится в диалектических отношениях с миром: социальный и институциональный порядок, который стоит над людьми и формирует их жизнь, сам всегда является продуктом человеческой деятельности. В книге "Социальное конструирование реальности" Бергер и Лакманн напоминают нам, что социальный мир всегда может быть только результатом человеческой деятельности: "Важно помнить, что объективность институционального мира, какой бы массивной она ни казалась индивиду, - это произведенная, сконструированная человеком объективность" (Berger and Luckmann, 1967: 78). Помнить о том, что общество является - и может быть - продуктом человеческих действий и выбора, жизненно важно, если люди хотят воспринимать мир как поле открытых возможностей, ожидающих их влияния. Концепция овеществления описывает процесс, в ходе которого забывается фундаментальная истина о том, что люди являются производителями социального мира.

Бергер и Люкманн полагают, что развитие сложного социального и институционального порядка приводит к тому, что люди воспринимают человеческие явления "как если бы они были вещами, то есть в нечеловеческих или, возможно, надчеловеческих терминах" (Berger and Luckmann, 1967: 106, курсив мой). Такое овеществленное сознание является результатом процесса социализации, который препятствует беспорядку и способствует социальной сплоченности, обеспечивая принятие индивидами норм, ролей и структур общества. Главный принцип социологии заключается в том, что через социализацию общество проникает в сознание человека, формируя его в желаемую обществом форму и обеспечивая поведение индивидов с минимальной рефлексией. Если процесс социализации проходит успешно, интегрированные в общество индивиды принимают детерминанты реальности как естественные и данные: мир непосредственно или до рефлексии присутствует в сознании, а социальные роли "воспринимаются как должное и проживаются как необходимая судьба" (Berger and Pullberg, 1966: 65).

Коэн и Тейлор описывают этот стандартный или повседневный режим сознания как "нерефлексивное приспособление", предполагая, что он означает ощущение человеком расслабленной самодостаточности своей роли (Cohen and Taylor, 1992: 47). Однако, если овеществление в определенной степени представляет собой ментальную и функциональную необходимость, Бергер и Пулберг предполагают, что она также представляет собой своего рода отчуждение. Когда социальный мир предстает в человеческом сознании как инертная или фиксированная сущность, он перестает быть открытым горизонтом возможностей, ожидающим человеческого отпечатка: "Благодаря овеществлению мир институтов как бы сливается с миром природы. Он становится необходимостью и судьбой и переживается как таковой, счастливо или несчастливо в зависимости от обстоятельств" (Berger and Luckmann, 1967: 108). Мир встречается человеку как инертная или естественная "данность": "Он существует, не поддаваясь его желаниям, суверенно отличный от него самого, чуждый, непрозрачный для его понимания" (Berger and Pullberg, 1966: 63). [2] В нашей повседневной жизни эта отчужденность вызывает у нас чувство тревоги. Она порождает тревожное и часто подавляемое чувство, что слишком многое в жизни происходит в соответствии с предписанными, запрограммированными закономерностями. Как выражаются Коэн и Тейлор:

Вместо того чтобы быть благодарными за то, что нерефлексивное приспособление позволяет времени пройти, помогает нам прожить день, мы становимся обеспокоенными тем, как мы можем позволить себе быть так легко увлеченными обыденным, тривиальным, легко предсказуемым... Это переживание мы называем скукой, монотонностью, нудностью, отчаянием. (Cohen and Taylor, 1992: 50)

Это чувство, когда обыденность условностей вызывает личную тревогу, хорошо описывает чувства многих людей, с которыми я встречался. Рейчел, энергичная женщина в возрасте около пятидесяти лет, описала свое решение перейти с полной на неполную занятость (на своей работе в отделе кадров) как попытку "снять жизнь с автопилота". Мы можем сравнить это с Анной, которая оставила работу на телевидении с высокими обязательствами, чтобы стать фотографом-фрилансером. Она назвала свое решение результатом "пробуждения от долгого сна". Несколько участников пренебрежительно отозвались о бывших коллегах, которые, как оказалось, ведут свою жизнь ритуально, не имея четкого обоснования или цели. Люси говорила о людях, с которыми ей приходилось работать, "которые были на работе вечно и не могли сказать о ней ничего плохого". А вот цитата Адама, который серьезно сомневался в современном представлении о карьере:

Карьера - это просто одна работа, соединенная с другой работой, соединенная с другой работой, и если вы не знаете, зачем вы все это делаете, то не знать - значит признать, что вы тратите свою жизнь впустую".

Адам сказал, что ему нравится мягко провоцировать людей на выяснение причин, по которым они работают, но он считает, что это неудобная или табуированная область для разговора:

[Люди] дают довольно легкомысленный ответ, который является их способом сказать: "О, не спрашивайте меня об этом". Они с удовольствием говорят о других вещах и ведут светские беседы, но никто не хочет говорить об этих глубоких вопросах.

В каждом случае участники интервью выражали сильное желание жить с осознанностью, часто ссылаясь на какой-то более ранний период своей жизни, который проходил в менее ясном состоянии сознания, без их участия. В этом контексте точка перелома представляет собой долгожданный момент, когда они начали задаваться вопросом о роли работы. В терминологии Бергера это был момент де-реификации (де-овеществления), когда они стали лучше понимать социально обусловленную природу необходимости быть занятым. Разумеется, это не означает, что в момент перелома человек полностью освобождается от своего культурно закрепленного положения в обществе или что это равносильно свободе от структурных и идеологических навязываний работы. Точка перелома более скромно представляет собой момент, когда люди начали более четко размышлять о природе когнитивной силы и о своих собственных способностях к самонаправлению в рамках ограничений, накладываемых окружающим их обществом. Необходимость быть занятым больше не воспринималась как естественный закон или свойство человеческой природы, а наоборот, представляла собой объект, созревший для критического внимания. С приподнятым настроением и нотками гордости люди описывали процесс осмысления своих привычных представлений и привычек, избавления от ролей и осознания своей жизни как открытой для возможностей. Они выступали против предписывающего мира расписаний, обязанностей, рутины и правил, которые угрожали их способности поддерживать образ себя как уникальных, обдуманых и ответственных людей. Они достигли катарсиса, когда их чувство подавленности вылилось в реальные перемены.

Что именно позволило людям, с которыми я встречался, достичь такой степени критического дистанцирования от ранее естественного положения вещей? Точка разрыва представляет собой момент, когда овеществление было проколото, а жизнь людей вновь обрела ощущение податливости. Но когда и почему люди перестают воспринимать свои социальные роли как естественные и заданные? Несмотря на нормализующие функции социализации, социальной дисциплины и идеологии, социальная борьба показывает нам, что интеграция индивидов в социальный порядок никогда не является законченным процессом. Но если всегда есть элемент "я", который отказывается от интеграции, то что заставляет этот элемент проснуться и быть услышанным?

Причины перелома трудно определить. К критическому размышлению могут подтолкнуть самые непредсказуемые ситуации: смутное чувство опустошенности, возникающее в автомобильной пробке или переполненном торговом центре; обида, всплывающая на поверхность во время бессмысленного командного совещания; медитативное состояние, которое может последовать за поездкой на природу или по открытой дороге. Интервьюируемая Элеонора говорила в почти мистических терминах о своего рода трансценденции или вспышке озарения: то, что Коэн и Тейлор, пишущие на тему побега, называют "мгновенным проскальзыванием сквозь ткань" (Cohen and Taylor, 1992). Человека на короткое время охватывает некая смутная и неопишуемая сила или дух, который вводит его в процесс переоценки. Элеонора предпочла не обсуждать свой опыт подробно. Ее неспособность сформулировать пережитое, казалось, пугала или, по крайней мере, смущала ее:

Возможно, это был ключевой поворотный момент. Мне трудно об этом говорить, потому что это смутно - я ни с кем об этом не говорила, и это было довольно... Я ушла отсюда с чувством... хм. Мне стоит как-нибудь сесть и выяснить, что же там произошло на самом деле.

Бергер и Пуллберг предполагают, что де-реификация может происходить во "времена неприятностей", которые сотрясают мир до основания и позволяют ему быть перестроенным заново (Berger and Pullberg, 1966: 69). Иллюстрируя эту идею, несколько человек, с которыми я встречался, рассказали о дестабилизирующем воздействии смерти:

Мой отчим умер, когда мне было десять лет, и это был своего рода тревожный звонок. Это заставило многое пересмотреть. Это натолкнуло меня на мысль: "Жизнь слишком коротка. Она может закончиться вот так просто, поэтому я буду заниматься своими делами". (Майк)

Я имею в виду тяжелую утрату или сокращение штата - иногда это бывает полезно, заставляя людей сделать этот шаг и понять, что работать на одной и той же работе в течение следующих двадцати с лишним лет, с девяти до пяти, - не единственный вариант. (Рейчел)

В этих редких случаях респонденты выделяли ключевое жизненное событие, которое нарушило их реальность и заставило по-новому взглянуть на мир. Вид и мысль о смерти подействовали на них как электрический разряд, заставив задуматься о своих ценностях и приоритетах. Однако способность выделить ключевое событие, ставшее толчком, была редкостью среди людей, с которыми я встречался. Чаще всего переломный момент оказывался результатом более продолжительного, грызущего чувства недомогания или тревоги. В таких случаях мы наблюдаем не внезапное прозрение, а более постепенное разочарование в мире труда, зарождающееся в пространстве между желанием и реальностью. Заимствуя термин интервьюера Брюса, мы наблюдаем чувство "недомогания", которое возникает в разрыве между личными устремлениями, этическими идеалами и самоощущениями, с одной стороны, и неприглядными реалиями жизни, как она есть на самом деле, - с другой.

Если мы хотим понять, почему люди сопротивляются работе, то, похоже, нам нужно пойти немного глубже. Именно это я и попытаюсь сделать в оставшейся части этой главы. То, что я излагаю, - это, конечно, упрощения реальности. Вполне понятно, что многие участники отвергли предположение о том, что может существовать какая-то главная причина или момент, который определил их решение сопротивляться работе. Возможно, даже называть это "решением" в какой-то степени неверно - может быть, это было больше похоже на чувство, которое зарождалось, или результат длинной цепочки событий. Для тех участников, которые чувствовали себя слишком плохо, чтобы работать, сопротивление работе вряд ли можно назвать "решением". Скорее, это была необходимость или акт самосохранения. Я обсуждаю факторы, побудившие людей сопротивляться работе, только в той мере, в какой каждый из нас может точно сказать, почему мы делаем то, что делаем. Исходя из этого, я рассмотрю три распространенных "пути" сопротивления работе: бесполезная работа, мини-утопия и сломанное тело.

Бесполезная работа

Я познакомился с Ларри примерно на полпути своего расследования, получив его контактные данные от друга (и бывшего коллеги Ларри). Ларри отказался встретиться со мной лично, и мы поговорили о его опыте по телефону. Ларри было за пятьдесят, он давно работал социальным работником и говорил, что страдает от стресса. Он договорился о сокращении своего рабочего дня на один час (до семи вместо восьми, как обычно), полагая, что это поможет ему повысить «шанс чувствовать себя в полуприличном состоянии». Дополнительный час в его распоряжении означал, что он сможет избежать часа пик во время поездки на работу, а также лучше расслабиться: «Я меньше устаю по вечерам, и у меня появилось больше времени, чтобы делать то, что я хочу». В ходе интервью Ларри сосредоточился на изменениях, свидетелем которых он стал за долгие годы работы социальным работником. Он, казалось, ностальгировал по прежним временам, когда ему была предоставлена свобода работать над социальным случаем от начала и до конца. Он ценил эту модель работы, поскольку считал, что она позволяла ему понять потребности клиентов и внести ощутимый вклад в их благополучие. Ларри противопоставил это «бюрократической машине» современной социальной работы:

В наши дни контакт с клиентом очень невелик. Мы следуем установленному процессу оценки и планирования, так что у нас есть комплексный план оценки. По сути, это целая куча форм, которые нужно заполнить, куча бумажной работы, связанной, вероятно, с людьми, которых вы никогда не встречали. Это либо очень скучно, либо очень напряжно. Вы пытаетесь справиться со всеми этими административными задачами, за которыми никогда не успеваете. Так много записей и так много людей, которым ты должен сообщить разные вещи: финансы и формы, удостоверения личности, разрешения, контракты, а затем заполнить формы, чтобы сказать, что ты все это сделал.

Я спросил Ларри, получает ли он удовлетворение от своей работы. Он ответил: «Совсем нет. Раньше я любил свою работу, а теперь она мне совсем не нравится». Больше всего его беспокоило то, что за прошедшие годы трудовой процесс изменился, и вместо того, чтобы вести относительно небольшое количество целых дел, каждому социальному работнику поручался более узкий, рутинный набор задач по более широкому кругу дел. Ларри считал, что в результате этих изменений он лишился свободы в принятии решений о том, как лучше поступить со своими клиентами. Мудрость, которую он приобрел за годы работы, стала ненужной: «Ваш опыт ценится меньше, чем скорость набора текста». Его ежедневный опыт работы превратился в продвижение через административные задачи в состоянии нетерпения и недовольства, хотя он понимал, что бумаги на его столе касались людей «с весьма острыми эмоциональными потребностями или кризисами». Как добросовестный человек, он находил свое нарастающее нетерпение тревожным. Прежний Ларри обладал щедрым запасом терпения по отношению к своим клиентам, а новый постоянно выходил из себя. По его словам, во многом благодаря этому опыту он стал относиться к работе чисто инструментально, выполняя ее без энтузиазма, лишь постольку, поскольку это было необходимо для его выживания. (После нашего интервью до меня дошли новости о том, что Ларри вообще перестал работать.) Он размышлял о том, сможет ли он

когда-нибудь вновь открыть в себе тягу к социальной работе через какую-то другую возможность, вне официальной занятости: «Если бы мне не нужен был доход, я бы просто занялся волонтерской работой, может быть, связался бы с какими-нибудь добровольными организациями, которые занимаются проблемами обучающихся инвалидов, или другими видами волонтерской работы, например, обучением грамоте взрослых, или, может быть, даже какой-нибудь экологической группой». Мне стало интересно, сделает ли Ларри это когда-нибудь.

В рассказе Ларри прослеживается ряд широких и устоявшихся тем из критики работы, рассмотренной в главе 2. Он отчаялся в усилении бюрократии и ее мире «целей и задач», «результатов» и «программных заявлений», считая, что стандартизированные процедуры мешали его способности выполнять работу чутко и хорошо. Стандартизация трудового процесса и смещенное разделение труда подорвали идентичность Ларри как социального работника, уничтожив его способность испытывать чувство моральной независимости и гордости за свою работу. Он чувствовал себя отчужденным от своих молодых коллег, которым отдавали предпочтение за их ловкую эффективность, хотя в конечном итоге они были менее опытными. Трагедия для Ларри заключалась в том, что он был вынужден наблюдать, как эти изменения происходят постепенно, в течение нескольких лет. Работа, которая должна была задействовать его личные резервы мудрости и сочувствия, по мнению Ларри, неуклонно сводилась к набору административных процедур, в которых личные потребности клиента оставались на расстоянии вытянутой руки. Похоже, что эти переживания сыграли важную роль в желании Ларри уйти с работы.

Негативный опыт работы как таковой также сыграл важную роль в моих беседах с участником по имени Мэтью. Мэтью был мужем другой участницы, Люси. Они были молодой супружеской парой в возрасте около двадцати лет, и за время исследования я несколько раз встречался с ними, беседуя за чашкой чая в их доме в Южном Уэльсе. При каждой нашей встрече супруги сообщали мне о любых изменениях в своих жизненных обстоятельствах, а затем подробно рассказывали о своих надеждах и опасениях на будущее. Мне всегда нравилось брать интервью у Мэтью и Люси. Их рассказы были спонтанными, удивительными и часто эмоциональными. Иногда казалось, что они впервые излагают свои взгляды на работу.

Когда мы впервые встретились, пара недавно переехала в этот район, чтобы Мэтью изучал философию в университете. Поскольку он учился полный рабочий день и не был обременен решениями о работе, я пришел познакомиться в основном с Люси, но к Люси я вернусь чуть позже. На момент нашего интервью у нее не было работы, и она не собиралась искать ее в ближайшем будущем. Супружеская пара существовала за счет студенческого кредита Мэтью и небольшой суммы сбережений от предыдущей работы. Однако к концу исследования обстоятельства пары значительно изменились. Мэтью закончил учебу и теперь, как и Люси, был без работы. Он утверждал, что обладает сильным чувством самонаправления, и говорил, что наслаждается своей безработной жизнью: проводит время с Люси, пишет статьи о видеоиграх для онлайн-журнала, посещает кино клуб, работает волонтером в Королевском обществе защиты птиц (RSPB) и т. д., но при этом он сильно беспокоился о финансовой безопасности пары. К моменту нашей последней встречи супруги получали пособие на жилье, а Мэтью также начал получать пособие по поиску работы.

Мэтью искал работу, но лишь изредка, и, похоже, без особого энтузиазма. Как и у всех людей, с которыми я встречался, у него было сильное желание выполнять работу, которую он считал значимой. Его добровольная работа в RSPB была близка к этому идеалу, как и пара разовых подработок по проведению дней открытых дверей от имени его университета. Мэтью был рад продвигать эти организации, потому что «верил в них», но в целом не возлагал больших надежд на то, что ему удастся найти полноценную работу. Его усилия по поиску работы были в основном перформативными. Он заполнял заявления о приеме на работу - обычно в крупные розничные сети - для того, чтобы удовлетворить условия получения пособия. Он надеялся, что работодатели не откликнутся, особенно после того, как подсчитал, что работа с минимальной зарплатой лишь незначительно улучшит материальное положение пары. Получение пособий стало чем-то вроде игры, которую, как был уверен Мэтью, они в конце концов проиграют. Вероятность того, что он будет вынужден устроиться на рутинную или сомнительную с этической точки зрения работу, сильно отягощала его:

Продавать товары, которые меня не интересуют, вносить вклад в то, что мне неинтересно, или, на худой конец, вносить вклад в то, что неэтично, - я не знаю, как я смогу делать это каждый день, не впадая в депрессию, тревогу или смесь того и другого... Я очень беспокоюсь о том, что может сделать со мной неправильная работа.

Возможно, он опасался, что его постигнет та же участь, что и его жену Люси, которая раньше работала в магазине выгодных покупок. Люси сказала:

Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова покупать подушки, потому что моя работа заключалась только в том, чтобы запихивать подушки туда, куда они не подходили. Это было похоже на жизнь [моих менеджеров]. Они говорили: «О, подушки должны лежать в таком-то месте, в таком-то месте и в таком-то месте»... Это просто сводило меня с ума».

Сила желания Мэтью выполнять работу, которую он считал значимой, стала наиболее очевидной, когда он признался в полном объеме финансовых трудностей пары. Было очень показательно, что, несмотря на то, что супруги едва справлялись с оплатой аренды и часто были вынуждены жить на очень простой диете, покупая изо дня в день те продукты, которые могли себе позволить, Мэтью все еще не был вынужден активно искать работу³.

Когда мы выясняли отношение Мэтью к происходящему в ходе интервью, он неоднократно возвращался к своему предыдущему опыту работы в качестве помощника администратора в местном журнале - работе, которую он выполнял без оплаты в течение нескольких месяцев, чтобы получить опыт работы. Он ненавидел эту роль. За время наших встреч я оценил Мэтью как очень доброжелательного человека. Он был приветлив, полон энтузиазма и казался внимательным к Люси, но признался, что ему было трудно проявлять подобные качества на работе, особенно когда он чувствовал, что его задания не имеют смысла:

Как будто ваша личность стала для них критерием, как будто они ожидают, что вы будете полны восторга. Когда я работал в [журнале], люди в целом были очень милыми, но на меня оказывалось огромное давление, чтобы я был эмоционально щедрым. Большая часть моей работы заключалась в том, чтобы звонить по телефону,

разговаривать с людьми, предлагать им что-то, так что был элемент обаяния, харизмы и тому подобных вещей... Для работы в офисе требуются довольно большие эмоциональные затраты.

Помните, что к этому моменту Мэтью боялся потерять свое пособие по безработице. Я попросил его рассказать о своем худшем сценарии. Он сказал, что центр занятости заставит его устроиться на работу в отдел продаж:

Идея работать в офисе, здороваться с людьми, спрашивать «как дела?», когда ты чувствуешь себя ужасно, звонить людям - если ты работаешь в продажах, ты должен быть страшно рад, «будь собой, будь счастлив!». Знаете, бывает, что я чувствую себя ужасно, и необходимость изображать из себя что-то очень пугает меня.

Жалобы Мэтью очень напоминают теорию эмоционального труда Хохшильда, представленную в главе 2. Мэтью объясняет, как ему трудно создавать эмоциональные представления, требуемые его ролью на работе. Он должен быть полным восторга, но не может собрать энергию. Он находит это истощающим до такой степени, что это «пугает» его, угрожая его достоинству и чувству подлинности. Его опыт очень хорошо сопоставляется с опытом Ларри. Если мы помним, главной жалобой Ларри на работу было то, что его заставляли выполнять этически деликатные задачи с холодной дистанцией бюрократа. У Мэтью все было наоборот: его уговаривали выполнять простые бюрократические задачи с теплой душой профессионала.

Во время наших интервью я заметил, что Мэтью неоднократно подчеркивал свою общительность. Он сказал, что одним из его любимых занятий является «общение с людьми». Это высказывание напомнило мне о Джеке, который сказал, что одним из его любимых занятий было «поболтать о том о сем», и позже оно также прозвучало в интервью с Брюсом, который сказал, что ему нравится «общаться с людьми». Учитывая их общительность, может показаться странным, что эти же люди говорили, что чувствовали себя замкнутыми и подавленными в тех местах, где работали. В конце концов, работа часто превозносится как важный источник социальности (вспомним, что социальные контакты были одной из «ключевых психологических функций» работы, определенных Джахходом и его последователями в модели депривации). Однако мы можем отметить, что люди, с которыми я встречался, в целом не ценили работу как источник социальных контактов. Я полагаю, что в своей любви к разговорам они ценили что-то вроде разговора по душам или встречи друзей, в ходе которой полностью согласные люди делятся своими взглядами, признаются в себе и становятся богаче от этого опыта. (Или что-то вроде игривого подшучивания, или разговора о «случайной ерунде», как выразился Мэтью.) Они ценят те взаимодействия, в которых человек относится к другому как к общей душе, «а не как к простому полезному инструменту или препятствию для реализации собственных планов» (Nussbaum, 2010: 6). Любовь к беседе - это тяга к нежности, которая реализуется, когда люди допускают возможность «отношений без цели» (Adorno, 2005: 41). Хотя некоторые из тех, с кем я встречался, признавались в том, что испытывают тяжелое чувство социальной изоляции, примечательно, что никто не сказал, что скучает по социальной среде своей прежней работы. Энн описала бывших коллег как «ублюдков с ножом в спине», а Рэйчел рассказала об издевательствах на работе. Люси сказала, что предпочла бы вернуться домой к мужу, чем пить с коллегами после

пяти часов. Неработа может быть изолирующей, но работа не обязательно является ценным источником нежного и подлинного человеческого общения.

В рассмотренных нами случаях (а я мог бы выбрать гораздо больше примеров) отношения с работой были чисто инструментальными. После негативного опыта работы Ларри и Мэтью решили, что будут терпеть оплачиваемую работу лишь постольку, поскольку это экономически необходимо. Это привело к тому, что Ларри сократил свое рабочее время, в то время как для Мэтью это решение означало избегать работы по мере возможности. Для других людей негативный опыт работы привел к резкой смене профессии. Карьеру с высокими обязательствами меняли на работу с низкими обязательствами и частичной занятостью, что позволяло людям удовлетворять свою жажду продуктивной деятельности в свободное время. Мы можем рассмотреть случай Адама и Саманты. Адам был энергичным молодым человеком двадцати с небольшим лет, который бросил хорошо оплачиваемую работу программиста в Лондоне, чтобы подрабатывать учителем английского языка в Токио, Япония. Поскольку степень бакалавра Адама была связана с программированием, карьера программиста казалась «очевидным делом», но все пошло не так, как ожидалось: «Постепенно у меня появилось ощущение, что, возможно, с первой недели, что-то было очень не так». В университете Адам получал огромное удовольствие от компьютерного программирования и даже занимался собственными проектами по программированию в свободное время. Однако его энтузиазм был подавлен работой. Он был потрясен, когда начальство заставило его использовать пакет программного обеспечения, который, по его мнению, не соответствовал назначению. Его также покорила продолжительность рабочего дня, который мог достигать шестнадцати часов в преддверии дедлайна, и он был возмущен, узнав, как мало отпусков ему полагается. Ему полагалось всего двенадцать дней ежегодного отпуска. Это была не та жизнь, которую он себе представлял. Он считал себя квалифицированным работником и не чувствовал, что его усилия получают признание. Начальство воспринимало его как число, а не как личность:

Не было никаких «ты человек, спасибо тебе большое за то, что поддерживаешь мою компанию», а просто «приходи, когда тебе положено, работай над этим большим длинным списком, и мы будем жаловаться на тебя, если он не будет работать». И - о, вот еще что! Они называли всех «ресурсами»! Я не мог в это поверить! «Да, нам нужно больше ресурсов для этого проекта», и я подумал «Что вы имеете в виду под ресурсами? О, вы имеете в виду людей!»

В университете Адам, похоже, наслаждался чувством преемственности между работой и отдыхом, предпочитая заниматься программированием в свободное время, но несчастье на работе все больше заставляло его рассматривать свою жизнь в терминах разделенных сфер работы и отдыха: «Есть я на работе и я дома». Не удовлетворенный таким положением дел, Адам принял радикальное решение уволиться с работы и уехать в Японию преподавать английский язык. Когда мы разговаривали с ним, он выглядел просто одурманенным:

Моя работа - это быть лицом иностранного языка и говорить «Английский - это очень интересно!». Люди подходят ко мне, я объясняю им что-то, и они говорят «спасибо, теперь я это понимаю»... Когда я начал заниматься английским, я сказал

«вау, ты можешь наслаждаться собой», так что теперь я не могу вернуться к прежней работе».

Неполный рабочий день Адама означал, что он мог заниматься компьютерным программированием на фрилансе. По его словам, он стал счастливее, потому что мог браться за те проекты, которые его интересовали, а также лучше контролировать темп и методы своей работы.

Мы можем сравнить Адама с Самантой, выпускницей университета в возрасте около тридцати лет, чье сопротивление также выразилось в резком изменении траектории развития. Саманта получила докторскую степень по генетике, а затем работала патентным поверенным в Лондоне. Как и Адам, она изо всех сил старалась найти карьеру, которая бы использовала навыки и интересы, отточенные во время учебы. Она решила работать в области патентования биотехнологий, полагая, что это позволит ей использовать свои знания в области генетики. Однако она быстро разочаровалась, обнаружив, что у нее мало возможностей использовать свои специальные знания. Саманта была разочарована тем, что работа давала ей ограниченные возможности «приобщиться к реальному миру». По сравнению со многими людьми, с которыми я встречался, выполнявшими довольно рутинную работу в магазинах, офисах и на складах, работа Саманты имела гораздо более высокий статус и уровень квалификации. Тем не менее она, похоже, испытывала сравнимую с ней скуку. Хотя работа была квалифицированной, она все равно ощущалась как «большая игра»: «Мне казалось, что я каждый день зарабатываю на жизнь, решая сложные головоломки sudoku... Как и в случае с головоломками sudoku, это было просто умственное упражнение. Единственной конечной целью были деньги». Пример Саманты говорит о том, что даже если работа технически сложна и требует навыков, она не обязательно будет восприниматься как значимая.

Саманта описала свою докторскую степень как своего рода кандалы, а не как пропуск к интересной работе, потому что на нее оказывалось давление, чтобы она подтвердила свою квалификацию карьерой высокого полета. Она вспоминает, что чувствовала, что зашла в «тупик» в своей жизни, где не следует ожидать никаких серьезных или захватывающих перемен. Правда, которую она постепенно вынуждена была признать, заключалась в том, что ее не очень-то интересовала работа с высокими обязательствами. Сначала она отреагировала на это экстремальным образом, полностью отказавшись от работы, но это оказалось ошибкой: «Я всегда думала, что то, чем я хочу заниматься, - это ничто. Я не могла представить себе ничего более невероятного, чем быть полностью свободной, но на деле оказалось, что это очень сложно». В конце концов она устроилась на неполный рабочий день официанткой и подрабатывала частным репетитором-фрилансером. Саманта с любовью описывает эту работу, говоря, что «встречала приятных людей и имела приятные знакомства», но когда мы разговаривали, она не знала, что ждет ее в будущем. Она подумывала о том, чтобы стать психотерапевтом. Главное для нее - жить с намерением: «Я создаю свою собственную жизнь».

Ключевой момент, который мы можем вынести из этих рассказов о точке перелома, заключается в том, что, независимо от того, сократили ли люди свой рабочий день или вовсе отказались от работы, они сделали это не в соответствии с какой-то грубой, антирабочей моралью, а в соответствии с сильным желанием сделать больше.

Истории, которые люди рассказывали о своей работе, показывают, как стремление к сопротивлению может подпитываться отсутствием смысла и автономии в работе. Функциональные социальные роли, такие как оплачиваемая работа, никогда не могут быть идентичны сложным, всесторонне развитым людям, которые вынуждены их занимать. Всегда есть избыток «я», который превышает социальную роль и хочет вырваться на свободу. Когда люди, с которыми я встречался, работали на постоянной работе, их роль всегда оставляла неудовлетворенными определенные желания, неудовлетворенными амбиции, бездействующими навыки. Важным частям «я» было отказано в выражении и признании. Мне вспоминается высказывание Мэтью о том, что на предыдущих местах работы он чувствовал себя «как фейерверк, накрытый ведром». В большинстве своем я сомневаюсь, что существует работа, которую эти люди с удовольствием выполняли бы по восемь часов в день пять дней в неделю.

Мини-утопия

Для того чтобы люди достигли переломного момента и начали активно бороться со своим отчуждением, возможно, прежде всего необходимо почувствовать вкус к автономии. Только познакомясь с некой идеальной моделью увлекательной и осмысленной деятельности, человек начинает по-настоящему чувствовать укол отчуждения, лишившего его этой модели. Это описывает природу интереса Маркса к группе квалифицированных, многозадачных или «поливалентных» рабочих в 1850-1860-е годы. Поскольку этим рабочим посчастливилось почувствовать вкус настоящего, не отчужденного труда, Маркс считал, что они будут готовы бороться за большую автономию (Gorz, 1982: 27-8). Их точки перелома должны были возникнуть в самой сфере труда. Из историй о работе, с которыми я столкнулся, следует, что современные формы труда предоставляют работникам мало возможностей для развития вкуса к настоящей, автономной деятельности, осуществляемой в соответствии с собственными представлениями работника об эффективности, красоте и пользе. В этом случае вдохновение для борьбы с отчуждением должно исходить из какого-то другого аспекта опыта, вне рабочего места. Давайте еще раз рассмотрим случай с Мэтью. В одном из наших последующих интервью Мэтью с особым удовольствием описывал одно жизненное событие - поездку в университет:

Мы отправились в поездку в Вейнон Приори, это великолепный старинный дом. Мы поехали туда всей философской кафедрой, а также философской кафедрой из Ньюборо, и мы все просто поехали туда. Это большой старинный дом, мы жили в комнатах, просыпались и завтракали все вместе, чего я никогда раньше не делал. Знаете, рядом с нами сидели такие интересные люди, как преподаватели, а также студенты, и все мы были как будто на равных. Я беседовал с одним действительно известным профессором философии, мы говорили о лапше и еде быстрого приготовления, а он рассказывал о величии каши, которую можно приготовить в чашке! Звучит странно, но это был просто акт совместной трапезы с людьми и разговора о философии или даже просто о случайной ерунде. Затем день проходил в лекциях или просто в беседах о чем-то - философских проблемах, о NHS, этике, Ницше, всевозможных вещах, а потом были перерывы на чай и кофе, где можно было просто поболтать.

Была также библиотека, где можно было посидеть и отдохнуть. Нам повезло, что в тот день было солнечно, поэтому в один из дней мы отправились на огромную прогулку по долине, просто болтая о надеждах, мечтах, политике, обо всем. А потом мы возвращались и ужинали вместе - вместе, с людьми из разных социальных слоев. Вечером мы читали стихи и ходили в паб, все напивались, веселились, играли в настольные игры, проводили викторины. Это было так удивительно - гулять, играть в футбол, а потом вести такие глубокие беседы. Это полностью изменило меня. Я просто почувствовал, какой может быть жизнь.

Мэтью, похоже, получал огромное удовольствие, описывая свою поездку в университет, и позже называл ее своей «мини-утопией». Он упоминает ряд желательных элементов, но наиболее заметным здесь кажется элемент разнообразия или многоактивности: использование тела и ума; обсуждение интеллектуального и банального; нахождение внутри и снаружи; рутина и отсутствие рутины; серьезность и глупость. Его рассказ заставляет вспомнить одну из самых известных ссылок Маркса на предполагаемое будущее, где можно будет «сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, днем ловить рыбу, вечером пасти скот, после ужина критиковать» и так далее (Marx, 1970: 54). Мэтью задерживается на деталях поездки, возможно, для того, чтобы подчеркнуть ее объяснительную силу как ключевого жизненного события, побудившего его противостоять работе. Волнение и вариативность поездки выгодно контрастируют с его более узким опытом оплачиваемой работы, в которой он вкалывал над одним основным талантом или способностью, исключая все остальные. Мы можем сравнить опыт Мэтью со следующим рассказом Элеоноры:

Я прошла недельный курс экологических исследований в благотворительной организации под названием Operation Zissou. Мы поехали во Францию, и в основном эта программа финансируется строителями и крупными компаниями, но ее цель - вывезти 18-24-летних подростков куда-нибудь, чтобы они узнали о местной окружающей среде. Одним из заданий было подготовить в конце недели десятиминутную презентацию о том, чем вы увлекаетесь, и опять же это было очень похоже на жизнь в сообществе, совместное питание и совместную работу над достижением целей.

Как и в рассказе Мэтью о поездке в университет, мы видим, что Элеонора молчаливо противопоставляет определенные свободы и позитивный опыт своему более отчужденному опыту оплачиваемой работы. В данном случае подчеркивается свобода следовать независимым увлечениям и дух свободного сотрудничества (или «совместной работы для достижения целей»). Мы можем сравнить экзотический опыт Элеоноры с упоминанием Бергером и Пуллбергом о де-реализующей силе «культурного шока», или «столкновения миров», когда встреча с чужими ценностями и обычаями может привести к распаду привычной реальности (Berger and Pullberg, 1966). При столкновении с иностранцами своя культура раскрывается как своя собственная, относительно других возможных и легитимных способов жизни. До тех пор, пока эти встречи не вызывают у человека ксенофобии или тоски по привычному, они могут быть семенами личной и социальной трансформации. Конечно, не у всех есть привилегия наслаждаться подобным опытом, но вкус к автономии не обязательно развивать в экзотических или дорогих ретритах. Мы можем рассмотреть пример Ффион, которая черпала вдохновение из опыта, находящегося

гораздо ближе к дому. Рассказывая о своих взглядах на работу, Ффион удивила себя невольным воспоминанием о том, как готовила еду для семьи на Рождество:

Я просто помню, как это было раньше - и это всего лишь мелочь, но я вспоминаю об этом с теплым чувством. Пару лет назад семья Риса приехала к нам на Рождество, и мы готовили все вместе, отчасти потому, что у нас было свободное время и время спланировать, что мы собираемся делать. Мы сами готовили пироги с фаршем, делали все поэтапно, включали рождественскую музыку и выпили несколько бокалов бренди. Знаете, было что-то очень приятное в том, что мы были все вместе и не было суматохи.

Ффион наслаждалась неторопливостью этого события: радостью от того, что все делалось поэтапно, что все было «не очень суматошно». Это событие, похоже, запечатлелось в ее памяти, где оно представляло собой шепот возможной альтернативы ее обычно гораздо более занятому образу жизни с девяти до пяти.

В связи с этими рассказами ссылка Мэтью на «мини-утопию» кажется вполне уместной. Интервьюируемые приписывали этим временным отступлениям от более мирских или рутинных аспектов повседневной жизни такое же значение, какое ученые придавали утопическим проекциям хорошего общества. Э. П. Томпсон писал, что ценность утопического мышления в том, что оно учит нас «желать лучшего, желать большего и, прежде всего, желать по-другому» (Thompson, 1976: 97). Встреча с утопическими альтернативами - будь то вымышленные утопии в литературе, теоретические утопии в научных кругах или опыт реального, мимолетного бегства от обыденности - проявляется как нерешенные желания среди привычек и рутины повседневной жизни. Утопическая встреча порождает в человеке чувство «отчужденности, которое может подорвать приписываемый нынешнему социальному порядку статус естественного артефакта, необходимого развития и неизбежного будущего» (Weeks, 2011: 205). Это помогает людям осознать, что путь перед ними не написан несмыслаемыми чернилами.

Для выпускников, которые сегодня разочаровываются в мире занятости, возможно, именно университетский опыт выступает в роли тревожной «мини-утопии». Возможно, не зря взрослые работающие люди часто отказываются признавать студенческую жизнь частью «реального мира». Возможности студента следовать своим интересам, работать по собственному графику, сочетать работу и развлечения - это возможности, которыми редко пользуются за пределами университета. Учитывая капиталистическое разделение труда и отчуждающие свойства многих современных форм работы, те, кто приобрел вкус к творчеству и вариативности в процессе обучения, могут столкнуться с нехваткой возможностей интегрировать это в свою последующую жизнь. Как устало сказал мне Брюс: «После университета никому не интересно говорить об идеях». Получая университетское образование, такие люди, как Адам, Саманта и Мэтью, возлагали на себя надежды и представляли себя в качестве самостоятельных работников, выполняющих значимую и сложную работу, сохраняя при этом значительную часть свободного времени. Этим ожиданиям суждено было жестоко разбиться, когда они вышли в мир работы. Заимствуя термины Роберта Мертона, можно сказать, что высшее образование способствовало разочарованию в трудоустройстве, укрепив культурную «рамку устремлений» каждого человека (Merton, 1938). Точка перелома представляет собой момент, когда они

зафиксировали свои разочарованные ожидания и переориентировали свои амбиции за пределы мира карьеры. Как сказал Мэтью о своей поездке в университет: «Ты просто получаешь представление о том, какой может быть жизнь». Мэтью получил такое удовольствие, что мысль о рутинной работе заставляла его чувствовать себя как в аду.

Сломанное тело

До сих пор подразумевалось, что люди, с которыми я встречался, принимали добровольное решение сопротивляться работе. Однако, похоже, для некоторых людей сопротивление работе было скорее необходимостью или актом самосохранения. Это был выбор, сделанный не столько в состоянии энергичной храбрости, сколько в состоянии апатии. Некоторые считали, что свобода от требований и рутины оплачиваемой работы на самом деле необходима для их личного благополучия, и мы можем интерпретировать их отказ от работы отчасти как отказ от телесных жертв, которых часто требует работа. Этот эмоциональный отрывок из Маркса ценен как напоминание об этих жертвах:

[В] своем волчьем голоде к прибавочному труду капитал переступает не только моральные, но даже чисто физические пределы рабочего дня. Он узурпирует время для роста, развития и здорового поддержания тела. Он крадет время, необходимое для потребления свежего воздуха и солнечного света. Он завладевает временем приема пищи, по возможности вписывая его в сам процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, как уголь в котел, смазка и масло в машины. Он сводит крепкий сон, необходимый для восстановления, репарации, освежения телесных сил, лишь к такому количеству часов оцепенения, которое необходимо для оживления организма, совершенно истощенного. Не обычное поддержание рабочей силы должно определять границы рабочего дня, а максимально возможная ежедневная затрата рабочей силы, какой бы болезненной, принудительной и мучительной она ни была, определяет границы периода отдыха трудящихся. (Маркс, 1906)

Хотя со времен Маркса труд, возможно, в целом стал чище и физически безопаснее, его озабоченность пренебрежением капитала к ограничениям человеческого тела не менее актуальна и сейчас. По данным Управления по охране труда и технике безопасности Великобритании, в 2013/14 финансовом году примерно 1,2 миллиона человек начали страдать от болезни, которая, по их мнению, была вызвана или усугублена их нынешней или предыдущей работой. Около 39 % зарегистрированных случаев были связаны со стрессом, депрессией или тревогой (HSE, 2014). Социальный обозреватель Тереза Бреннан утверждает, что производственные и конкурентные требования современного мира перекрывают способность организма к саморегуляции, заставляя нас расходовать энергию в темпе, превышающем способность к регенерации: «Тело, лишенное регуляции, - это тело, которое лишено сна, отдыха, правильного питания, принимает прописанные лекарства, чтобы заглушить свои хронические болезни и обостряющиеся аллергии» (Brennan, 2003: 22). Люди продолжают действовать, когда знают, что должны остановиться, перегруженные огромным

количеством переменных, которые необходимо предвидеть и на которые необходимо реагировать в интересах производительности и выживания. [4] Страдая от различных симптомов - от стресса, тревоги и усталости, - многие из тех, с кем я встречался в ходе исследования, утверждали, что им необходимо вернуть контроль над дерегулированным телом, то есть жить немного медленнее, высыпаться, больше бывать на свежем воздухе, готовить вкусную еду и наслаждаться свободным временем без напряжения.

Большинство людей, с которыми я встречался, обсуждали свои переломные моменты, хотя бы в некоторой степени касаясь своего личного здоровья, но именно Брюс предлагает наиболее яркую иллюстрацию. Когда мы встретились, Брюс полностью отказался от работы и не мог представить, что в ближайшем будущем будет достаточно здоров, чтобы выполнять какую-либо работу. Ранее Брюс работал в качестве вспомогательного работника в домах престарелых для людей с острыми психическими расстройствами, но после увольнения выживал за счет получения пособия по поддержке занятости - формы пособия по инвалидности (далее ESA). Здесь он описывает день, когда его тело «сломалось»:

Я буквально просто сломался. Вот как я об этом думаю: во мне просто сработал переключатель, и я действительно просто сломался. Это произошло почти за одну ночь, у меня начались боли, спазмы и судороги. Я не мог спать. У меня начались боли в суставах, воспаления на теле, проблемы с кишечником, зрением, слухом.

Брюс философски относился к своим симптомам, объясняя, что болезнь имеет значение, которое нужно интерпретировать, а не подавлять стоицизмом, отрицанием или медицинским лечением. Брюс считал, что его тело «посылает сообщение»:

Все мое тело словно говорило мне «хватит». Мое тело - с моей точки зрения, как я теперь воспринимаю психические заболевания - было доброжелательно ко мне, крича. Я не слушал, поэтому оно кричало и говорило: «Тебе действительно нужно взять отпуск и провести переоценку жизни и отношения к себе».

Согласно мировоззрению Брюса, болезненные симптомы могут служить ценным напоминанием о том, что необходимо изменить образ жизни. В обществе с таким сильным моральным акцентом на то, чтобы быть трудоспособным и экономически активным гражданином, возможно, более традиционной реакцией на физический и психологический дистресс является игнорирование или подавление симптомов, а не интерпретация их как сигналов социальной и экологической дисгармонии. Однако, по словам Брюса, вместо того, чтобы продолжать работать, он в итоге ушел с работы и принял стратегию ухода за собой.

Когда Брюс описывал свои привычки по уходу за собой, мне вспомнилось определение Горца «гигиена», которое для Горца означает нечто гораздо большее, чем обыденные ритуалы прихорашивания и чистоты. По Горцу, гигиена - это более тщательная попытка человека понять свои телесные потребности и улучшить свое самочувствие. Гигиена уподобляется «искусству жить» и относится к «тщательному набору правил, которые люди соблюдают сами, чтобы сохранить или восстановить свое здоровье» (Gorz, 1980: 151). В случае Брюса забота о себе означала множество вещей, начиная с растяжки и физических упражнений, заканчивая приоритетным питанием и выделением времени каждый день для отдыха и созерцания. Для кого-то другого забота о себе может подразумевать совершенно иной набор практик. За-

бота о себе не обязательно означает разработку строгого, одобренного медициной режима хорошего самочувствия, но может также признавать важность неструктурированного времени, чтобы расслабиться, жить моментом, встречаться с друзьями, быть безответственным и даже делать то, что обычно считается нездоровым. Главное, чтобы каждый человек был волен самостоятельно решать, какие привычки, практики, ситуации и окружение позволяют ему процветать - процесс самопознания, который требует определенной свободы от насущных экономических требований.

Брюс вспоминает предыдущую встречу с психиатром с большим презрением, потому что тот предложил Брюсу лечить его болезнь с помощью лекарств, подавляющих симптомы, а не заниматься самопомощью. Это противоречило пониманию Брюсом своей боли как сигнала о более широких социальных и экологических дисгармониях:

Психиатр уже говорил мне, что, когда я был студентом, я мог бы обойтись без лекарств, потому что студенческая жизнь гибкая и можно брать отгулы. Но, по ее словам, когда вы станете работать и будете кем-то наняты, вам понадобятся лекарства, чтобы продолжать работать.

Как и многие другие люди, с которыми я встречался, Брюс возражал против идеи о том, что болезни нужно подавлять и игнорировать просто для того, чтобы продолжать работать. Брюс и другие люди отказывались приспосабливаться к среде и ситуации, которые, по их мнению, не соответствовали их потребностям, и, сопротивляясь работе, искали время, необходимое для того, чтобы уделять больше внимания своим телесным потребностям. Энн, например, сказала, что ее решение стать фрилансером и перейти на гибкий график работы было отчасти попыткой справиться с усталостью и пищевыми аллергиями (а также иметь больше свободного времени для ухода за больным отцом). В случае Люси отказ от работы был объяснен как попытка вести более спокойный, менее тревожный образ жизни. В случае Джеральда его ранний уход на пенсию был объяснен отчасти попыткой снять гнев и напряжение в браке.

Однако мы можем отметить, что забота о себе означает гораздо больше, чем выделение времени, необходимого для культивирования здоровых привычек. Для Брюса, в частности, это также означало сопротивление медикализации его негативного опыта, которая обычно была необходимым условием для освобождения от обязанности работать. Горц пишет:

Чтобы быть социально приемлемым, [крик о помощи] должен иметь форму органического расстройства - экзогенного и не зависящего от воли пациента. У вас не было бы ни малейшего шанса заставить своего начальника или супервайзера выслушать вас, если бы вы сказали: «Я не могу больше работать, я теряю сон, аппетит, интерес к сексу; у меня больше нет сил ни на что. Дайте мне неделю отдыха». Чтобы быть приемлемым, ваше «я не могу продолжать» должно иметь форму соматической трудности, какого-то неконтролируемого вами нарушения - короче говоря, болезни, позволяющей получить медицинское освобождение. (Gorz, 1980: 174)

Для того чтобы решение человека не работать считалось законным, оно должно быть санкционировано медицинским учреждением, которое присваивает жалобе на здоровье соответствующий ярлык и предписывает программу выздоровления. [5] Давление, заставляющее принимать биомедицинские ярлыки, чтобы добиться освобождения от работы, ставило таких людей, как Брюс, Люси и Эмма, перед серьез-

ной дилеммой - людей, которые говорили, что им слишком плохо, чтобы работать, но которые не обязательно считали, что страдают от биомедицинских заболеваний. Брюсу на протяжении многих лет приписывали различные медицинские ярлыки. Я спросил его, что это за ярлыки, и понял, что интервью зашло в щекотливую область:

У меня долгое время было то, что в профессии называется [Брюс медленно вспоминает] С.Э.М.М.Х., что это такое? S.E.M.H.P: Severe and Enduring Mental Health Problems. Биполярное расстройство, с сопутствующим большим депрессивным расстройством, с сопутствующей тревогой - вот вам и три ярлыка.

Брюс находил эти ярлыки отчуждающими. Они противоречили его убеждению, что он пережил не психическое расстройство, а «кризис», вызванный сложным коктейлем личных переживаний и факторов окружающей среды. Он также возражал против ощущения постоянства ярлыков, которые навешивали на него врачи, что противоречило его стремлению улучшить свое здоровье с помощью самостоятельных привычек заботы о себе. По его словам, эти ярлыки «как будто говорят: „У вас есть это психическое заболевание, и вы будете страдать им всю жизнь“». Мы можем сравнить внешний вид Брюса и Люси. Люси описала ряд симптомов, связанных с агорафобией (чувство тревоги, трудности с нахождением в оживленных местах и т. д.), но не захотела называть себя «инвалидом».

Желание противостоять медицинским ярлыкам стало для этих людей серьезной проблемой, поскольку у них начали заканчиваться деньги. Они были вынуждены подавать заявления на получение пособия по инвалидности, которое в Великобритании требует от потенциальных заявителей пройти оценку трудоспособности (WCA), в ходе которой врач проводит ряд тестов, чтобы оценить законность заявления. Борьба Брюса пришлась на время вышеупомянутого скандала с ATOS в 2012-13 годах, когда доступ к больничным был неоднозначно ужесточен, а идея о том, что заявители могут «симулировать», заняла видное место в общественном воображении. В целом, в последнее время в политике социального обеспечения расширяется определение болезней и нарушений, с которыми можно мириться как с частью нормальной, повседневной рабочей жизни, и сокращается список жалоб, позволяющих получить доступ к пособиям по инвалидности. Неудивительно, что после первого же WCA Брюсу было отказано в приеме заявления - опыт, который, по его словам, вызвал у него «полный срыв». По его словам, он чувствовал себя самоубийцей и не мог покинуть свой семейный дом. Брюс обратился в бюро Citizens Advice Bureau, где ему посоветовали (как и многим в то время) относиться к WCA как к игре. Брюс договорился о повторном обследовании и на этот раз «подошел к делу с умом»: он заключил с собой договор, что будет афишировать свои медицинские показатели ради получения времени и денег на уход за собой, но постарается сделать все возможное, чтобы избежать интериоризации идеи о том, что он патологичен. Вторая попытка Брюса получить пособие оказалась успешной, и он охарактеризовал Бюро гражданских консультаций как «совершенно спасительное». Люси также успешно получила ESA, согласившись на то, что она является признанным врачом страдальцем от «агорафобии». Она была более открыта, чем Брюс, к идее, что медицинские эксперты могут помочь ей улучшить ее состояние, но была глубоко критична к специалисту по инвалидности, приставленному к ней центром занятости: «Они говорят: „Мы должны помочь вам найти работу“, но никогда не говорили: „Мы должны действительно помочь вам“».

Мы можем понимать уход за собой, сопротивление работе, а также сопротивление медицинским ярлыкам как попытки сформировать образ жизни, в котором страдающие могут чувствовать себя гордыми и нормальными, а не стыдливymi, бессильными и больными с медицинской точки зрения. Если такие люди, как Брюс, пытаются активно проводить свободное время, даже несмотря на то, что они претендуют на ESA, это происходит потому, что люди часто готовы терпеть боль, чтобы заниматься любимым делом, даже если они не готовы терпеть ее, чтобы работать:

Есть люди, которые скажут - например, я приехал сюда, чтобы встретиться с вами [интервьюер] сегодня, сел на поезд, и есть люди, которые скажут: «Ну что ж, если вы можете это делать, значит, вы можете работать». Но все не так просто [глубоко вздыхает]. В системе пособий нет места серым зонам, да, нет серых зон.

В конечном итоге эти примеры показывают нам, что сопротивление работе не всегда является добровольным выбором, а часто - актом самосохранения. Большинство людей, с которыми я встречался, считали, что свобода от стрессов и рутины работы необходима для их благополучия. Возможно, их примеры заставляют нас задуматься о том, на какие жертвы мы все идем, когда вынуждены продолжать идти вперед, зная, что нам следует замедлиться или остановиться.

Достойная этика

Главной целью этой главы было изучение опыта, который может сформировать и ускорить «точку перелома» - момент, когда работа перестает восприниматься как неизбежная судьба, а становится открытой для критического анализа. Мы увидели, как внезапные шоковые события и несчастливый опыт работы побудили людей пересмотреть свои приоритеты. Мы увидели, как чувство свободы, испытываемое во временных перерывах между рутинной повседневной жизнью, сделало работу на полную ставку невыносимой. Мы также увидели, как люди стали отказываться от работы в интересах сохранения своего здоровья. Самое примечательное в проанализированных здесь рассказах, пожалуй, то, что они выводят нас за рамки надоевших консервативных стереотипов о людях, сопротивляющихся работе, как о халтурщиках и бездельниках. В ходе исследования я обнаружил этически сознательное восстание против полной занятости, исходящее от целого ряда вполне обычных людей.

В самых общих чертах можно утверждать, что они отвергли трудовую этику и заменили ее тем, что Дэвид Кэннон назвал «достойной этикой» (Cannon, 1994). Людями двигало чувство подлинной полезности: желание творить, помогать другим и избегать сомнительной с этической точки зрения работы. Они определяли успех не с точки зрения материального богатства или социального статуса, а с точки зрения возможности развивать свои личные способности. Они не желали идти на значительные компромиссы с телом и разумом ради более высокой зарплаты. От своей работы они требовали моральной автономии и чувства вызова и удовлетворения, но, полагая, что такие требования вряд ли могут быть удовлетворены в официальной сфере оплачиваемой занятости, переориентировали свои устремления на другие сферы. Они сокращали рабочий день, уходили с основной работы, занимались фрилансом или соглашались на работу с низкой степенью ответственности, с частичной занятостью,

с инструментальной целью получения средств и максимизации свободного времени. Некоторые использовали свое время, чтобы ухаживать за престарелыми родителями или играть с детьми. Те, у кого пошатнулось здоровье, использовали это время для того, чтобы лучше заботиться о себе. Многие принимали участие в политических акциях протеста и работали волонтерами в благотворительных организациях. Все они отвергали идею о том, что самый благородный способ отдать дань уважения обществу - это выполнять оплачиваемую работу. То, что я предлагаю вашему вниманию, - это первый шаг к тому, чтобы опровергнуть идею о том, что жить без работы - значит вести пустое и лишенное морального драйва существование. Вместо того чтобы списывать взгляды противников работы как эксцентричные или аморальные, я предлагаю изучать их дальше, воспринимая их всерьез как потенциальные источники подпитки для политики против работы.

Хотя люди, с которыми я встречался в ходе своего исследования, были настроены весьма критически по отношению к работе, это не значит, что они успешно вырвались из ее тисков. Точка разрыва означает момент, когда люди начинают более четко размышлять о природе когнитивной власти и своих способностях к самоопределению, но сама по себе она не является выходом на свободу. Как я уже исследовал в предыдущих главах, существует мощный набор моральных и материальных ограничений, которые продолжают контролировать желание сопротивляться работе, препятствуя его воплощению в реальные социальные изменения. Сопротивление работе сопряжено со значительными рисками - от финансового опустошения до общественного осуждения. В следующей главе и последующих за ней я продолжу исследование жизни людей, сопротивляющихся работе, изучая некоторые трудности и - что более удивительно - некоторые удовольствия, которые испытывали люди, справляясь с этими ограничениями.

6: Альтернативные удовольствия

Нормально - это одеваться в одежду, которую вы покупаете для работы, ездить по пробкам в машине, за которую вы еще платите, чтобы добраться до работы, которая вам нужна, чтобы вы могли оплатить одежду, машину и дом, который вы оставляете пустым весь день, чтобы иметь возможность жить в нем.

Эллен Гудман [1]

В ходе своего исследования я познакомился с мужчиной лет тридцати по имени Алан. История Алана имела много общего с историями других людей, с которыми я встречался. Мы обсудили его разочарование в предыдущей работе администратора офиса, а также его сильное желание быть идентифицированным по другим признакам, нежели его профессия. Он сказал мне, что работа всегда казалась ему слишком легкой, и объяснил, что его работа представляла для него не более чем источник дохода. На момент нашего интервью Алан не занимался оплачиваемой работой и объяснил, что любая работа, которую он выполнял раньше, всегда была сугубо инструментальной: он работал на низких офисных должностях, пока не накапливал достаточно денег для финансирования периода отдыха, после чего резко уходил с работы и наслаждался свободным временем. Когда деньги заканчивались, он снова возвращался к работе, «чтобы финансировать следующее приключение». [2] Таким окольным путем можно сказать, что работодатель всегда был частью плана Алана, и никогда - наоборот.

Инструментальная ориентация Алана на работу была довольно распространенной в контексте моего исследования в целом, но для нас здесь более значимым является его уникальный отказ признать любые потенциальные недостатки сопротивления работе. В то время как большинство людей, с которыми я встречался, охотно рассказывали о своих трудностях, у меня иногда возникало ощущение, что Алан занимается продажей выбранного им образа жизни. Мои попытки заставить его рассказать о менее приятных сторонах его жизни были тщетны. Его непоколебимый оптимизм был подкреплен идеей о том, что сопротивление работе - это в основном вопрос воображения и индивидуальной воли: скорее когнитивная, чем практическая задача. Алан особенно критично относился к идее о том, что возможности человека для бунтарства могут быть ограничены его классовым положением, и пренебрежительно говорил о «людях, которые говорят, что классовые проблемы все еще существуют и бла-бла-бла». Мое самообладание как интервьюера подверглось испытанию, когда Алан настаивал на том, что «все в обществе вроде как равны» и что люди, которые боятся безработицы, - это «грустные личности» со «слабостью характера».

Поначалу я был удивлен взглядами Алана, но позже меня поразило их сходство с популярной антикапиталистической полемикой. В своих наименее сложных формах эта литература пропагандирует счастье, призывая людей изменить образ мышления и принять новые формы поведения. Она говорит людям (часто в довольно благоче-

стивой манере), что они станут счастливее, если решат меньше работать и умерить свои расходы. Проблема заключается в том, что когда призыв к изменениям направлен в первую очередь на мысли и привычки отдельных людей, более широкие культурные и структурные ограничения, препятствующие изменению поведения, остаются вне поля зрения. Неспособность людей противостоять статус-кво обычно рассматривается как результат промывания мозгов или моральной распущенности, и автору/гuru остается только объяснить, что счастье ждет тех, кто будет достаточно смел, чтобы приподнять завесу над реальностью, меньше работать и перестать ходить по магазинам. [3] При этом умалчивается тот факт, что более медленный темп жизни закрыт для большинства людей, потому что они не смогут выжить экономически. Когда интервьюируемые Мэтью и Люси рассказывали о вполне реальных материальных ограничениях своего сопротивления - постоянном страхе не суметь заплатить за квартиру, ужинах из простого риса, неохотно съедаемых в конце месяца, - я втайне задавался вопросом, как они отнесутся к идеалистическому мнению Алана о том, что сопротивление работе может быть достигнуто просто с помощью воображения и индивидуальной воли. Если мы хотим как следует продумать возможности сопротивления работе, нам, несомненно, нужно учесть материальные препятствия, мешающие работать меньше.

Учитывая, что работа по-прежнему функционирует в обществе как основной способ получения дохода, мы можем ожидать, что сопротивление работе будет сопровождаться целым рядом материальных рисков и потерь. На самом базовом уровне любому человеку, желающему сократить свой рабочий день, придется задуматься о том, сможет ли он по-прежнему обеспечивать себя такими вещами, как еда, одежда, жилье, электричество, телефон, подключение к Интернету и так далее. На продвинутой стадии капитализма, когда товары и практика, необходимые для удовлетворения все более широкого спектра повседневных потребностей, становятся товарными, риски потери дохода становятся все шире. Повсюду, куда бы мы ни посмотрели, в орбиту экономической сферы втягиваются виды деятельности, которые раньше были исключены из нее, и теперь люди удовлетворяют все большее число своих личных потребностей (от удовлетворения гидратации до самовыражения и досуга), тратя деньги. В этом контексте социальный теоретик Зигмунт Бауман предполагает, что финансовая бедность имеет не только материальное, но и культурное измерение. Он описывает «новых бедных», чьи страдания в условиях изобилия носят двойной характер: новые бедные не только лишены особых материальных потребностей, но и исключены из нормальной культурной жизни современного общества потребления. То, что сейчас выдается за нормальную жизнь, утверждает Бауман, - это способность людей «быстро и эффективно реагировать на соблазны потребительского рынка» (Bauman, 2005: 112). В обществе, где товарные отношения занимают центральное место, низкая покупательная способность бедных синонимична снижению способности участвовать в нормативно одобряемом образе жизни. «Новые бедные» страдают и становятся стигматизированными „ущербными потребителями“: людьми, которые, как считается, покупают не то, что нужно, покупают недостаточно или вынуждены позорно удовлетворять свои потребности, скупясь и занимаясь самопроизводством.

Тяготы бедности, особенно в условиях потребительского изобилия, накладывают вполне реальные ограничения на возможности человека сопротивляться работе. Это

банальный вид оптимизма, который игнорирует эти материальные реалии и настаивает на том, что люди могут сопротивляться работе, просто изменив свое отношение к ней. Однако важно также отметить, что окружение повседневной жизни рынком отнюдь не является полным и нерушимым процессом. Несмотря на высокую финансовую стоимость жизни в современном обществе потребления и огромное давление, которое оно оказывает на людей в поисках надежной работы, важно помнить, что люди также сохраняют возможность - пусть даже и обещанную - двигаться в рынок и из него, отвергать и переделывать условности социального мира, в котором они живут (Humphrey, 2010: 133). В то время как важно признать материальные ограничения для того, чтобы работать меньше, мы также можем наблюдать возможность удовлетворения потребностей менее традиционными способами, вне сферы отношений обмена, и способность людей формулировать свои собственные представления об удовольствии, красоте, достаточности и благополучии, чтобы обойти давление потребления (Bowring, 2000b: 315).

В ходе исследования мне было интересно выяснить, лишило ли сопротивление работе людей определенных удовольствий. Меня интересовало, стоило ли сопротивление работе материальных лишений и практических проблем, которые, несомненно, возникли бы в результате потери дохода. Ответ на этот вопрос, конечно, зависит от того, насколько велик был потерянный доход, и от наличия альтернативных источников дохода, таких как заработок партнера, сбережения, доход от случайной работы или пособие по безработице. Это также зависит от того, есть ли у человека дети (что влечет за собой огромные финансовые расходы) или дружеские отношения с людьми, ведущими обеспеченный образ жизни (в этом случае сокращение расходов может означать сокращение числа друзей). Однако больше всего меня поразило то, насколько даже самые бедные участники сопротивлялись мысли о том, что их жизнь характеризуется жертвенностью.

В конце нашего интервью Саманта (адвокат, ставшая официанткой) затронула вопрос о том, что некоторые могут счесть ее образ жизни пуританским. Лично она отвергла эту идею:

Мне кажется, что это очень снисходительно. Я думаю, что у меня стало больше, причем больше разных вещей. Например, когда я разговариваю со своими друзьями в Лондоне, они все измотаны, работают очень долго, и у них нет времени поболтать по телефону, и я просто думаю, боже, это тот образ жизни, который кажется мне ненавистным и пуританским.

Если Саманта и чувствовала себя социально изолированной из-за меньшего дохода, она также считала, что за приобщение к культуре капиталистического общества, основанной на труде и тратах, полагаются серьезные наказания. Ей определенно не хватало одной или двух вещей в ее прежней жизни адвоката, работающего полный рабочий день, но эти лишения были менее значительными, чем резервы времени и энергии, которые она приобрела. Мы можем сравнить ее взгляды с цитатой из Элеоноры, которая также намекает на цену социальной интеграции. Элеонора описывает образ жизни работающей полный рабочий день в мрачных выражениях, как череду жертв и компенсаций:

Думаю, чем меньше я работала, тем больше понимала, что мне это не нужно. Думаю, это просто наблюдение за друзьями, которые все еще застряли в круговороте

работы, чтобы платить пресловутую арендную плату, работать с понедельника по пятницу, а потом уезжать на выходные и полностью напиваться, а затем проводить следующие несколько дней на работе, будучи действительно несчастными, а потом восстанавливаться достаточно, чтобы наступили выходные, и затем чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы снова все повторить.

Рассказ Элеоноры напоминает о прозрениях Адорно относительно того, как люди воспринимают свое свободное время в современном обществе: как своего рода вакуум между периодами работы. Ее мнение о страданиях и иррациональности типичного обеспеченного образа жизни отражает общее настроение людей, с которыми я проводил интервью. Это настроение, как я хочу утверждать, соответствует тому, что философ Кейт Сопер назвала альтернативным гедонизмом (Soper, 2007; 2008; 2013).

Альтернативный гедонизм описывает личную склонность, а также подход к социальной критике, который фокусируется на оговорках, ограничивающих субъективные удовольствия богатых потребительских обществ. Зависимость западного консюмеризма от глобальной системы эксплуатации и вреда окружающей среде все чаще признается целым рядом источников, но реже обсуждаются и представляются способы, которыми эти и другие проблемы подпитывают субъективное разочарование людей в обеспеченном образе жизни. Сопер утверждает, что в настоящее время преобладают признаки того, что обеспеченный образ жизни порождает новые формы несчастья и недовольства либо из-за своих негативных побочных продуктов, либо из-за того, что они часто стоят на пути альтернативных, более надежных форм удовольствия:

В конце концов, сейчас широко признано, что наша так называемая «хорошая жизнь» - одна из главных причин стресса и плохого самочувствия. Она подвергает нас высокому уровню шума и вони, производит огромное количество мусора. Ее рабочий распорядок и способы торговли приводят к тому, что многие люди большую часть своей жизни начинают свой день в пробках или переполненных поездах и автобусах, а затем проводят большую часть оставшегося времени, приклеившись к экрану компьютера, часто занимаясь скучными для ума задачами. Значительная часть производственной деятельности направлена на создание материальной культуры со все более быстрым оборотом продукции и встроенным устареванием, которая уступает место более достойным, долговечным и увлекательным формам человеческой самореализации. (Soper, 2013)

Если потребительский капитализм часто пропагандируется как бастион личной свободы - свободы иметь все, что душа пожелает (пока мы можем себе это позволить), - Сопер предлагает нам поговорить о различных формах неудовлетворенности и личной жертвенности, которые пронизывают общества с высоким достатком. Там, где некоторые подчеркивают веселье, избыток, экспрессивность и свободу действий, Сопер напоминает нам о столь же ощутимом чувстве стресса, загрязнения, рутины и социальной изоляции в современной жизни. По ее мнению, консюмеризм соответствует обществу и образу жизни, которые в разных отношениях стали самоотреченными и немощными. [4] Именно к этим переживаниям разочарования в богатом обществе, по мнению Сопера, должна апеллировать антиконсюмеристская этика и политика: чтобы иметь наибольшие шансы на успех, противодействующие

голоса должны апеллировать «не только к альтруистическому состраданию и заботе об окружающей среде, но и к более самоориентированному удовлетворению от потребления по-другому» (Soper, 2008: 571). Она призывает не к запутанной критике консюмеризма, основанной на развитии очевидно более высокого знания о том, что людям «на самом деле» нужно (а не то, что они «думают», что им нужно), а к более обоснованному взгляду на то, что люди сами говорят о неудовольствиях современного консюмеризма. Я надеюсь, что такое исследование поможет подпитать стремление к социальным изменениям, и именно с учетом «альтернативной гедонистической» программы Сопера я предлагаю исследовать разочарования, которые могут побудить людей поставить под сомнение товарный образ жизни. Я также рассмотрю некоторые из новых удовольствий, которые были открыты, когда люди стали меньше работать и потреблять.

Непростые удовольствия

В фильме Элио Петри 1971 года «Рабочий класс отправляется в рай» есть сцена, в которой герой Лулу Масса, более пятнадцати лет проработавший на фабрике, ходит по дому и разглядывает свои вещи. Он видит хрустальную вазу, радиоприемник, надувную игрушку и набор свечей под названием «Волшебные мгновения». Подобно беспорядку в домах многих людей, эти обыденные предметы давно исчезли из поля зрения Лулу, перестали быть предметом осознанного внимания, но в этот момент он уделяет им все свое внимание. Впервые он видит в этих предметах то, чем они на самом деле являются: мусор - мусор, за который он дорого заплатил своим рабочим временем. Обходя свою гостиную, Лулу рассматривает предметы один за другим. Декоративный столик: тридцать часов работы. Картина с изображением клоуна: десять часов работы. "Стоило ли оно того?" - спрашивает себя Лулу. Когда он начинает яростно разбрасывать хлам в своем шкафу, мы понимаем, что ответ отрицательный.

Удовольствия от богатства потускнели для Лулу-рабочего, который осознает, что за материальную роскошь ему пришлось заплатить ценой целой жизни изнурительного и унижительного труда. В этом смысле материальная роскошь Лулу представляет собой пример того, что Сопер назвал проблемными удовольствиями: потребительские формы удовольствия, которые можно испытать только за счет более фундаментальных форм неудовлетворенности. Если у импульсивного шопинга есть свои внутренние удовольствия, то для многих людей эти удовольствия стали проблемными, и теперь они ставят под сомнение гедонистические аспекты современного консюмеризма по разным причинам - будь то тревога и самокритичное отношение, вызванные огромным выбором, осознание экологических издержек консюмеризма или мучительное чувство, что мир стал слишком поверхностным и загроможденным. В случае Лулу «проблемы» возникли с осознанием того, что удовольствия от потребления товаров стали перевешивать инертность, разочарование и плохое самочувствие, вызванные пожизненной преданностью отчуждающей работе.

Эта конкретная дилемма занимала видное место в сознании американских «дауншифтеров», изученных Джульет Шор в 1990-х годах. Шор отмечает, что «дауншифтеры пережили изменения, в результате которых время и качество жизни стали

относительно более важными, чем деньги» (Schor, 1998: 138). Время и деньги воспринимаются как компромиссные отношения, и хотя (как и большинство людей) дауншифтеры хотели бы иметь больше времени и больше денег, их ценности и опыт побудили их изменить образ жизни, увеличив свободное время за счет дохода. Они решили, что не готовы жертвовать своим временем ради работы только для того, чтобы иметь возможность покупать больше товаров.

Описание менталитета «дауншифтера», данное Шором, точно отражает взгляды людей, с которыми я встречался и для которых материальная роскошь также стала своего рода беспокойным удовольствием. Это видно из рассказа Майка о мысленных расчетах, связанных с покупками: «Иногда я вижу вещи и думаю: „Это мило“, но не то чтобы я не мог жить без этого. Это не настолько важно, чтобы я пошел на работу, которую я ненавижу, ради того, чтобы иметь это». Хотя Майк не отказывался от удовольствия от шопинга как такового, его радости были скомпрометированы осознанием того, какие личные жертвы приходится приносить, зарабатывая на жизнь. Это чувство компромисса между временем и деньгами наиболее четко сформулировала участница Шерил. Это была жизнерадостная женщина лет сорока, и она была единственным человеком, которого я опросил и который причислял себя к «дауншифтерам». Я пригласил ее принять участие в исследовании после того, как обнаружил ее веб-сайт, на котором она описывается как «убежденный сторонник простого образа жизни». Когда мы встретились в ее доме в сельской местности на юге Англии, она долго рассказывала о своем убеждении, что время важнее денег: «Есть вещи, которые, по вашему мнению, сделают вашу жизнь лучше, если вы их приобретете, но нет смысла тратить все свое время на зарабатывание денег, чтобы заплатить за них». Шерил неоднократно проводила различие между людьми, которые ведут «внешний образ жизни», и теми, кто более «сосредоточен на внутреннем». Внешние люди – это те, кто предпочитает деньги. Они направляют свою жизнь на материальные приобретения, оценивают свои владения в сравнении с тем, что есть у других, и ведут постоянную борьбу за то, чтобы «не отстать от Джонсов». В отличие от них, люди, живущие внутри себя (или «дауншифтеры»), ценят время. Они менее конкурентоспособны, больше ценят свои отношения и проводят как можно больше времени со своими друзьями и семьей.

Проведенное Шерил различие между внешним и внутренним напомнило мне о различии Эриха Фромма между «иметь» и «быть» как о двух основных способах взаимодействия с миром (Fromm, 1979). Желание иметь или приобретать можно удовлетворить с помощью денег, тогда как желание быть, или испытывать то, что Шерил называет внутренними удовольствиями, можно удовлетворить только с помощью значительных затрат времени и энергии. В реальном мире эти категории – иметь/быть или внутреннее/внешнее – имеют пустое звучание, поскольку так же трудно представить себе человека, которого совершенно не мотивируют удовольствия от приобретения, как и человека, который безрассудно ценит только эти вещи. Тем не менее, эти категории играют важную роль в качестве ментальных структур, которые позволяют людям, регистрирующим беспокойные удовольствия потребительства, понять смысл выбора, стоящего перед ними. В случае с Шерил ее идентификация как человека «бытия» или «внутреннего» давала ей чувство направления и моральной цели, а также аккуратный способ сообщить о своей этической позиции как

человека, отказывающегося от потребления. Учитывая, что она больше всего ценит внутренние или нематериальные удовольствия, ей следует делать выбор, который максимизирует ее свободное время, а не доход.

Если время и деньги часто находятся в отношениях компромисса, то люди, с которыми я беседовал, предпочитали отдавать предпочтение первому, сокращая свой доход, чтобы увеличить свободное время. Однако при более внимательном рассмотрении их рассказов выясняется, что они также ставят под сомнение удовольствия, присущие обеспеченному образу жизни. Удовольствия, получаемые от шопинга, становились проблемными не только из-за их зависимости от доходов, получаемых в результате работы, но и потому, что, по их мнению, они имели свой собственный внутренний набор недостатков.

Один из наиболее очевидных недостатков современного изобилия, который приходит на ум, - это беспокойство, вызванное растущим осознанием того, в какой степени консюмеризм зависит от системы эксплуатации человека и окружающей среды. Это особенно тревожит Элеонору, которая рассказывает о походе в супермаркет:

Даже просто зайдя в супермаркет, вы чувствуете, что замыкаетесь в себе и становитесь очень злыми. Вы заходите в это огромное здание, где потребляется так много энергии - например, открытые холодильники, - и каждый просто находится в этом жалком замкнутом мире, получая чрезмерно упакованные товары. Это заставляет меня чувствовать себя так чертовски ничтожно.

Элеонора была в числе тех, кто сказал, что избегает определенных розничных магазинов, поскольку известно, что они используют потогонный труд или наносят вред окружающей среде. Ффион перестала делать покупки в магазине бюджетной одежды Primark, несмотря на привлекательность их низких цен. Люси сказала, что раньше ей нравилось есть в McDonald's, но она перестала покупать их после того, как узнала больше о фабричном производстве. В комментарии Элеоноры, процитированном выше, супермаркеты упрекаются в высоком потреблении энергии, но в конечном итоге на первый план выходит чувство гнева и страдания самой Элеоноры. Покупки в супермаркетах заставляют ее чувствовать себя «такой чертовски ничтожной». Она испытала то, что Сопер описывает как «смутное и общее недомогание, которое возникает в торговом центре или супермаркете: ощущение мира, слишком загроможденного и обремененного материальными объектами и утопающего в отходах» (Soper, 2007).

В той мере, в какой сокращение потребления было сформулировано как этический ответ на зависимость консюмеризма от социальной и экологической эксплуатации, мы получаем хорошее представление об альтернативном гедонизме как о «третьем способе» жизни, находящемся между эгоистическим гедонизмом потребительской культуры и самоотреченным пуританством ее зеленых, «простых жизненных» альтернатив (De Geus, 2009: 199). В отличие от гедонистов-потребителей, альтернативные гедонисты получают удовольствие от осознания того, что их удовольствия не приносят вреда человеку и окружающей среде. Выбор в пользу менее интенсивного потребления товаров одновременно удовлетворяет альтруистические и эгоистические мотивы: меньше потреблять - значит пытаться улучшить собственный жизненный опыт и уменьшить негативное воздействие на окружающий мир,

или, скорее, признать, что эти две вещи - забота о себе и забота о других - взаимосвязаны. Альтернативный гедонизм предлагает видение хорошей жизни, в которой удовольствие частично проистекает из осознания того, что действия человека как потребителя не нанесли ему ненужного вреда.

Еще один очевидный недостаток современного изобилия, который приходит на ум, - это психическое беспокойство, вызванное множеством предлагаемых потребительских вариантов. Выбор стал фетишем в современном обществе потребления, где большинство вещей, которые мы покупаем, должны быть выбраны из огромного ассортимента и часто поставляются с собственным набором настраиваемых опций. Гаджеты бывают разных цветов, брюки - разных фасонов, а мобильные телефоны - с сотнями дополнительных приложений и надстроек. Обследование одного из филиалов супермаркета Tesco в Великобритании показало, что на витринах представлено 188 различных видов шампуней и кондиционеров, а также 161 вид хлопьев быстрого приготовления (Lewis, 2013: 38). Маркетинговые материалы регулярно пропагандируют такой уровень выбора как символ богатства и свободы, но ряд психологов утверждают, что такое головокружительное разнообразие выбора часто является источником скорее тревоги, чем удовольствия (Iyengar and Lepper, 2000; Schwartz, 2004). Словенский мыслитель Рената Салецл рассматривает эту идею в истории о покупке сыра в гастрономе (по ее признанию, это несколько буржуазный пример). Столкнувшись с огромным выбором, Салецл оказалась парализованной и рассерженной. Не в силах сделать выбор, она сначала укоряла себя за то, что не была более решительным и осведомленным потребителем. Затем она забеспокоилась о том, как ее будут оценивать за ее выбор, и усомнилась в том, что ее выбор подходит для других людей. Она также усомнилась в искренности советов владельца гастронома, начав возмущаться его заинтересованностью в том, чтобы сделать выбор от ее имени (вероятно, в интересах прибыли). Простая задача купить сыр отправила Салецл в психологическую кроличью нору: «У меня начала кружиться голова, и не только от запаха камамбера» (Salecl, 2011: 14). Похоже, что при всей своей поверхностной и очевидной привлекательности потребительский выбор вполне может быть одним из самых проблемных удовольствий обеспеченного общества. Интервью Мэтью дает нам прекрасный пример чувства тревоги, сожаления и самокритики, которые часто сопутствуют тирании выбора. Он говорит: «Вы находитесь в городе, и вам нужно купить все эти вещи, а потом вы делаете выбор, и, не знаю, иногда я приходил домой и думал: „А действительно ли мне это нужно?“ И я расстраивался».

Другие говорили о беспокойстве, присущем состоятельному потребителю, или о том, что Зигмунт Бауман называл бесконечной погоней за ненасытным желанием: «Самовозникающий и самоподдерживающийся мотив, не требующий оправдания или извинения с точки зрения цели или причины» (Bauman, 2001). Джека беспокоила недолговечность многих удовольствий, получаемых от покупок.

Я просто вижу в этом путь к несчастью. Вы когда-нибудь покупали новую вещь? Это своего рода цикл, не так ли. Есть ожидание, что самое приятное, а потом наступает момент, когда вы действительно получаете вещь, а затем, я думаю, часто наступает разочарование, когда оказывается, что это не все, что вы хотели.

Как только желание получить товар удовлетворено, оно находит новый объект внимания, и чувство нехватки вновь дает о себе знать. Адам также скептически

относился к способности товаров обеспечивать длительное удовлетворение. Он возражал против того количества хлама, которое, как ему казалось, он накопил: «В тех случаях, когда я покупал какую-нибудь вкусняшку, после этого я испытывал прилив сил: «Ура!», но вскоре это чувство пропадало, и я думал: «Теперь у меня в комнате стало еще больше вещей».

Многие говорили, что пытаются противостоять этому беспокойному чувству желания, связанному с потребительством. Ффион рассказала, что у нее выработалась привычка приходить домой и задумываться, прежде чем покупать предметы роскоши. В холодном свете дня, после того как восторг от просмотра угасал, она часто спокойно решала, что в конце концов ей не очень-то и нужен этот желанный предмет. Другие говорили, что вообще стараются держаться подальше от магазинов. Если же они все-таки покупали предметы первой необходимости, то, по их словам, старались выбирать вещи, обладающие такими качествами, как долговечность и полезность, а не новизна. Энн тщательно выбирала мобильный телефон с наиболее полезными функциями для своей работы фрилансером и была довольна своим выбором, даже если это была не самая броская модель. Рейчел отмахнулась от подруги, которая посмеялась над старомодным цветом ее ванной комнаты. «Какое это имеет значение?» - сказала Рейчел. - У меня есть ванная, которая работает».

Эти примеры интересны тем, что они представляют собой попытки противостоять потребительскому убеждению, что больше - это всегда лучше. Оказалось, что люди гордятся своей способностью приспосабливаться к меньшему уровню расходов - удивительная вещь, учитывая то, насколько сильно коммерческая реклама пытается заставить нас стыдиться того, кто мы есть и что у нас есть. Финн Боуринг утверждает, что стыд - главный маркетинговый инструмент рекламы, которая постоянно представляет публике образы роскошного и модного образа жизни как норму, от которой многим стыдно отставать: «Стыд используется для продажи всего - от чистящих средств до фитнес-залов, от корма для кошек до косметической хирургии, от мобильных телефонов до модных лейблов» (Bowring, 2000b: 315). По мнению Боуринга, функция стыда заключается в том, чтобы заставить людей отдавать предпочтение мнению анонимных окружающих, а не развивать и чтить свои собственные автономные представления о пользе, достаточности, красоте и удовольствии. Исходя из этого, мы можем понять, что сокращение потребления - это не обязательно смирение с жалкими реалиями низкого дохода, но и позитивное участие в процессе самостоятельного размышления о природе потребностей. Для людей, с которыми я беседовал, сокращение потребления означало попытку жить с большей степенью намерения и самоконтроля. Самоконтроль здесь имеет скорее благодатное, чем пуританское значение: он означает, что потребитель чувствует себя более разборчивым и наделенным полномочиями, что он меньше подвержен страданиям и чувству вины за компульсивные покупки и что он менее податлив в руках рекламодателей и их постоянных призывов к чувству стыда.

В конечном счете, приведенные здесь примеры демонстрируют различные пути, по которым консьюмеристские образы хорошей жизни становились проблемными - будь то зависимость потребления от доходов, получаемых на отчуждающей работе, или осознание тирании выбора, или этические компромиссы, связанные с участием в системе, основанной на эксплуатации, или недолговечность товарных удовольствий.

Мы начинаем понимать, что меньшее потребление - это не просто нежелательное наказание за меньшую работу: меньше работая и меньше делая покупок, участники надеялись открыть для себя менее ориентированную на товар и, следовательно, более приятную версию хорошей жизни. В интересах собственного чувства удовлетворения они ставили под сомнение некоторые из самых базовых предположений общества изобилия о природе богатства, удовольствия и достатка. Мы сможем лучше понять это, если исследуем некоторые из новых удовольствий, которые, по словам людей, они открыли для себя, когда начали сопротивляться работе.

Наслаждение удовольствиями

Когда была представлена новейшая игровая консоль от Microsoft - Xbox One, ее активно рекламировали по принципу скорости. Прошли времена примитивных развлечений, когда игрок вставлял диск, ждал, пока он загрузится, а затем проводил за игрой пару часов. Теперь игры загружаются практически мгновенно. Игра наскучила? Одним нажатием кнопки (или взмахом руки - для тех, кто раскошелится на более дорогую модель) вы можете разделить дисплей на две части, что позволит вам смотреть телевизор, пока вы играете. Проехали особенно быстро круг? Поделитесь своими достижениями с друзьями в Интернете, плавно выйдя из игры в приложение для социальных сетей. Хотите узнать подробности о любимой телепрограмме? Синхронизируйте свой планшетный компьютер с Xbox One и используйте его в качестве второго экрана, просматривая последнюю информацию за кадром во время просмотра. Xbox One - это высокоскоростная развлекательная система для высокоскоростного поколения. Это предвещает видеоиграм ту же участь, что постигла популярную музыку в современную эпоху. В своей книге «Упадок удовольствия» Уолтер Керр писал:

У нас была музыка для чтения, музыка для занятий любовью, музыка для сна и, как выразился один юморист, музыка для прослушивания музыки. Эти названия интересны тем, что они так откровенно описывают положение популярных искусств в наше время. С самого начала они признают, что никто не должен садиться и слушать музыку. Подразумевается, что, пока играет музыка, все, кто находится в поле зрения, будут заниматься чем-то другим. (Kerr, 1966)

Xbox One, как и «Музыка для чтения» Керра или «Телевизионный ужин» (Food to Watch By), - продукт, подходящий для тех, кого Стаффан Линдер назвал «занятым классом досуга» (Linder, 1970). Когда свободного времени мало, оно может стать напряженным и напряженным, а в отсутствие свободного времени появляется все больший соблазн подходить к досугу с тем же чувством эффективности и продуктивности, с каким мы подходим к работе. Привлекательность такого футуристического продукта, как Xbox One, заключается в том, что он обещает жестко расписать наши развлечения, даже позволяя нам наслаждаться несколькими видами деятельности одновременно. Это позволяет нам извлекать максимальную пользу из наших кусочков свободного времени. Однако правда, которую игнорирует маркетинговая реклама, заключается в том, что, как бы мы ни упорядочивали свое времяпрепровождение, этого никогда не будет достаточно для того, чтобы избавиться от чувства

напряжения, которое возникает, когда у нас так мало свободного времени (не говоря уже о чувстве растерянности, вызванном попыткой уделять внимание двум вещам одновременно). Суть книги Стаффана Линдера, написанной еще в 1970 году, заключалась в том, что обеспеченные общества достигли ситуации, когда свободное время перестало быть свободным. Утомившийся класс потребляет с такой скоростью, которая превосходит его способность на самом деле наслаждаться своими товарами. Со свойственной ему язвительностью Линдер пишет:

После ужина [человек] может обнаружить, что пьет бразильский кофе, курит голландскую сигару, потягивает французский коньяк, читает New York Times, слушает Бранденбургский концерт и развлекает свою шведскую жену - и все это одновременно, с разной степенью успеха. (Linder, 1970: 9)

Когда современные обеспеченные работники возвращаются домой после тяжелого рабочего дня, они оказываются в своих домах, окруженные предметами, которые все как один приглашают к действию. В моем собственном доме я обнаруживаю аккаунт Netflix, ломающийся от вариантов просмотра, полки, забитые компакт-дисками, стопку купленных на скорую руку книг, требующих прочтения, и холодильник, полный ингредиентов, которые нужно приготовить, пока они не испортились. В менее напряженные периоды эти вещи доставляют мне массу удовольствия, но когда я слишком занят, чтобы ими наслаждаться, они становятся лишь источником разочарования. Имущество занятого досугом человека слишком легко превращается в вызывающее тревогу напоминание о том, насколько дефицитным может быть свободное время. Озадаченные выбором и обеспокоенные нехваткой свободного времени, мы часто делаем единственное, что кажется возможным, - ничего не делаем.

Это чувство было хорошо знакомо некоторым участникам моего исследования. Люси напомнила своему мужу Мэтью о тревожной инерции, которую он испытывал во время своей предыдущей работы в местном журнале:

Чаще всего, приходя домой, ты просто сидел и не знал, чем заняться, но при этом был очень раздражен на себя за то, что теряешь время. Или вы не делали ничего, что было бы не совсем тем, чем вы хотели заниматься, например, не смотрели бы со мной фильм, потому что это было бы похоже на пустую трату времени, когда вы могли бы заняться чем-то лучшим. Но в итоге вы все равно ничего не делаете.

Люси сказала, что в свободное время, когда она работала в магазине, она чувствовала себя сравнительно напряженно. По ее словам, свободное время в этот период казалось ей практически бесполезным: «В субботу я работала с четырех до восьми, что ужасно, потому что это было в четыре часа, и я просто не могла ничего делать, потому что была подавлена тем, что мне нужно было идти на работу в этот вечер». Когда Люси работала в 11 утра, многие люди говорили: «Разве ты не счастлива, что у тебя есть возможность отдохнуть?», а я думала: «Нет, я ничего не могу сделать, потому что начинаю работать в одиннадцать. Ты не можешь просто пойти и делать все, что тебе нравится». В контексте моего исследования в целом эти переживания беспокойства были обычными. Ларри (наш разочарованный социальный работник) сказал, что ему нравится читать романы, но обычно он чувствовал себя слишком уставшим, чтобы читать после работы: «С меня хватит этого экрана». Джек сказал, что на своей прежней работе с полной занятостью он достиг того момента, когда был

полностью «вымотан», «перегорел» и «постоянно восстанавливался после работы». Участники пришли к пониманию того, что в их прежней жизни, когда они работали полный рабочий день, большая часть их свободного времени проходила в состоянии готовности или восстановления, а значит, в некотором смысле все еще принадлежала их работодателям.

Если отсутствие качественного свободного времени было одной из главных бед трудового образа жизни, то какие новые удовольствия можно было открыть для себя, если замедлиться и работать меньше? Шерил считает, что наличие свободного времени позволило ей быть более спонтанной. Она заново открыла для себя те виды незапланированных удовольствий, которые, как правило, недоступны в предписанном графике рабочей недели. Сдержанное упоминание о ее процветающей сексуальной жизни стало отличным напоминанием о том, что некоторые виды удовольствия нельзя заставить работать по расписанию. При всей современной сексуальной образности фильмов, музыкальных клипов и рекламы, современная жизнь, похоже, оставляет людям относительно мало времени для того, чтобы заняться этим делом (Linder, 1970: 83). Возбуждение не может быть вызвано по желанию в свободные полчаса перед сном, так же как желание выйти на улицу, пообщаться с друзьями, вкусно поесть, поиграть в игры и т. д. может быть терпимо ограничено выходными. Эрос не обращает внимания на временные рамки развитого индустриального общества.

Чувственные удовольствия Шерил также напоминают о том, что многие удовольствия в жизни становятся более возвышенными, когда их получают медленно. Выступая в защиту альтернативного гедонизма, Кейт Сопер утверждает, что по мере того, как жизнь становится более светлой, часто теряются «эстетические или ритуальные аспекты потребления» (Soper, 2008: 577). Чтобы понять это, достаточно взглянуть на меняющиеся практики, связанные с приемом пищи. Сопер предполагает, что время приема пищи имеет личную и культурную ценность как «совместное, коллективное событие, имеющее свою собственную внутреннюю ценность... способствующее человеческому обмену и дающее пищу для размышлений, а также телесного обновления» (Soper, 2008: 577). Время приема пищи - это возможность для возвышенного наслаждения и социального общения, но его ритуалы выхолащиваются скоростью современной культуры с ее готовыми блюдами и унылыми обедами за столом.

Первичное удовольствие с глубокими психологическими измерениями сводится к функции поддержания. Время, потраченное на получение необходимого количества калорий и витаминов, часто приходится тратить на чтение газеты или просмотр телевизора. (Linder, 1970: 83)

Сопер называет это «де-спиритуализацией потребления», и мы можем отметить, как сторонники современного движения «медленной еды» восстали против этой депиритуализации, прославляя общность приготовления и приема пищи. [5] Движение «медленной еды» попыталось вернуть идею еды как нечто большего, чем телесное питание, подчеркивая более ритуализированные или сублимированные удовольствия от приготовления, украшения и совместного приема пищи. Для некоторых людей, с которыми я беседовал, переход к более медленному темпу жизни, казалось, воплощал попытку спасти или вновь привнести дух в некоторые исчезающие

удовольствия общения. Шерил любила находить время, чтобы готовить со своими детьми «с нуля», Мэтью - «сидеть за столом и разговаривать», Саманта - «накрывать на стол и делать его особенным», а Джеральд - покупать качественные ингредиенты и «устроить приятные вечера». Мы также можем вспомнить теплый рассказ Ффион о приготовлении рождественского ужина из главы 5.

В отличие от современного архетипического потребителя, чьи удовлетворенные желания всегда тут же сменяются новыми, люди, с которыми я встречался, воплощали в себе и праздновали способность наслаждаться удовольствиями. Мэтью и Люси долго рассказывали о своей любви к компьютерным играм, объясняя, что даже этим дорогостоящим хобби можно наслаждаться с относительно небольшими затратами при условии, что вы получаете максимум удовольствия от каждой игры. Люси сказала, что главное - «увидеть все в одной игре», прежде чем покупать следующую, и мы можем с полным основанием предположить, что такая манера игры не уменьшила общего удовлетворения пары. Загромождение досуга игрушками - бесплодный способ увеличить удовольствие, поскольку чем больше предметов роскоши человек покупает, тем меньше удовлетворения он может получить от каждого предмета за ограниченное время. Как говорит Линдер: «можно купить больше всего, но нельзя сделать больше всего» (Linder, 1970: 83). Несмотря на их любовь к видеоиграм, неудивительно, что Мэтью и Люси заявили, что не заинтересованы в приобретении Xbox One.

Продуктивные удовольствия

Когда я брал интервью у участницы Ффион, к нам присоединился ее муж Рис. Рис сказал, что в его мечтах он хотел бы работать значительно меньше. В фантазиях он, возможно, владел бы небольшим фермерским хозяйством и выращивал собственные продукты, но в реальности он продолжал работать полный рабочий день в качестве IT-технолога. Он с энтузиазмом относился к компьютерам, и в целом ему нравилась эта работа, но его беспокоило то, что он занимался ею полный рабочий день. Одной из причин, побудивших его восстать против работы, были огромные расходы, связанные с обычной рабочей неделей:

Если подумать, то за неделю отпуска я могу потратить меньше денег, чем за неделю работы. Сейчас я делаю это реже, но, безусловно, раньше: я брал сэндвичи в кафе и все такое, а утром пил кофе с выпечкой или что-то еще. А после работы шел в паб, чтобы развеселиться. В неделю я тратил около сотни фунтов.

Рис был одним из тех, кто жаловался на скрытые расходы рабочей недели. Муж Шерил Бен, например, сменил работу и сократил рабочий день после того, как перестал мириться с иронией по поводу того, что на дорогу уходит значительная часть его зарплаты. Джеральд также жаловался на транспортные расходы, которые ему приходилось нести, добираясь до работы, а также на дополнительную покупку и стирку одежды, поскольку его работа требовала от него официальной одежды.

Учитывая тот факт, что работа связана с определенными расходами, получается, что меньшая занятость, не только требующая от людей снижения уровня потребления, может в некотором смысле позволить им тратить меньше. Этот принцип

согласуется с теориями Горца о потребительской мотивации, представленными в главе 3. Если мы помним, Горц утверждал, что значительная часть повседневных потребительских привычек может быть объяснена как продукт отчуждения труда. Это происходит потому, что оплачиваемая работа, отнимая время и энергию и заставляя людей использовать свои навыки в узких рамках, не позволяет людям самостоятельно обеспечивать свои потребности или удовлетворять их, не прибегая к дорогостоящим формам потребления. Это становится очевидным, когда мы задумываемся о том, насколько современные расходы обусловлены потребностью в удобстве. Для людей, занятых на напряженной, отнимающей много времени работе, существует сильный соблазн «купить» больше свободного времени, заплатив за товары и услуги, экономящие время. Это означает, что целый ряд действий - от работы по дому до садоводства, приготовления пищи, приготовления еды и даже самого шопинга - теперь часто осуществляется через коммерческие сделки (Schor, 1998: 162). Необходимость потребления также стимулируется отчуждением труда в том смысле, что тяготы работы часто вызывают потребность в утешении и компенсации. Мир потребительских товаров, с его побегам, роскошью и отвлечениями, обещает заполнить экзистенциальную пустоту (или, по крайней мере, помочь нам забыть о ней на некоторое время).

Принимая во внимание теорию Горца, мы можем увидеть еще несколько способов, с помощью которых отрыв от оплачиваемой работы, как оказалось, позволяет людям сократить расходы. Бен, например, считает, что наличие большего количества свободного времени позволило ему отказаться от участия в индустрии развлечений. Он приводит пример с покупкой еды на вынос:

Вы приходите домой, чувствуя себя неважно, и тогда вы делаете себе доставку еду, не так ли? Вы слишком устали, чтобы готовить, но это обойдется вам в пятнадцать фунтов, и вы должны заработать деньги, чтобы заплатить за это. Это большой цикл.

Теперь, когда у него появилось больше свободного времени, он мог ходить по магазинам за ингредиентами, изучать новые рецепты и готовить для своей семьи. Доставка потеряла свой роскошный статус. Теперь он покупал такую еду примерно раз в месяц и обычно был немного разочарован ее качеством. Привлекательность доставки была особенно сомнительной теперь, когда Бен лучше понимал «большой цикл»: тот факт, что работа порождает потребность в товарах повседневного спроса, а само потребление товаров повседневного спроса усиливает зависимость от дохода, получаемого от работы. Учитывая, в какой степени многие современные товары - от готовой еды до напитков с высоким содержанием кофеина, автомоек, ремонтных служб, услуг по уходу, персональных тренеров, агентств знакомств и так далее - пользуются нехваткой свободного времени, неудивительно, что многие из тех, с кем я встречался, обнаружили, что меньшая занятость позволяет им экономить деньги. Они смогли сделать для себя больше.

Опрошенными также считали, что экономят деньги, отключаясь от того, что мы можем назвать терапевтическим потреблением - форм потребления, которые используют потребность отчужденного работника убежать от менее приятных реалий повседневной жизни. Как сказал Джеральд: «Когда вы работаете на работе, которая вам не нравится, вам нужен какой-то позитивный импульс - платье, или покупка нового гаджета, или вы можете сказать: „Давайте, мы заслужили сходить куда-нибудь

вечером“». Хотя большинство людей, вероятно, считают, что подобные временные побеги никогда не смогут заменить более автономное существование, эти удовольствия представляют собой форму компенсации, которая, тем не менее, обычно принимается в отсутствие реальных социальных альтернатив (Lodziak, 2002: 158). Адам (наш программист, ставший преподавателем иностранных языков) считал, что его отрыв от терапевтического потребления, от которого он до сих пор зависел, позволил ему без особых проблем приспособиться к более низкому доходу. Во время нашего диалога о практических трудностях, связанных с меньшим заработком, Адам сказал:

Я полагаю, что для меня не было необходимости тактически экономить деньги и тому подобное. Меня это не так сильно задевает, потому что я доволен своей жизнью, поэтому мне не нужно тратить больше, чтобы увеличить свое счастье... Тот факт, что я не трачу много денег, вероятно, объясняется тем, что я знаю, чем хочу заниматься, поэтому мне не нужно тратить деньги, чтобы сделать свою жизнь более комфортной. Я знаю, куда иду.

Что поражает в этих примерах, так это то, насколько жизнь с меньшими затратами выражается на языке удовольствия и расширения возможностей, а не «преодоления», «жертвования» или «обхождения». Тот факт, что эти люди нашли в себе время, навыки и энергию для удовлетворения потребностей без потребления, стал источником удовлетворения. Это значительно контрастирует с более традиционным или консьюмеристским представлением о хорошей жизни, в котором достаток является синонимом высокого уровня зависимости от рынка. Ффион и Рис размышляют об идеалах достатка:

Рис. Это то, что культура в некотором смысле велит нам делать. Богатство - это ездить по местам и обедать. Это то, что правительство, кажется, говорит нам делать.

Ффион. Это как образ жизни руководителя или что-то в этом роде.

Упоминание Риса о правительстве заставляет вспомнить цитату, которую часто приписывают Маргарет Тэтчер, которая в 1986 году якобы сказала, что «любой человек, оказавшийся в автобусе в возрасте двадцати шести лет, может считать себя неудачником». Достаток и успех ассоциируются со способностью удовлетворять потребности через частные и более дорогие формы потребления. Образцовый человек водит свой автомобиль, а не ездит на автобусе (и, как предполагается, покупает себе обед, когда приходит на работу, а не носит еду с собой, а затем использует свой доход, чтобы помыть машину, а не делает это сам с помощью губки и ведра). Однако этот идеал изобилия, возможно, игнорирует альтернативные формы удовольствия, которые можно найти в самовоспроизводстве.

Эти формы удовольствия в изобилии представлены в исследовании Ханны О'Махони, посвященном сообществу туристов-волонтеров (O'Mahoney, 2014). О'Махони погрузилась в повседневную практику людей, которые временно жили и работали в Греции в рамках проекта по сохранению морских черепах. На время проекта волонтеры жили в простом, самостоятельно построенном и обслуживаемом жилище рядом с пляжем. О'Махони заметил, что, внезапно столкнувшись с ситуацией, когда их деньги ничего не стоили, волонтеры обычно покидали проект, испытывая восторг от собственной изобретательности и креативности - качеств, которые в противном случае могли бы остаться незамеченными. За время проекта изначально сдержанные добровольцы научились чинить протечки, готовить еду для группы, украшать свое

жилище, используя простые инструменты, и устраивать свои собственные развлечения с помощью примитивных предметов, которые они носили с собой или находили на береговой линии. Оказавшись в ситуации, когда зависимость от товаров больше не была возможной, люди начали развивать и в конечном итоге прославлять свои способности к самоорганизации и самовоспроизводству.

Многие из участников моего исследования также с восторгом рассказывали о своих развивающихся способностях к самовоспроизводству. Элеонора (живущая в коммуне) была полна решимости довести свою самодостаточность до предела, и ей было интересно испытать пределы своего упорства. Она использовала такие слова, как «связь» и «вовлеченность», говоря о своих отношениях с материальным миром, и выражала теплое чувство благодарности своему дедушке, которому она отчасти приписывала вкус к самостоятельности:

Я помню, что дедушка часто делал с нами всякие поделки. Он всегда работал над каким-то проектом и всегда следил за тем, чтобы мы пробовали инструменты и учились ими пользоваться. Думаю, постепенно в течение жизни я просто набиралась опыта.

Если Элеоноре приходилось обращаться за помощью к профессионалам (в качестве примера она привела установку дровяной печи), она говорила, что всегда задавала много вопросов и старалась наблюдать за тем, как выполняется работа, в надежде научиться новому навыку.

Как единственный человек, с которым я встретился, живущий «вне» общества (в проекте коммунального жилья), Элеонора, несомненно, представляет собой экстремальный пример. Она прекрасно понимала, что ее образ жизни не всем придется по вкусу, однако можно отметить, что почти все люди, с которыми я встречался, находили определенную радость в самообеспечении. Во время одного из интервью с Мэтью и Люси Мэтью попросил перерыв, чтобы показать мне свои инструменты и руководства по обслуживанию велосипеда. Аналогичным образом участник Рис с энтузиазмом рассказывал о своих знаниях в области компьютерных комплектующих. Он сказал, что ему доставляет удовольствие получать знания, необходимые для того, чтобы поддерживать свой компьютер в актуальном состоянии без необходимости платить профессиональному технику или тратить на покупку совершенно новой модели. То, что Рис увидел, заглянув в свой компьютер, было сравнимо с тем, что Мэтью увидел, взглянув на свой велосипед: не чужой набор компонентов, а набор смыслов. Я полагаю, что, ремонтируя свои вещи, они испытывали чувство мастерства - что-то вроде «связи», которую Элеонора исповедовала с материальными объектами. То, что они испытывали, было контрастом с разочарованным бессилием человека, у которого нет времени на развитие рабочих знаний о своем окружении, - человека, который, раздраженно ударив по проблемному предмету, вызывает специалиста или смиряется и покупает замену.

Люди, с которыми я познакомился, почитали свои навыки технического обслуживания, что напомнило мне Роберта М. Пирсига в его философском романе «Дзен и искусство обслуживания мотоцикла» (Pirsig, 1974). То, что Пирсиг разделял со многими из тех, кого я встретил, - это чувство эмоциональной привязанности или даже преданности к вещам, которыми он владел. Пирсиг рассказывает о своих перчатках для езды на мотоцикле:

Мне небезразличны эти старые заплесневелые перчатки. Я улыбаюсь им... потому что они пролежали там столько лет, они такие старые, такие усталые и такие гнилые, что в них есть что-то юморное... Они стоят всего три доллара и перешивались столько раз, что починить их становится невозможно, но я все равно трачу много времени и сил, чтобы сделать это, потому что не могу представить себе новую пару на их место. (Pirsig, 1974: 52)

Когда я просил людей показать мне их дома или перечислить их имущество, их список наводил на мысль о том, что они очень дорожат своими вещами и ухаживают за ними, относясь к ним с чувством заботы и преданности. Во многих домах, которые я посетил, чувствовался уют - качество, которое мне с тех пор трудно выразить словами. Дом альтернативного гедониста не является декадентским в общепринятом смысле. Его комфорт имеет что-то общее с тем, что имел в виду Адорно, когда писал о «мягком, успокаивающем, неугловатом качестве вещей, к которым прикоснулись руки» (Adorno, 2005: 48). Я получал сенсорное и эстетическое удовольствие от посещения домов, жители которых делали и ремонтировали вещи, беседовали за столом или играли в совместные игры. Я наслаждался видом готовящейся еды и ее запахом. Я испытывал восторг, наблюдая за скромными проявлениями инициативы людей. Самодельная система крючков и шкивов, предназначенная для подвешивания мокрой одежды к потолку, заменяет необходимость в сушильной машине. Полка, выложенная старыми контейнерами из-под еды, служит дешевым и аккуратным способом разделения и хранения винтов разного размера. Самодельная подушка, сшитая из обрезков ткани, говорит об индивидуальности ее создателя так, как никогда не сможет сделать купленный в магазине аналог.

Я пытался понять теплую атмосферу домов, которые я посетил, думая об альтернативе - неприветливом, холодно-чистом доме человека, у которого нет свободного времени, и он перепоручил все домашние дела платным профессионалам. Горц считает, что такой дом вообще не воспринимается как дом. Работа на себя - это то, что позволяет нам овладеть окружающей средой; это способ, с помощью которого «каждый человек укореняется в сенсорной материальности мира и разделяет этот мир с другими» (Gorz, 1989: 158). Человек чувствует себя в каком-то месте как дома, только если он может «участвовать в его развитии, организации и поддержании в добровольном сотрудничестве с другими пользователями» (Gorz, 1989: 158). Отсюда ощущение социальной и экологической разобщенности, которое испытывает человек, передающий все свои домашние дела наемным работникам:

Пространственная организация жилища, характер, форма и расположение привычных предметов должны быть адаптированы к рутинному вниманию обслуживающего персонала или роботов, как это происходит в гостиницах, казармах и интернатах. Ваше непосредственное окружение перестает принадлежать вам точно так же, как автомобиль, управляемый шофером, в большей степени принадлежит шоферу, чем владельцу. (Gorz, 1989: 158)

Капитализм действительно сейчас извлекает выгоду из чувства экологической разобщенности, описанного Горцем, создав прибыльный рынок самодельной эстетики, которую мы так жаждем: будь то глобальные сети, продающие мебель в стиле «потертый шик» и «апсайклинг», или новое обилие телевизионных конкурсов талантов по шитью и выпечке, или огромный ассортимент продуктов питания и

косметических средств, упакованных так, чтобы вызывать ощущение домашней эстетики, созданной ремесленниками. Все это - прекрасные примеры того, что Сопер назвал «удовлетворением на расстоянии»: формы относительно недорогого удовлетворения, которые капиталистическая система отняла у нас, только чтобы продать их обратно в товарной форме (Soper, 2008: 577). Однако эти товарные эквиваленты никогда не смогут заменить подлинное самопроизводство, которое, по анализу Горца, является незаменимым источником наслаждения, расширения возможностей и укорененности в мире. Работа на себя - это то, что дает нам ощущение связи с окружающей средой и встраивает нас в наши сообщества, что противоречит идее о том, что декадентская жизнь - это жизнь, в которой огромный доход означает, что никто и пальцем не пошевелит, а все потребности удовлетворяются через рынок.

Я вспоминаю Ивана Иллича, который нарисовал страшный образ будущего, в котором люди станут полностью зависимы от коммерческих товаров и профессиональных услуг. Еще в 1970-х годах Иллич утверждал, что мы живем в «эпоху профессий», сетуя на то, как разрушаются социальные инфраструктуры, в рамках которых люди справлялись с трудностями, заботились, играли, ели и дружили. Иллич доводит свою мысль до конца, вызывая в памяти тревожный образ младенца в чреве рынка. В самом крайнем случае: «Общность уничтожается и заменяется новой плацентой, построенной из веселых неводов, предоставляющих профессиональные услуги. Жизнь парализована в постоянной реанимации» (Illich, 1978: 64). Действительно, любопытно, что участие в оплачиваемой работе должно представлять собой столь мощный символ зрелости и независимости, учитывая реалии занятости как ситуации глубокой зависимости. Я говорю не только о зависимости, унаследованной от отношений по оплате труда, но и о зависимости от коммерческих товаров и услуг, которые становятся единственным способом удовлетворения определенных потребностей после того, как работа истощает наше время и энергию. Люди, с которыми я беседовал, возможно, демонстрируют, что многие потребности, традиционно удовлетворяемые за счет частных и дорогих форм потребления, на самом деле можно было бы удовлетворить самостоятельно, возможно, даже с гордостью и удовольствием, если бы общество позволило нам найти время.

Сложнее обстояли дела с коммерциализированными ритуалами общества. От Рождества до дня рождения, свадьбы и бар-мицвы - целый ряд социальных ритуалов стал синонимом дорогих подарков и показного потребления. Когда нас так настойчиво побуждают выражать свою радость и любовь к другим, покупая дорогостоящие товары, только ворчун или скупердяй отказывается от этого, чтобы сэкономить. Некоторые из тех, с кем я встречался, боялись светских раутов именно по этой причине, но некоторые сказали, что у них есть решения. На Рождество, предшествовавшее нашей первой встрече, Мэтью и Люси избежали необходимости покупать дорогие подарки, проявив немного креативности. Они купили обычное оливковое масло, разлили его по стеклянным бутылкам с чили, гаром и травами, украсили бутылки, а затем раздали масла в качестве подарков друзьям и родственникам. Люси сказала, что ей понравилось готовить масло и что получатели, похоже, оценили затраченные усилия: «Это лучше, чем просто пойти в Boots и купить подарок «три на два». Аналогичным образом Саманта рассказала историю о том, как она не смогла позволить себе дорогостоящий вечер в честь дня рождения подруги. После того как она сначала

расстроилась, она решила приготовить для подруги особенный ужин дома. Саманта сказала, что ее подруга получила удовольствие и оценила подарок. В этих примерах подарок, сделанный своими руками, обладает уникальной ценностью, которая контрастирует с бесцветной, безличной природой товара, купленного за деньги.

<hr/>

В этой главе я остаюсь открытым к возможности удовольствий вне условностей капиталистической культуры работы и трат, рассматривая, как люди, с которыми я встречался, - люди, которые более или менее добровольно потеряли часть своего дохода, - говорили об этом решении и придавали ему смысл. Хотя здесь нет слащавых предположений о том, что люди, с которыми я встречался, нашли «ключ к счастью» или идеальную модель жизни, их действия и выбор представляют интерес, поскольку они вносят свой вклад в критику доминирующего образа жизни в современном капитализме. В ходе исследования я обнаружил интересный факт: люди не рассматривали меньшее потребление как нежелательный побочный эффект меньшей работы. Вместо этого оно было выражением того, что Кейт Сопер называет «альтернативным гедонизмом». Хотя мы можем с уверенностью предположить, что их жизнь была сопряжена со значительными финансовыми трудностями (о которых одни говорили с удовольствием, а другие - с неохотой), снижение уровня потребления было ключевым компонентом в попытках людей найти менее материалистическую версию хорошей жизни. Люди работали и потребляли меньше, чтобы избежать «беспокойных удовольствий» изобилия, надеясь открыть для себя новые удовольствия, более возвышенные и долговечные, которые можно реализовать только при избытке свободного времени. Сопrotивляясь настойчивым призывам капитализма испытывать стыд и неудовлетворенность своим имуществом, они гордились своей способностью развивать собственные представления об удовольствии, красоте, достатке и благополучии. Они размышляли о взаимосвязи между благосостоянием и потреблением товаров и открывали для себя новое чувство владения и укорененности в мире, развивая свои доселе не открытые способности к самообеспечению. Хотя было бы абсолютно безрассудно отрицать, что переход к более медленному ритму жизни практически невозможен для многих людей, которые не смогут выжить экономически, не менее безрассудно принимать идею о том, что образ жизни с высоким уровнем потребления является неизменной нормой, к которой все должны стремиться.

7: Половина человека

Бездельник, тунеядец, лентяй, лодырь, лежебока, шалопай, прощелыга, разгильдяй, ханжа, фаббер, грустный клоун, мотальщик, соня, прохиндей, тормоз, бродяга, бомж, проходимец, сутяга, скиталец, нищенка, шпана, паразит, хапуга, нахлебник, скупердяй, мытарь, халявщик, бездарь, бессребреник, пустозвон, хлюпик, плут, шнырь, фраер, гуляка, пропойца, наркоман, фантазер, фаталист, нерабочий ...

Тезаурус Роджета

В рамках своего арт-проекта «Учимся любить тебя больше» (July and Fletcher, 2007) художники Миранда Джулай и Харрелл Флетчер попросили представителей общественности выполнить следующее задание: попросите свою семью описать, чем вы занимаетесь. Один из самых запоминающихся ответов был получен от Анжелы Бридж из Вирджинии, которая прислала ответы от трех разных членов семьи:

Бабушка (91 год): Она [Анджела] тратит много времени на готовку, приносит мне еду, конфеты и тайленол. Она часто убирается в моей комнате. Она всегда моет мою постель.

Сын (7 лет): Она играет со мной, ходит в Университет Холлинса и проводит там эксперименты в лабораториях. Она играет в компьютерные игры и постоянно читает книги. Она водит меня в парк и в гости к Йену.

Мать (65 лет): Сейчас она почти ничем не занимается.

Полагаясь на эту, пусть и ограниченную, информацию о ситуации Анжелы, мы можем сделать вывод, что у нее, скорее всего, нет оплачиваемой работы (кто-нибудь обязательно упомянул бы об этом). Но при этом она производит впечатление занятого человека, активного и щедрого на время. Помимо ухода за престарелой бабушкой и развлечений с сыном, она находит время для учебы и видеоигр. Несмотря на слова матери, высказывания сына и бабушки подтверждают, что Анжела не является человеком, который «сейчас ничем особо не занят». Мы можем сравнить это предположение об образе жизни Анжелы с предположениями, высказанными анонимным собеседником в следующем обмене мнениями:

Аноним: Вы пишете книгу? О чем она?

Дэвид Фрейн: Она будет посвящена работе, которой я занимаюсь, - изучению людей, которые стараются меньше работать или живут жизнью, которая не вращается вокруг работы. А некоторые из них вообще не работают, и я изучаю их ценности.

Аноним: То есть это книга о бездельниках, об отбросах?

Подобные заявления, сосредоточенные на предполагаемой пустоте или никчемности безработной жизни, являются характерной чертой догмы о работе и того, что мы можем назвать ее ложной дихотомией: распространенной идеей о том, что если человек не занят оплачиваемой работой, то он не должен делать ничего ценного. Ложная дихотомия, по сути, гласит, что люди стоят перед выбором между работой и ленью. Она не учитывает социальную ценность таких видов деятельности, как

забота о детях, родителях, соседях, партнерах и друзьях, и еще более слепа к внутренней ценности нерабочих видов деятельности, которые сами по себе являются достойными целями: таких, как игра, общение, наслаждение природой или создание и оценка культурных артефактов. Если эти вещи находятся за пределами серьезной сферы работы, они также представляют собой более возвышенные возможности человеческого опыта. Это те вещи, которые делают жизнь больше, чем просто борьбой за выживание. Но они также обычно не рассматриваются как деятельность, вокруг которой респектабельный человек организует свою жизнь.

Ранее в этой книге я набросал некоторые барьеры, которые теоретически могут препятствовать попыткам противостоять работе. Среди этих препятствий - активная морализация труда в современном обществе. Я указал на стигматизацию неработающих в средствах массовой информации, которые регулярно клеймят тех, кто сопротивляется трудовой этике, как не имеющих права или девиантных. Я также утверждал, что некоторые социологические исследования могли быть соучастниками морализации труда, рассматривая занятость как норму, от которой отклоняются безработные. В обоих случаях в игру вступает ложная дихотомия: власти говорят нам, что выбор стоит между занятостью и пустой жизнью, между трудовой этикой и отсутствием этики. Этические возражения против безделья и приоритета деятельности вне экономической сферы остаются одним из главных препятствий для тех, кто выступает за альтернативу современному обществу, ориентированному на работу. Как красноречиво говорит Кэти Викс:

Продуктивистская этика предполагает, что продуктивность - это то, что определяет и облагораживает нас, поэтому, когда человеческие способности к речи, интеллекту, мышлению и изготовлению изделий не направлены на продуктивные цели, они сводятся к пустым разговорам, праздному любопытству, праздным мыслям и праздным рукам, а их неинструментальность является позорной порчей этих человеческих качеств. Даже удовольствия считаются менее достойными, когда их оценивают как праздные. (Weeks, 2011: 170)

Совершив последний экскурс в рассказы людей, с которыми я встречался, - особенно тех, кто пытался жить без работы, - мы можем получить представление о том, как более широкая морализация труда может повлиять на повседневные попытки противостоять занятости. В то время как многие из тех, с кем я беседовал, спокойно относились к своей альтернативности и, возможно, даже были воодушевлены осознанием того, что их образ жизни нестандартен, мы увидим, что для других отказ от работы представлял собой потенциальный источник стыда. Наряду с более практичными или материальными препятствиями, мешающими сопротивляться работе, это чувство стыда всегда таилось на заднем плане.

Не выдержав морального испытания работой

Эрвинг Гофман определил стигму как ситуацию, в которой находится человек, лишенный возможности получить полное социальное признание. Когда человек предстает перед нами:

... могут возникнуть свидетельства того, что он обладает признаком, который делает его отличным от других в категории людей, которыми он может быть, причем менее желательного толка - в крайнем случае, человеком, который вполне основательно плох, или опасен, или слаб. Таким образом, в нашем сознании он превращается из цельного и обычного человека в испорченного, уцененного. (Goffman, 1968: 12)

В случае с людьми, с которыми я встречался в ходе исследования, стигма, которая грозила проявиться, - это безработица. Это был дискредитирующий факт, который грозил нарушить статус человека как нормального и приемлемого члена общества. Гофман ссылается на рассказ безработного, взятый из исследования Завадски и Лазарсфельда:

Как тяжело и унизительно носить имя безработного. Когда я выхожу на улицу, я опускаю глаза, потому что чувствую себя совершенно неполноценным. Когда я иду по улице, мне кажется, что меня нельзя сравнивать с обычным гражданином, что все указывают на меня пальцем. (Zawadzki and Lazarsfeld, 1935: 239)

Безработный принимает свою стигму близко к сердцу и становится изгоем, не способным смотреть в глаза своим согражданам. Можно сказать, что он переживает кризис социального признания. Он чувствует, что безработица дисквалифицировала его как человека, заслуживающего равных прав и уважения, и в результате он чувствует себя никчемным, растерянным и изолированным. Аксель Хоннет считает, что социальное признание может быть отнято у человека различными способами. Оно отнимается, когда тело человека ограничено или находится под контролем (как в случае с заключенным или рабом), а также когда человеку отказывают в определенных правах, которые разделяет все население (как в случаях дискриминации по расовому, гендерному, сексуальному признаку и так далее). Другой вид ущемления - тот, который мы рассматриваем здесь, - возникает в тех случаях, когда общество отказывается признавать определенный образ жизни как культурно легитимный:

Честь, „достоинство“ или, говоря современным языком, „статус“ человека означает степень социального уважения, оказываемого его способу самореализации в рамках унаследованного обществом культурного горизонта. Если эта иерархия ценностей выстроена таким образом, что принижает отдельные формы жизни и манеры убеждения как низшие или неполноценные, то это лишает соответствующих субъектов всякой возможности приписывать социальную ценность своим собственным способностям. (Honneth, 1995: 134)

В случае с безработными унаследованный культурный горизонт, о котором говорит Хоннет, в значительной степени характеризуется трудовой этикой и ее ложной дихотомией. В контексте общества, где работа является наиболее приемлемым способом обретения статуса и чувства идентичности, неудивительно, что безработная жизнь часто вызывает чувство стыда или неполноценности, а также всплески желания восстановить себя в качестве «нормального» человека путем поиска работы.

Одна из причин, по которой люди стремятся работать (помимо очевидной выгоды в виде дохода), заключается в том, что она обеспечивает им социальное признание. Мы можем рассмотреть пример Джеральда. До того как ему надоел суетливый образ жизни, Джеральд наслаждался успешной карьерой ученого, участвующего в конференциях и получающего положительные отзывы о своих публикациях. По

его словам, «от работы получаешь столько позитива», и он особенно ценил «теплое сияние признательности», которое испытывал, присутствуя на церемониях вручения дипломов своим студентам. По его словам, студенты часто подходили к нему и благодарили его за преподавание. В современном обществе, где царит атмосфера занятости, именно работа должна обеспечивать людям публичную жизнь и место, где, подобно Джеральду, мы можем наблюдать за своими достижениями и получать за них вознаграждение. Если люди, участвовавшие в моем исследовании, собирались отказаться от этой возможности получить признание, им нужно было позаботиться о том, чтобы у них были другие возможности: новые социальные сети, другие пространства для достижения и взаимодействия, альтернативные источники мотивации и подтверждения, которые могли бы занять место работы.

Одна из причин, которая, похоже, сбивала с толку людей, пытавшихся создать достойную и респектабельную жизнь вне работы, заключалась в постоянном ощущении, что выбранный ими образ жизни подвергается стигматизации. Супружеская пара Мэтью и Люси (оба полностью отказались от работы), похоже, боролась с чувством неполноценности из-за своей безработицы. Мэтью считал, что в культуре богатых обществ люди обычно сравнивают отсутствие работы с неполноценностью:

Я думаю, что многие люди считают, что если у тебя нет работы, то ты лишаешься своей сущности. Это как быть наполовину человеком, и это довольно сильно сказано, но, знаете, например, когда мы представлялись людям в прошлом году. Они спрашивали: «Чем вы занимаетесь?», и если вы были безработным, это было «бrrrrrr». Люди немного вздрагивали и думали: «О, так вы действительно ничем не занимаетесь».

Одним из самых любимых занятий Мэтью на момент нашей беседы было писательство. Ему нравилось писать статьи, которые объединяли его интересы в философии и видеоиграх, и он пытался опубликовать некоторые из своих работ на игровых сайтах. Мэтью с энтузиазмом говорил о своих эстетических чувствах как писателя, но сказал мне, что часто не хочет раскрывать свой интерес к писательству:

Я все чаще чувствую искушение просто начать говорить людям, что я писатель, даже если у меня еще ничего не опубликовано, потому что я пишу каждый день, практически каждый день. Это все, чем я сейчас занимаюсь. Но я знаю, каким будет последующий вопрос. Он будет звучать так: «Для кого вы пишете?». Это навязчивая идея о продуктивности и о том, куда вписывается ваша писанина. Например, имеет ли она какое-то отношение к работе, к рынку труда.

Не имея очевидной социальной пользы и не принося дохода, время, которое Мэтью тратил на писательство, представляло собой потенциальный источник смущения. Он не думал, что люди примут тот факт, что его личность и повседневная рутина могут быть построены на неоплачиваемом занятии. Его высказывания вызвали размышления Люси, которая критически отнеслась к культурной тенденции отказывать в признании деятельности, не связанной с оплачиваемой работой:

Это как на всех этих телевизионных шоу талантов. Люди выходят на сцену, а под ними написано их имя и то, чем они занимаются, и большими буквами написано БЕЗРАБОТНЫЙ. Так было, когда выступала Сьюзан Бойл, мол, они ничем не занимаются. Они могли бы написать «любит делать открытки» - не знаю, что угодно. Это во всем, даже в новостях будет «Сьюзан Бриггс, пекарь», и в игровых шоу то же самое. Я бы хотела быть «Люси, любит животных и любит читать». Мне бы это было по душе.

Люси выработала приятный распорядок дня, основанный на чтении, проведении времени с Мэтью, прогулках, рукоделии и уходе за домашними животными. Хотя она неоднократно говорила, что довольна своим распорядком дня, я попросила ее подумать, есть ли вещи, которых ей не хватает в работе, и именно в этот момент она подняла вопрос о социальном признании. Люси заметно расстроилась:

Дэвид: Если бы я хотел уточнить, что из того, что, по вашим словам, вам не хватает на работе, было самым важным?

Люси: Хм [долгая пауза] [вздых]. Наверное, больше всего мне не хватает ощущения, что я не подвожу людей. Может быть, это потому, что, не знаю, мне кажется, что я подвожу родителей Мэтью и своих родителей. Наверное, я бы не сказала - не знаю, имеет ли это смысл?

Дэвид: Да. Так вы беспокоитесь об этом?

Люси: Я беспокоюсь каждый день [длинная пауза], все время [вздых]. Я просто - я чувствую, что мне нужно найти работу, чтобы не чувствовать, что я подвожу всех остальных, но я просто [вздыхает] - я не знаю, смогу ли я это сделать.

Одним из главных стремлений Люси было иметь много детей. Она рассказала историю о том, как ее мать - медсестра - на рождественской вечеринке скрыла от коллег нерабочие амбиции Люси, посчитав, что материнские цели Люси слишком домотопиты или старомодны. Отсутствие у Люси амбиций, ориентированных на работу, казалось, смущало ее мать.

Люси была не одинока. Многие участницы считали, что их выбор был источником стыда среди друзей и родственников. Мы можем рассмотреть случай Эммы, которая решила бросить работу после того, как у нее диагностировали тяжелое заболевание желудка. Эмма была убеждена, что люди негативно относятся к ней из-за того, что она не работает:

Они определенно так считают, и общество тоже. И моя семья тоже. Моя семья очень осуждает меня за то, что я не работаю, даже если это не мой выбор. Они это знают, но моя мама совершенно этого не понимает. Она такая: «Когда же ты найдешь работу, когда же ты найдешь работу, я хочу, чтобы ты нашла работу». Я говорю о болезни, а она отвечает: «Ну, теперь-то ты в порядке!» А я и правда, с прошлого лета мне стало лучше, но я чувствую: «Дайте мне передохнуть!»

В таких случаях, как у Эммы, когда человек чувствует себя слишком нездоровым, чтобы работать, медицинский диагноз может играть важную роль в узаконивании ощущения нездоровья. Медицинский диагноз, поставленный врачом с позиции профессионального авторитета, позволяет больному войти в то, что Талкотт Парсонс называл «ролью больного», в которой человек временно освобождается от обязанности работать. Однако в случае Эммы даже профессионального медицинского диагноза было недостаточно, чтобы утвердить ее решение не работать. Отчасти мы можем объяснить это тем, что ее болезнь желудка была незаметна. Поскольку состояние здоровья Эммы колебалось в зависимости от степени тяжести и не имело заметных внешних проявлений, ей часто было трудно сообщить окружающим о том, что она больна. Не имея очевидного способа сигнализировать о своей болезни, она постоянно пыталась убедить людей в том, что имеет право на временный отпуск.

Последний пример стигмы, связанной с отсутствием работы, мы можем рассмотреть на примере Саманты (нашего штатного адвоката в возрасте около тридцати лет,

которая бросила свою карьеру, чтобы работать официанткой на полставки). Решение Саманты бросить профессиональную работу и подрабатывать в баре было воспринято ее родителями как признак эмоциональной незрелости. По их мнению, Саманта покинула профессиональный мир взрослых и вернулась к подростковому возрасту. То, что Саманта довольствовалась работой в баре, где многие сотрудники были подростками, было воспринято как свидетельство того, что она не смогла повзрослеть. Последовавший за этим конфликт Саманты с родителями прекрасно демонстрирует, в какой степени участие в оплачиваемой работе - особенно на полный рабочий день и с более высоким статусом - является культурным сигналом зрелости. Подобные настроения можно услышать в требованиях к молодым людям (особенно студентам) «повзрослеть», «остепениться» или начать жить в «реальном мире» - мире, где люди осуществляют свою взрослость, подчиняясь требованиям работы и получая стабильный доход.

Работа Саманты в качестве адвоката была предметом огромной гордости ее родителей, но с точки зрения Саманты эта гордость вызывала лишь раздражение. Это объясняется тем, что Саманта не отождествляла себя с работой адвоката. Хотя она выполняла действия, связанные с ее ролью, она всегда сопротивлялась воплощению этой роли, то есть, хотя она и практиковала как адвокат, она ненавидела, когда ее идентифицировали как адвоката, с адвокатским мировоззрением, адвокатскими вкусами и адвокатским поведением. Саманта восстала против своих родителей, не желая признавать, что ее решение покинуть мир профессиональной занятости было сигналом регресса или незрелости. Вместо этого она сформировала собственное представление о зрелости, основанное на утверждении автономии и разнообразия, а не на приобретении и воплощении рабочей роли. Биографическая история, которую Саманта рассказала в своем интервью, в конечном счете была историей прихода зрелости, где зрелость определялась как способность делать осознанный выбор, а не быть подвластной условностям: «Я хотела разобраться в том, чего я хочу. Я хотела прислушаться к себе, увидеть свою реакцию на происходящее и начать строить все по-своему... Это было похоже на взросление, потому что я впервые делала то, что сознательно решила делать».

В каждом из вышеперечисленных случаев люди подвергались негативному осуждению из-за их невосприимчивости к трудовой этике. В случае с Люси проблема заключалась в том, что она не проявляла должного характера и степени амбициозности. Семья считала цели Люси, связанные в основном с домашним хозяйством, причудливыми и старомодными. В случае с Эммой проблема заключалась в ее неспособности проявить должный уровень стоицизма перед лицом болезни. Возможно, из-за незаметности ее болезни люди сомневались, действительно ли Эмма больна, и, следовательно, ставили под сомнение ее право быть свободной от необходимости работать. Наконец, в случае с Самантой виной всему стала ее неспособность повзрослеть и принять на себя ответственность за взрослую жизнь. Решение Саманты работать неполный рабочий день в относительно низкостатусной роли было воспринято как свидетельство нежелания подростка вступать в «реальный мир». Кельвин и Джарретт описывают «этику богатства»: систему убеждений, которая подчеркивает ответственность каждого человека за создание или наличие достаточного богатства, чтобы не зависеть в финансовом отношении от других людей (Kelvin and Jarrett, 1985:

104). Именно этика богатства вызывает обвинения в том, что безработные - это скупердяи, бессовестно полагающиеся на подачки, чтобы жить жизнью Райли. Однако рассмотренные здесь случаи показывают нам, что существование этики богатства лишь частично объясняет стигматизацию неработающих (лишь немногие из них, в конце концов, действительно претендовали на государственные пособия). Люди, с которыми я встречался, считали, что они не выдержали морального испытания работой в более фундаментальном смысле. Их безработица свидетельствовала о более глубоких слабостях характера. В обществе, где работа является главным средством, с помощью которого мы обретаем общественную идентичность, этим людям было трудно убедить других в том, что их выбор и деятельность имеют смысл и ценность.

Страшный вопрос

Чем вы занимаетесь? После «Как вас зовут?» и, возможно, «Откуда вы?» это один из первых вопросов, которые обычно задают друг другу незнакомые люди, причем по правилам этот вопрос почти всегда является вопросом о нашем трудоустройстве. «Чем вы занимаетесь?» означает «Какую работу вы выполняете?». Если быть великодушным, то можно сказать, что постановка этого вопроса достаточно невинна. Он представляет собой социальную традицию или попытку получить информацию, которая может облегчить взаимодействие, придав ему определенный контекст и подтолкнув разговор к общему направлению. Если быть более критичным, то можно рассматривать этот вопрос «Чем вы занимаетесь?» как голую попытку оценить статус другого. Вопрос «Чем вы занимаетесь?» означает: «Суммируйте в одном предложении, какой вклад вы вносите в этот мир, и я буду судить о вас по вашему ответу». Или «Вы человек, которого стоит знать?».

Для некоторых людей, с которыми я познакомился, простой вопрос «Чем вы занимаетесь?» стал источником серьезного социального беспокойства. Брюс (который, как мы помним, бросил работу из-за болезни) рассказывал: «Если я иду на званый ужин с другом или, скажем, встречаю кого-то нового, то сразу же слышу этот ужасный вопрос: „Чем вы занимаетесь?“. Это ужасно. Я не хочу, чтобы меня спрашивали об этом, потому что у меня нет ответа». На званом ужине Брюс занимает позицию, известную Гофману как «не заслуживающая доверия». Неспособность Брюса работать - это часть скрытой информации, которая может быть раскрыта в любой момент. Гофман описывает дилемму дискредитируемого следующим образом: «Показать или не показать; рассказать или не рассказать; выдать или не выдать; солгать или не солгать; и в каждом случае - кому, как, когда и где» (Goffman, 1968: 57). Для человека, которому есть что скрывать, даже самые обыденные социальные взаимодействия могут стать чреватými стрессом:

То, что для нормальных людей является необдуманной рутинной, для дискредитированных может стать проблемой... Человек с тайной несостоятельностью... должен воспринимать социальную ситуацию как сканер возможностей, и поэтому, скорее всего, будет отчужден от более простого мира, в котором, очевидно, живут окружающие его люди. (Goffman, 1968: 110)

Под угрозой разоблачения дискредитирующий себя человек может использовать ряд стратегий, и изучение ответов участников моего исследования на вопрос «Чем вы занимаетесь?» стало почти самостоятельным исследованием. Мэтью рассказал мне, что воспринимал этот вопрос как возможность самоутвердиться. В минуты гордости он без извинений заявлял, что не имеет работы, внимательно следя за реакцией людей:

В последнее время я просто говорю людям, что я безработный, и обычно они сердятся, но не всегда на меня. Они говорят: «О, это ужасно, через что ты проходишь», а я обычно думаю: «Нет, на самом деле я просто счастлив. Мне нравится быть безработным. В финансовом плане это страшно, но я каждый день делаю то, что мне нравится. Если бы деньги не беспокоили, а также надвигающаяся обреченность на то, что меня заставят [в центре занятости] найти работу, мне бы это очень нравилось».

Мэтью надеялся, что, рискнув и честно рассказав о своем отношении к работе, он сможет хоть в малой степени изменить представление людей о безработице. Он сказал, что с помощью такого подхода ему удалось завязать несколько освежающих бесед с людьми, но в итоге большинство отнеслись к нему с чувством жалости. Мы можем сравнить это с Клайвом, который на вопрос «Чем вы занимаетесь?» иногда отвечал: «По возможности не причиняю вреда». Намерение Клайва состояло в том, чтобы с помощью юмора денатурировать страшный вопрос и поднять его на сознательный уровень, где над ним можно было бы поразмыслить. Нарушая таким образом обычные правила взаимодействия, Клайв надеялся обратить внимание людей на обыденность и потенциальную навязчивость вопроса о работе. (Один мой друг изложил схожую стратегию, предложив пройтись по свадебному приему, спрашивая незнакомцев не «Чем вы занимаетесь?», а «Какой ваш любимый фильм Ларса фон Триера?»).

Мы можем рассматривать их как проактивные ответы на страшный вопрос. Люди утверждают легитимность своего образа жизни и используют взаимодействие почти как возможность для микромасштабного политического вмешательства. Это контрастирует с более оборонительными попытками оправдаться или отвлечь внимание от дискредитирующей информации. Мэтью рассказал, что в минуты горечи и неуверенности в себе он легкомысленно уводил разговор в сторону от темы занятости, рассказывая откровенную ложь о своем роде занятий. Когда люди задавали ему этот страшный вопрос, он говорил, что он наркоторговец, грабитель банков или порнозвезда. Мы можем сравнить это с Брюсом, который нес на себе тяжелое бремя стыда за свою неспособность работать. Брюс ответил на страшный вопрос, тщательно контролируя информацию о себе:

Иногда я все выдумываю, иногда говорю: «Я закончил университет, потом работал в психиатрической клинике, но это был лишь краткосрочный контракт, который закончился, так что я как бы нахожусь между работами». Иногда я откровенничаю, если мне кажется, что человек сочувствует, и говорю: «Да, у меня были серьезные проблемы со здоровьем, поэтому я взял пару лет перерыва, чтобы сосредоточиться на выздоровлении». Но даже когда я отвечаю на вопрос таким образом - и я должен быть осторожен с этим, потому что не всегда замечаю это - в моем ответе есть нотки вины и стыда. Это своего рода защита, понимаете? Как будто я говорю: «Послушайте, я не бездельник, я не нищий», тогда как я не должен защищаться или оправдывать

то, что я делаю. Я не должен так оправдываться, но эта оборонительная позиция присутствует, потому что культура настолько осуждающая.

Если Брюс считал необходимым справляться с потенциально дискредитирующей информацией о себе, когда он находился на улице, в обществе, то Эмма считала это необходимым даже в прощающем контексте исследовательского интервью. В ряде случаев она, казалось, стремилась убедить меня в том, что ей действительно нужен отгул и она не просто притворяется больной.

Эти рассказы поднимают интересный вопрос: кто на самом деле здесь судит? Я, конечно, не унижал Эмму, но она все равно чувствовала необходимость защищаться от вменяемого осуждения. Хотя Брюс смог привести пару конкретных примеров, когда другие ставили под сомнение его образ жизни, на самом деле самым строгим судьей было его внутреннее чувство неуверенности в себе. В главе 5 мы видели, как Брюс с большой убежденностью говорил о своем выборе образа жизни, но теперь мы видим, что его повседневные переживания все еще были омрачены стыдом. Он признался, что испытал стыд даже после того, как сделал заказ в Интернете. В то время как большинство людей в течение дня находятся на работе, Брюс всегда был дома, когда почтальон приходил за посылками. Что думает почтальон? Знает ли он, что я безработный? – задавался вопросом Брюс. Размышляя о природе и истоках своего стыда в одном из последующих интервью, Брюс рассказал о своем «внутреннем критике»:

Есть такой большой внутренний критик, который говорит, что вы в чем-то не соответствуете стандартам или неполноценны, или что вы живете не так, как надо. Есть шанс, что если у вас проблемы с психическим здоровьем, то ваш внутренний критик просто включает на полную громкость, вплоть до того, что мой внутренний критик говорит: «Ты – пустая трата кожи».

Кто такой внутренний критик? Опираясь на идеи психолога Джорджа Герберта Мида, можно сказать, что люди, с которыми я встречался, испытывали стыд, потому что нарушали ожидания «обобщенного другого» (Mead, 1962). В абстрактном мышлении или в том, что Мид называет «внутренним разговором», индивид «воспринимает отношение обобщенного другого к себе, не обращая к его выражению в конкретных других индивидах» (Mead, 1962: 155-6). В процессе социализации индивиды усваивают ценности культурного климата. Культурные стигмы интернализируются и превращаются в стыд – чувство, которое может пронизывать все действия, а не только те, в которых есть прямое выражение неодобрения. Как показывает пример почтальона Брюса, вскоре каждая пара глаз становится потенциальным источником осуждения. Мы можем вспомнить опыт безработного, процитированный в начале этой главы из исследования Завадски и Лазарсфельда. Он идет по улице с опущенными глазами, потому что ему кажется, что все его осуждают, несмотря на то, что эти незнакомцы не могут знать о его ситуации с работой. Стигматизация лично для него превратилась в чувство стыда, и он считает, что он действительно неполноценен как человек. Даже в тех случаях, когда человек, по сути, уважает себя и считает, что выбранный им образ жизни этически оправдан, ему все равно трудно избавиться от чувства стыда, которое моральные авторитеты общества давно приучили нас испытывать по отношению к безработице. В ходе исследования я наблюдал, как хрупки убеждения в сегодняшнем климате стигматизации. Неуверенные в маргинальности

своего образа жизни, люди, которые на одном дыхании уверенно и связно говорили о своей этике, на другом выглядели настороженными и уязвимыми.

Изоляция и поддержка

Хотя многие из тех, с кем я встречался, осознавали, что их выбор образа жизни может подвергнуться стигматизации, они также пытались оградить себя от осуждения, которое угрожало их образу жизни. Как отмечает Гофман:

Кажется, что человек может не соответствовать тому, что мы эффективно требуем от него, и при этом оставаться относительно нетронутым этой неудачей; изолированный своей отчужденностью, защищенный собственными убеждениями идентичности, он чувствует, что он полноценный нормальный человек, а мы - те, кто не совсем люди. (Goffman, 1968: 17)

Размышляя о собственном опыте безработицы, Мэтью Коул говорил о возможности развития «аутсайдерского шика, основанного на праздновании удовольствия быть „нетрадиционным“ по отношению к массе рабочих и потребителей» (Cole, 2004: 12-13). Коул специально вспомнил о бунтарском удовольствии, которое он испытал, когда тайком пронес в паб бутылку водки, незаметно доливая в один стакан всю ночь. Подобно тому, как мы видели (в главе 6), что существуют способы преодоления относительной бедности образа жизни людей с низким доходом, мы можем отметить, что существуют и способы, с помощью которых люди избегают стигматизирующих суждений о своем образе жизни.

Некоторым из тех, с кем я встречался, это удавалось лучше, чем другим. Элеонора со временем пришла к пониманию того, что будет очень трудно жить в соответствии со своими ценностями и оставаться в обществе: «Я чувствую, что постоянно пытаюсь защитить то, как я живу, и я просто не хочу этого делать. Я ненавижу это делать». Ее решением стала жизнь в автономной сельской общине, где она наслаждалась обществом людей, разделяющих ее критический взгляд на работу и потребление. Ей нравилось принадлежать к социальному кругу, в котором ее не заставляли постоянно извиняться и отчитываться за свои поступки и выбор. Мы можем сравнить это с Люси, которая, казалось, хотела полностью уйти из социального мира. Проживая свою жизнь в основном дома, Люси окружила себя небольшой и строго контролируемой сетью людей, которые сочувствовали ее неспособности работать. Ее муж Мэтью, похоже, играл особенно ценную вспомогательную роль. Будучи студентом философского факультета, он привык критически относиться к общепринятым культурным убеждениям и поощрял Люси повышать свое самоуважение, открывая необходимость работать как тему для дискуссий. Когда Люси рассказала о негативных суждениях, которые она получила в связи со своими амбициями по воспитанию детей, Мэтью повернулся к ней и сказал:

Почему безработные теряют это уважение? Очевидно, что времена изменились. В прежние времена женщины сидели дома, но я надеюсь, что это не привело к тому, что на женщин смотрят свысока за то, что они хотят сидеть дома и ухаживать за детьми, потому что это само по себе работа на полный рабочий день. Это то, чем

можно гордиться. Я ни на секунду не говорю, что женщины не должны работать, но это выбор, и ни одна из них не должна осуждаться.

На протяжении всех интервью Мэтью регулярно говорил о том, что К. Райт Миллс называл социологическим воображением (Mills, 1959). Миллс утверждает, что одно из преимуществ социологического мышления заключается в том, что оно позволяет людям рассматривать свои личные проблемы с точки зрения более широких культурных и структурных сил. Социологическое воображение обещает поднять неинтегрированного человека над пассивно переносимым состоянием униженности, чтобы он стал сознательным критиком норм и ценностей, формирующих культурную среду, в которой протекает наша жизнь. Своим вмешательством Мэтью надеялся заставить Люси чувствовать себя менее подозрительно по отношению к себе и более подозрительно по отношению к окружающему ее миру.

В отсутствие физически близких друзей некоторые участники обращались за такой поддержкой к своим литературным друзьям. Майк сказал: «Несколько моих друзей разъехались, поэтому я не могу сразу обратиться к ним. Но у меня есть книги из моей библиотеки, которые могут дать мне утешение, когда это необходимо. Они как часть моей системы поддержки». Несколько человек порекомендовали книги на тему работы. Генри Торо, Уильям Берроуз или Джек Керуак - самые известные в литературе свободные агенты и нерабочие - а также ряд популярных критических текстов - «Как быть бездельником» Тома Ходжкинсона (Hodgkinson, 2004) или «Отмена работы» Боба Блэка (Black, 1986) - были неоднократно рекомендованы мне членами Альянса бездельников. Эти тексты давали людям возможность почувствовать себя признанными и утвержденными в качестве неработающих, а также шанс развить более последовательное и внятное чувство своей этики. Эти тексты помогли людям, отказавшимся от трудовой этики, сориентироваться в качестве нерабочих и выработать новый моральный кодекс. Возможно, польза от чтения объясняет чувство сожаления Элеоноры о том, что она не уделяла больше времени чтению и написанию книг, связанных с ее ценностями. Она выразила сильное желание прояснить и формализовать свою этику нерабочего человека, что, возможно, является одной из причин, по которой она с удовольствием участвовала в процессе исследования.

Помимо личных или литературных друзей, те люди, с которыми я встречался и которые были связаны с «Альянсом бездельников», получили более широкое признание. По мере того как я проводил время в ТИА, быстро выяснилось, что эта группа - не столько общественное движение с политическими целями, сколько социальная сеть, которую ее члены ценят как источник товарищества и признания. Одна из соучредителей Альянса, Энн, говорит о привлекательности ТИА с точки зрения ее членов:

Я думаю, что для многих людей - у них нет никого в повседневной жизни, кто понимал бы их философию или то, как они смотрят на мир, и они становятся довольно интровертными, потому что им не с кем поговорить. Мне очень жаль их, потому что тогда они могут стать совсем изолированными. Они могут перестать давать людям шанс, потому что «они не будут на одной волне» или, знаете, «никто никогда меня не поймет». Вот почему для многих людей ТИА - это как убежище, здесь их понимают.

Иллюстрируя слова Анны, пара бездельников, с которыми я познакомился, сказали, что когда они находятся дома, то обычно оставляют онлайн-доску объявлений

ТИА работающей в фоновом режиме. Доска объявлений была очень активной: на момент написания статьи на ней было 2 037 участников, а также сотни незарегистрированных пользователей. Помимо того, что доска объявлений служит форумом для обмена практическими советами по экономии денег, самообеспечению и т. д., она дает возможность испытать чувство принадлежности и комфорта, которое возникает при общении с единомышленниками. Осознавая эмоциональную пользу сообщества, основатели ТИА надеялись организовать более регулярную программу физических встреч в различных местах по всей Великобритании. В тех случаях, когда мне удавалось лично присутствовать и наблюдать за этими встречами, быстро становилось очевидным, что мероприятия были направлены не на политическую мобилизацию и суровые этические дебаты, а на приятное времяпрепровождение. Атмосфера отражала описание Хайвен и Хаснабишем общественных движений как «островков убежища в бушующем мире»: пространства, дающие ощущение дружбы, общности, романтики и расширения возможностей (Haiven and Khasnabish, 2014: 10-11). Хотя бездельники не вели активной кампании за социальные перемены, они работали над созданием образа мира, который они хотели бы видеть на малом уровне, - мира, в котором ценились как индивидуальность, так и общность, как страсть, так и разум, и мира, в котором люди чувствовали бы себя принятыми. Люди ели, напивались, слушали живую музыку и наслаждались чувством принадлежности к сообществу единомышленников. Акцент ТИА на том, чтобы люди чувствовали себя включенными, прежде всего, отражен, пожалуй, в названии организации. Как знамя, под которым людям предлагается объединиться, «безделье» наводит на мысль о легкомысленном и шутилом виде сопротивления. Она демонстративно присваивает себе термин «безделье» и использует его в радикальных целях. У меня сложилось впечатление, что в отрыве от классовых представлений, политических причин или понятий «правые» и «левые» слово «безделье» успешно объединило широкий круг людей с самым разным происхождением и восприятием.

Без теплого света признания, который дает сообщество, подобное ТИА, слишком легко угасить желание сопротивляться. Можно привести пример Риса, который считает, что уменьшение числа контактов с людьми, разделяющими его ценности, ослабило его решимость жить по-другому: «Среди моих близких друзей и родственников [альтернативный образ жизни] не на слуху, и я полагаю, что именно поэтому он отошел на второй план, а я ушел и устроился на работу в университет». Джек резюмирует затруднительное положение изолированного бездельника:

Для меня сообщество - это ключ ко всему, и если у вас его нет, то все, что с вами происходит, происходит в изоляции. Любая группа людей должна определять себя и подкреплять друг друга. Без этого вы просто потеряете ощущение того, куда вы идете, и тогда вы просто вернетесь к угадайте чему: работе с девяти до пяти и всем тем негативным вещам, которые есть в нашем обществе.

Преимущество культуры сопротивления в том, что она дает людям возможность выйти из состояния пассивного терпения унижения и перейти к активной защите своей этики и практики. Однако, в конечном счете, похоже, что не существует общественного движения, способного свергнуть работу с ее пьедестала в центре общества. По крайней мере, в ближайшем будущем работа будет продолжать со скрипом функционировать как основной источник дохода, прав и принадлежности

людей, и, похоже, не существует сообщества, обладающего необходимыми последователями, ресурсами и уровнем организации, чтобы бросить этому существенный вызов. Проблема, с которой я столкнулся в конце своего исследования, заключается в том, можно ли и как отдельные случаи сопротивления труду, наблюдаемые на стыках общества, превратить в значимые и желательные для всех социальные изменения.

8: От эскапизма к автономии

Жизненный план - это карта нашего существования. Перед нами пролегают карьерные линии нашей работы, нашего брака, наших интересов на досуге, наших детей и нашей экономической судьбы. Но иногда, когда мы сканируем эти карты, проходим по этим маршрутам, следуем указателям, нас странно беспокоит предсказуемость путешествия, точность карты, знание того, что сегодняшний маршрут будет во многом похож на вчерашний. Неужели в этом и состоит наша жизнь? Почему каждый день путешествия отмечен чувством скуки, привычки, рутины?

Коэн и Тейлор - Попытки к бегству (1992: 46)

В приведенной выше цитате Коэн и Тейлор размышляют о чувстве ужаса, которое возникает, когда мы осознаем, что наша жизнь подчинена заранее прописанным закономерностям. «Маршрут, по которому мы ходим на работу, одежда, которую мы носим, еда, которую мы едим, - все это зримые напоминания об ужасном чувстве монотонности» (Cohen and Taylor, 1992: 46). Без предупреждения нас наполняет ужасное чувство, что наша жизнь предопределена, сначала - человеческими планами, целями и процедурами, которые определяют нашу рабочую жизнь, а затем - ограничениями нашего опустошенного времени и энергии, когда мы приходим домой. Для людей, чьи жизни я исследую в этой книге, это ощущение монотонности было достаточно ощутимым, чтобы спровоцировать поиск альтернатив. Насколько позволяли практические обстоятельства, они боролись за то, чтобы вытеснить работу из своей жизни и вести себя так, чтобы это больше соответствовало их ценностям и приоритетам. Они возрождали забытые интересы и развивали новые. Они больше времени уделяли отдыху и дышали свежим воздухом. Они стали более активными членами своих сообществ и уделяли больше времени заботе о своих пожилых родителях, детях и себе. Некоторые из этих людей даже полностью отказались от работы.

Для большинства из нас, и не без оснований, отказ от работы кажется экстремальным решением, а работать меньше - не всегда практичный вариант. Когда внутри периодически накатывает чувство неудовлетворенности, большинство из нас прибегает к более привычным стратегиям спасения. Мы боремся с демоном рутины в своем сознании. Некоторые распространенные стратегии - это те, которые можно отнести к категории «рефренов»: мысленные и мимолетные фантазии, которые на мгновение отвлекают нас от обыденной реальности. Рефреном может быть проигрывание песни снова и снова в голове или дневные сны. Коэн и Тейлор пишут, что в любой момент мы можем «включить переключатель в своей голове и внести какие-то причудливые изменения в конкретный мир, который стоит перед нами» (Cohen and Taylor, 1992: 90). Мы можем раздеть людей догола, убить босса или представить в воображении совершенно другую, более приятную сцену, чем та, что предстала перед нами. Алкоголь и наркотики обеспечивают сопоставимый отрыв от реальности, в то время как некоторые люди полагаются на ежегодный

отпуск за границей. Многие из нас так несчастны в повседневной рутине, что даже болезни иногда воспринимаются как долгожданный рефрен. Один мой друг недавно прислал мне сообщение, в котором отмечал тот факт, что он слег с воспалением нерва: «Сегодня я стараюсь наслаждаться своим временем: читаю „Шутку“ [роман], катаюсь на велосипеде, готовлю испанские крепы, просматриваю книжные полки. Свободное время напоминает мне о творчестве в моей голове, которое я так хочу выпустить на волю. Сейчас так много идей и мыслей». Один из наших самых постыдных коллективных секретов в мире работы заключается в том, что мы часто жаждем недееспособности как желанной передышки от ответственности. Проблема с рефренами, однако, в том, что их кайф никогда не длится долго. Отпуск за границей может дать нам освежающее чувство дистанцирования от привычного круга возможностей - мы можем приехать домой, пообещав себе больше отдыхать, есть более интересную пищу и воссоединиться со старыми друзьями, - но жизнь не заставит себя ждать, и нас снова захлестнет обычная жизненная суета. Если попытаться сделать временный побег более постоянным, можно нарваться на неприятности.

Какие еще пути бегства нам доступны? Возможно, одним из наиболее распространенных способов бегства является тот, который Гофман назвал практикой «ролевого расхождения» (Goffman, 1972). Ролевая дистанция включает в себя попытку продемонстрировать другим, что мы недовольны и чувствуем себя некомфортно в своей роли. Гофман приводит в пример ребенка постарше, который дурачится на карусели, открыто попирая правила безопасности, чтобы показать окружающим, что, хотя он и катается на карусели, он делает это легкомысленно, перерастая детскую роль «наездника карусели». В рабочем мире ролевое смещение может принимать форму столь же мелких актов несоответствия: сутулиться на собрании коллектива, небрежно оформлять бумаги или носить сдержанное выражение недоумения (как это сделал герой Мартина Фримена Тим в британской версии сериала «Офис»).

Опираясь на свои исследования современных организационных культур, Флеминг и Спайсер обсуждают связанную с ними стратегию цинизма (Fleming and Spicer, 2003). Цинизм - это, пожалуй, одна из наиболее распространенных стратегий бегства в контексте современных эмоционально напряженных рабочих мест. Когда возможности действительно изменить систему кажутся нам недоступными, цинизм представляет собой последнюю попытку создать свободное пространство, в котором мы можем чувствовать себя менее скованными требованиями работы. Как мы уже видели в главе 2, в связи с исследованием Кэтрин Кейси о Гефесте, попытки менеджеров создать идентификацию с работой иногда вызывают у работников противоположные чувства (Casey, 1995). Работники пытаются сохранить свою индивидуальность с чувством неверия, цинично не отождествляя себя с культурой труда. В исследовании Дэвида Коллинсона говорится, что рабочие, занятые на ручном труде, называли усилия по созданию культуры совершенства «пропагандой янки». Информационный бюллетень компании стал известен как «Газета Гебеллса» (Collinson, 1992). Подобные культуры цинизма, несомненно, могут стать важным оружием в трудовой борьбе, но они будут эффективны только в том случае, если рабочие также будут привержены идее, что альтернатива действительно возможна. Флеминг и Спайсер утверждают, что сам по себе цинизм может представлять собой очень консервативную силу:

... циничным сотрудникам создают (и они сами создают) впечатление, что они являются автономными агентами, но, тем не менее, они продолжают следовать корпоративным ритуалам. Когда мы не идентифицируем себя с предписанными нам социальными ролями, мы часто продолжаем их выполнять - иногда лучше, как это ни парадоксально, чем если бы мы идентифицировали себя с ними. (Fleming and Spicer, 2003: 160)

Цинизм - это форма бунта, которая часто оставляет основы власти нетронутыми. Подобно стилям управления вроде «культуры веселья», о которых говорилось ранее в этой книге, цинизм может приспособить работников к их подчиненному положению, позволив им наслаждаться некоторой долей поверхностной свободы. Флеминг и Спайсер приводят запоминающийся пример работницы McDonald's, которая не идентифицирует себя с ценностями компании (командная работа, чистота, обслуживание клиентов и т. д.), тайно надевая футболку «McShit» под свою униформу. Авторы утверждают, что, хотя ее трансгрессивный вкус к моде может позволить ей сохранить чувство индивидуальности, ее деидентификация в конечном счете поверхностна, пока она продолжает вести себя так, будто верит в ценности компании (Fleming and Spicer, 2003: 166).

Попытки бегства в форме ролевого разрыва, цинизма и разотождествления обеспечивают ценное пространство для дыхания, в котором мы можем чувствовать себя менее подавленными требованиями работы и более похожими на самих себя, но при этом они позволяют нам продолжать терпеть ограничения наших ролей: «Тот факт, что мы можем спокойно относиться к условностям университетской или офисной жизни и нашим ролям преподавателей или менеджеров, фактически гарантирует, что мы остаемся в рамках этих условностей и этих ролей» (Cohen and Taylor, 1992: 56). Как и просмотр выгодного антикапиталистического фильма в выходные, ношение футболки с Че Геварой или «лайк» политической странице на Facebook, цинизм часто представляет собой то, что Марк Фишер называет «жестикүляциянным» типом бунтарства - акт сопротивления, который создает иллюзию расширения возможностей, но в конечном итоге оставляет мир неизменным (Fisher, 2009).

Как метод ухода от более тревожных аспектов работы, потребительское бегство воплощает в себе многие из тех же недостатков, что и рефрены или цинизм. Хотя покупка потребительских товаров часто доставляет огромное удовольствие, предоставляя прекрасные возможности для разрядки, самовыражения и наслаждения, в главе 6 подчеркивается, что у потребительских форм удовольствия есть и более тревожная сторона. Как и рефрены, товарные удовольствия имеют тенденцию быть мимолетными и временными, не говоря уже о том, что их получение зависит от постоянного источника дохода. Хотя я не хочу поддаваться пессимизму типа «выхода нет», мне кажется важным, чтобы мы продолжали задавать себе вопрос, являются ли пути бегства, традиционно предлагаемые и санкционируемые капитализмом, подлинной формой освобождения, или же они лишь укрепляют нашу терпимость к токсичным ситуациям, из которых мы ищем выход. Если стремление к социальным альтернативам - это огонь, который горит внутри нас, то я полагаю, что описанные выше относительно безвредные пути бегства подобны тонкому водяному туману над пламенем - туману, который подавляет его, но никогда не гасит полностью. Пока мы заняты тем, что цинично издеваемся над начальством, убеждаем других в том, что

мы нечто большее, чем работа, которую мы выполняем, или тратим заработанные тяжелым трудом деньги на то, чтобы отвлечься от своего отчуждения, время идет мимо нас, а наше тело стареет. Санкционированные пути бегства от реальности часто могут быть приятными и терапевтическими, но они также являются самоотрицающими и временными, культивируя нашу терпимость и укореняя нас в тех самых ситуациях, от которых мы ищем избавления. Сегодняшние наиболее популярные способы бегства могут давать короткие периоды передышки или кратковременный проблеск свободы, но в целом они воплощают поверхностный вид свободы. Это свобода критиковать работу в частном порядке, временно уходить от ее требований и выбирать товары широкого потребления, но не свобода выбирать другой образ жизни, демократически участвовать в создании подлинных социальных альтернатив или протестовать против того, что нас заставляют продавать свою жизнь просто для того, чтобы жить.

Именно на фоне глупостей и противоречий наиболее типичных для общества путей бегства я хочу представить антирабочих, с которыми я встречался в ходе своего исследования, как представителей более искупительной альтернативы. Это были люди, которые верили, что благодаря их собственным действиям можно изменить свою жизнь к лучшему. Я считаю, что то, к чему они стремились, сопротивляясь работе - успешно или безуспешно, - было более постоянным видом бегства, чем те, что описаны выше. Возможно, «бегство» - совсем не то слово: они стремились к более подлинному чувству автономии. При всей пропаганде, которую мы слышим о работе как об источнике хорошего здоровья и способе «реализовать потенциал», работа так часто мешает людям реализовать свои способности к творчеству и сотрудничеству. Все люди, с которыми я встречался, чувствовали себя ограниченными своими рабочими обязанностями и пытались выкроить пространство, в котором они могли бы свободно развивать целый ряд интересов и возможностей.

Из представленных здесь примеров можно сделать несколько выводов, но один из главных, над которым они помогли мне задуматься, - это то, насколько благополучие человека зависит от развития чувства преемственности между ценностями и действиями. Ведь именно в болезненном разрыве между этими двумя вещами - между идеалами и реальностью - рождалось несчастье и наступал переломный момент. Проще говоря, мы можем отметить, что люди счастливее, когда у них больше времени на то, что они хотят делать. В зависимости от того, насколько серьезно мы готовы к этому отнестись, это осознание может быть невероятно банальным или невероятно глубоким:

Может показаться очевидным, что люди счастливее, когда занимаются тем, что приносит им физическое и душевное удовлетворение, но, несмотря на кажущуюся банальность этого утверждения, удивительно, как мало людей достигают этого в своей повседневной жизни, как мало времени удается выделить на себя, как мало рассветов мы видим, как минимальна доля времени, которое мы проводим с близкими людьми. (O'Mahoney, 2014: 242)

В нескольких предыдущих главах этой книги я попытался показать, что в причинах сопротивления людей работе есть хороший моральный смысл. Уделяя особое внимание самопониманию антирабочих, я попытался внести оживление в сложившиеся в обществе стереотипы о неработающих как о социальных девиантах, лишенных

морального компаса и ведущих пустую жизнь. Я надеюсь, что содержащиеся в этих главах выводы будут способствовать денатурализации работы и ее центрального места в современном обществе. В ходе анализа мы увидели некоторые способы, с помощью которых сопротивление работе может быть оправдано. Мы увидели способы, с помощью которых можно легко уменьшить зависимость от дохода, а также некоторые стратегии, которые люди используют, чтобы защититься от стигмы и чувства изоляции, которые возникают при сопротивлении работе в обществе, ориентированном на труд. В целом сложилось впечатление, что некоторым людям, с которыми я встречался, удалось вытеснить работу из своей жизни, и они будут продолжать пользоваться этим успехом, по крайней мере, в ближайшем будущем. Их истории свидетельствуют о силе индивидуального подхода. Признавая это, я, тем не менее, считаю, что попытки противостоять работе на индивидуальной основе очень ограничены.

Как бы критически мы ни относились к современному обществу, ориентированному на работу, и его власти над воображением, это само по себе не меняет того факта, что работа все еще социально сконструирована как главный источник дохода, прав и принадлежности. В контексте сегодняшнего общества, ориентированного на работу, можно с уверенностью сказать, что любое существенное сопротивление работе, скорее всего, останется уделом смелых, решительных, людей с переменным источником дохода или тех, чье здоровье и личные обстоятельства не позволяют им работать и не имеют особого выбора. Учитывая социальные ограничения, мешающие работать меньше, мы должны задаться вопросом, можно ли организовать общество таким образом, чтобы каждый мог воспользоваться временем, сэкономленным благодаря продуктивному развитию капитализма. Для таких мыслителей, как Андре Горц, о котором идет речь в начале этой книги, сопротивление работе всегда задумывалось как коллективный, а не индивидуальный проект. Из этого следует, что любая серьезная попытка критики труда всегда должна выходить за рамки вопросов индивидуальной этики и удовольствия и рассматривать перспективы более широкой переоценки труда, а также структурных изменений, которые могли бы стать основой для того, чтобы каждый мог наслаждаться большей степенью свободы. Этическая рефлексия и самокритика являются важной частью любой конфронтации с догмой о труде. Но вызов этой догме должен быть также связан с социальной критикой и коллективными политическими действиями. Куда двигаться дальше - это не индивидуальный, а общественный выбор.

На пути к политике времени

Возможно, ближе всего к организованному движению за уменьшение количества работы в последние годы стоит кампания за улучшение «баланса между работой и личной жизнью». В Великобритании дискуссия о балансе между работой и личной жизнью достигла пика в начале 2000-х годов с запуском официальной кампании Министерства торговли и промышленности по балансу между работой и личной жизнью. Целью кампании было «убедить работодателей в экономических преимуществах баланса между работой и личной жизнью, представив реальные примеры из

жизни, и убедить работодателей в необходимости перемен». Особое внимание уделялось секторам с наиболее продолжительным рабочим днем, и кампания обещала в течение пяти лет «помочь работодателям предоставить людям больше возможностей выбора и контроля над своим рабочим временем» (DTI, цит. по Shorthose, 2004). Во время проведения кампании множество людей (от журналистов до социологов и специалистов по управлению персоналом) участвовали в более широкой дискуссии о важности справедливого разделения рабочего и нерабочего времени. Дискуссия была сосредоточена в основном на приоритете семейного времени, а фраза «баланс между работой и личной жизнью» довольно незаметно перешла в повседневный обиход.

Исследования, вдохновленные официальной кампанией, предоставили множество доказательств, демонстрирующих негативное влияние длительного рабочего дня на здоровье и семейную жизнь, и кампанию можно похвалить за то, что она сделала некоторые вопросы, связанные с рабочим временем, более понятными. Однако, в конечном счете, трудно рассматривать риторику о балансе между работой и личной жизнью как средство продвижения подлинной альтернативы сегодняшнему обществу, ориентированному на работу. Мелисса Грегг описывает баланс между работой и личной жизнью как «идеологическую уловку», общий эффект которой заключается в том, чтобы возложить ответственность за управление рабочими требованиями на плечи самого человека. Множество обучающих инициатив, которые были вдохновлены этой идеей - семинары по «преодолению стресса», «преодолению перемен» и «управлению временем», - в конечном итоге несут одну и ту же мысль: только вы несете ответственность за свои обязательства, и вы лично виноваты, если вам трудно с ними справиться (Gregg, 2011: 4-5). Такие модные идеи, как «баланс между работой и личной жизнью» или «упрощение жизни», в большинстве случаев соответствуют неолиберальной идеологии: идеологии, которая учит нас, что все в наших руках и что мы вольны делать из своей жизни то, что хотим. Если вы испытываете трудности, эта идеология настаивает на том, что вы просто сделали неправильный выбор, и поэтому должны начать работу по личной реабилитации, которая позволит вам сделать правильный выбор (Salecl, 2011). Именно эта идеология привела к тому, что население Запада отвернулось от политики и коллективных действий, а вместо этого стало одержимо идеями самосовершенствования, личного счастья и максимального здоровья (Cederström and Spicer, 2015).

Возможно, долгосрочным эффектом кампании за баланс между работой и личной жизнью стала деполитизация работников, а не побуждение их требовать существенных изменений. В своей самой банальной форме кампания представляет баланс как «беспроблемную» ситуацию для работников и работодателей: работник выигрывает, потому что чувствует себя менее напряженным, а работодатель выигрывает, потому что предприятие получает выгоду от повышения концентрации внимания и производительности. При этом скрывается потенциальный конфликт интересов между работниками и работодателями (Shorthose, 2004). Принятый руководством, баланс между работой и личной жизнью представляет собой еще один пример удивительной способности капитализма брать потенциально радикальную идею, смягчать ее и подавать нам в интересах коммерческой выгоды. Неудача риторики баланса между работой и личной жизнью заключается в том, что она не задает

фундаментальных вопросов о цели работы и не ставит под сомнение способность работы выполнять свои общественные функции; она лишь дает нам разрешение тихо попросить, чтобы нам позволили работать немного меньше (обычно для выполнения других обязанностей, таких как забота о семье). Она пытается встроить наше недовольство существующей системой в рамки этой системы, препятствуя нашей способности действительно открыто сравнивать альтернативы. Она также мало что может предложить тем людям, которые вынуждены работать подолгу, потому что их вынуждают к этому экономические обстоятельства.

Если мы хотим бросить реальный вызов обществу, ориентированному на работу, я считаю, что нам нужно не просто рассказывать людям о преимуществах «баланса». Нам нужно быть гораздо смелее и начать обсуждать различные способы организации и распределения работы, чтобы у каждого было больше свободного времени. Вместо кампании за баланс между работой и личной жизнью я выступаю за то, чтобы приступить к тому, что Андре Горц называл политикой времени: согласованное, непредвзятое обсуждение количества и распределения рабочего времени в обществе с целью предоставления каждому человеку большей свободы для самостоятельного саморазвития. Необходимо подчеркнуть, что проблемы с работой являются политическими по своей природе, а значит, требуют политически ангажированных решений:

[Решение заключается] в определении новых прав, новых свобод, новых коллективных гарантий, новых общественных объектов и новых социальных норм, в соответствии с которыми выбранное рабочее время и выбранная деятельность больше не будут маргинальными для общества, а станут частью нового плана развития общества. (Gorz, 1999: 65).

Горц часто называл свое новое общество «обществом предпочтительного времени» или «мультиактивности», но мы можем выбрать любое название, которое нам нравится. Одной из важнейших черт этого общества была бы политика сокращения рабочего времени, проводимая в масштабах всего общества. Такая политика позволит снизить уровень безработицы за счет улучшения социального распределения необходимой работы. Более равномерно распределяя имеющиеся рабочие часы среди населения, мы хотим обратить вспять растущее разделение общества на профессиональную элиту, с одной стороны, и массу безработных, недостаточно занятых или случайно занятых людей - с другой (Gorz, 1989: 92). Каждый из нас будет работать меньше, чтобы больше нас могло работать:

Вместо того чтобы лихорадочно искать новую работу, которая часто не имеет смысла и не приносит никакой пользы обществу, мы должны стремиться к более справедливому распределению работы, которую необходимо выполнять, дивидендов от досуга, получаемых от работы, которую мы решили больше не выполнять, и генерируемого богатства. (Hayden, 1999: 34)

Долгосрочной целью было бы перестроить общество таким образом, чтобы работа перестала быть неприкосновенным источником дохода, прав и принадлежности. По мере увеличения продолжительности свободного времени люди будут использовать его для выполнения самых разных видов продуктивной и непродуктивной деятельности, каждый из которых будет соответствовать их собственным автономным стандартам красоты и полезности. Нерабочее время превратилось бы в нечто

большее, чем зеркальное отражение нашего рабочего времени: это было бы «нечто иное, чем время для отдыха, релаксации и восстановления сил; или для деятельности, вторичной и дополнительной по отношению к трудовой жизни; или безделья - которое есть лишь обратная сторона принудительного гетеро-детерминированного наемного рабства; или развлечения - аналога работы, которая своей монотонностью обезболивает и истощает (Gorz, 1989: 92). Главным идеалом общественного развития должна стать степень свободы людей в реализации и развитии различных интересов и способностей. Имея больше времени для себя, мы могли бы больше времени работать на себя, а значит, больше не зависели бы от экономической сферы, которая удовлетворяла бы все наши потребности. Количество повседневных занятий, которые должны быть оформлены в оплачиваемую работу в экономической сфере, резко сократится. Новые культурные ценности найдут отражение в новых подходах к архитектуре и городскому дизайну, которые будут поощрять и помогать автономному сотрудничеству людей. Города, поселки и отдельные кварталы станут открытыми пространствами для общения, сотрудничества и обмена, а общие мастерские и коммунальные зоны будут способствовать развитию добровольных сетей и неформально организованного производства (Gorz, 1999: 100-2). Это стало бы обращением вспять нынешней тенденции в Северной Америке и Великобритании, где все большее распространение получает коммерциализация и приватизация городских пространств, предназначенных в первую очередь для изолированных и зависимых потребителей (см. Zukin, 1995; Minton, 2009).

Эти идеи мультиактивного или основанного на культуре общества могут показаться возвышенными и далекими с точки зрения сегодняшнего дня, но их главная функция в настоящем - стимулировать воображение. Требуется не мгновенное изменение политики «сверху вниз», а более постепенный процесс коллективного изучения и открытых дебатов. Действительно, возможно, одна из причин, почему демократические дебаты находятся в таком плачевном состоянии, заключается в том, что наша занятая жизнь оставляет нам так мало времени на изучение политики, организацию коллективных действий или выяснение того, что происходит в наших сообществах. Сила демократии зависит от того, есть ли у людей время, чтобы заниматься этим процессом и участвовать в нем. Разница между политикой времени и предписывающими утопиями прошлого заключается в том, что первая не стремится записать людей в какую-то заранее спланированную утопическую схему, а постепенно освобождает их от предписанных ролей, предоставляя им время, чтобы стать политически активными гражданами. Требование сократить рабочий день «не прописывает ни видение революционной альтернативы, ни призыв к революции, а скорее служит для привлечения участников к практике изобретения более широких методов и видения перемен» (Weeks, 2011: 222). Надежда заключается в том, что увеличение количества свободного времени позволит людям наладить новые отношения сотрудничества, коммуникации и обмена и тем самым стать участниками строительства собственного будущего.

Призыв к политике времени представляет собой приглашение начать демонтаж догмы работы в соответствии с гуманным набором идеалов, и ряд ученых и активистов уже возглавляют эту работу. Мы можем рассмотреть растущую группу экономистов, которые ставят под сомнение обоснованность роста ВВП как меры со-

циального благополучия (Jackson, 2009; Lane, 2000; Sen, 1999; Stiglitz et al., 2010), или тех социальных исследователей и философов, которые ставят под сомнение связь между процветанием человека и заикленностью капитализма на материальной выгоде (Schor, 1998; Soper, 2008). Что касается конкретного вопроса о рабочем времени, то мы можем указать на целый ряд организаций, которые разрушают пятидневную норму «девять на пять». В Великобритании Фонд новой экономики утверждает, что сокращение рабочей недели дает ряд потенциальных социальных и экологических преимуществ (Coote et al., 2010; Coote and Franklin, 2013). Его публикации способствуют попыткам денатурализовать нашу привязанность к сорокачасовой норме, указывая как на наше шестидесятичасовое прошлое, так и на предполагаемое двадцатичасовое будущее. Однако реальная сила материалов Фонда новой экономики заключается в том, что они помогают вывести дискуссию за рамки критики и спекуляций. Их публикации отражают мысль Эрика Олина Райта о том, что социальная и политическая справедливость должна достигаться путем создания «реальных утопий». Это предполагает выход за рамки критического диагноза и футуристических фантазий, чтобы включить систематический анализ того, какие альтернативы были бы наиболее осуществимы и желательны. Это также предполагает изучение настоящего, чтобы выявить наиболее эффективные векторы сопротивления и социальных преобразований (Wright, 2010). Остается надеяться, что аргументы в пользу общества, менее ориентированного на работу, будут и дальше двигаться в этом более обоснованном направлении, а также станут более публичными и энергичными.

Дискуссия будет более убедительной, если в нее удастся включить опыт экспериментов с альтернативами. Некоторые европейские страны уже завоевали репутацию новаторов в области рабочего времени. Во Франции два закона (один в 1998 году, другой в 2000-м) установили тридцатипятичасовую неделю в качестве новой нормы, в отличие от обычных сорока. К 2004 году в Германии профсоюзы также добились введения тридцатипятичасовой недели для примерно одной пятой части рабочей силы. В середине 2000-х годов сокращение рабочей недели в Германии встретило сопротивление со стороны многих работодателей, однако в настоящее время сокращение рабочего времени снова стоит на повестке дня в стране как метод борьбы с безработицей (кроме того, есть много примеров меньших побед в таких странах, как Нидерланды, Дания, Норвегия и Бельгия (Hayden, 2013)). В качестве более свежего примера можно обратиться к Швеции и предложению города Гетеборга в 2014 году опробовать шестичасовой рабочий день для работников государственного сектора без снижения заработной платы. Заместитель мэра Гетеборга Матс Пильхем был уверен, что предложение не окажет негативного влияния на производительность труда, поскольку неоспоримым фактом является то, что большинство работников с трудом сохраняют концентрацию внимания в течение обычного восьмичасового дня (Withnall, 2014).

В качестве последнего примера мы можем обратиться к Партии зеленых Великобритании, для которой сокращение рабочей недели уже является официальной социальной политикой, требующей затрат. Стремясь более справедливо распределить имеющуюся работу и дать людям больше свободного времени, партия обязалась добиваться введения тридцатипятичасовой рабочей недели в Великобритании, а также выступать против любого ослабления правительственных норм, касающихся

максимального рабочего времени. Эта политика является ключевым элементом более широкого обязательства Партии зеленых признать ценность деятельности и форм самоорганизации за пределами формальной экономики. В официальной политике партии работа определяется как «все виды деятельности, которыми люди занимаются, чтобы поддерживать себя, свои семьи и сообщества» (Green Party, 2014b). В заявлении Партии зеленых Уэльса говорится, что «наша способность к знаниям, изобретениям, взаимодействию и импровизации практически безгранична» (Green Party, 2014a), и политика партии по сокращению рабочего дня была разработана для того, чтобы создать больше пространства для развития этих видов деятельности и способностей.

Одна из главных дилемм, с которой сталкиваются новаторы в области рабочего времени, - это, конечно, вопрос о том, как сократить рабочее время так, чтобы низкооплачиваемые работники не потеряли в доходах. Для большинства сторонников перехода к обществу, менее ориентированному на работу, неотъемлемым элементом любой политики сокращения рабочего времени является отказ от работы как основного способа распределения доходов в обществе. Признавая, что нехватка и незащищенность работы сделали ее непригодной для распределения доходов, многие утверждают, что работа и доход должны быть разделены, и рассматриваются альтернативные системы распределения богатства. Наиболее популярной альтернативой среди ученых и активистов в Европе и Северной Америке является Базовый доход. [1] Принцип достаточно прост для понимания. Как объяснил его Бертран Рассел в 1918 году: «Определенный небольшой доход, достаточный для удовлетворения потребностей, должен быть обеспечен для всех, независимо от того, работают они или нет» (Russell, 1918). Базовый доход основан на убеждении, что каждый человек заслуживает доступа к ресурсам, необходимым для удовлетворения основных потребностей, и призван установить базовый уровень, ниже которого доход не должен опускаться. Граждане, желающие увеличить свой заработок или сделать профессиональную карьеру, по-прежнему смогут делать это через традиционные каналы оплачиваемой работы, но Базовый доход защитит всех членов общества от угрозы нищеты. Мы надеемся, что, избавившись от угрозы голода, люди смогут развивать различные интересы и способности, без страха вести кампании за улучшение условий труда, а также вести более насыщенную и разнообразную жизнь вне работы.

Эта политика имеет два новых и неотъемлемых элемента, которые отличают ее от современной политики социального обеспечения. Во-первых, Базовый доход является универсальным, его получает каждый человек как право национального гражданства, а во-вторых, он является безусловным, его получают независимо от того, выполняет ли человек работу или вносит какой-либо другой социальный вклад. Также обычно утверждается, что базовый доход должен быть индивидуальным правом и выплачиваться каждому человеку в соответствии с его личными правами, а не назначенному главе семейной ячейки. Дальнейшие детали этой политики остаются открытыми для обсуждения, включая такие вопросы, как, например, что является разумной суммой для удовлетворения основных потребностей, должна ли эта сумма меняться в течение жизни, и как дети будут вписываться в эту схему. Если Базовый доход кажется дико нетрадиционным, стоит отметить, что для ряда поли-

тических партий Европы (в том числе и для Партии зеленых Великобритании) он уже существует в качестве официальной социальной политики, рассчитанной по стоимости. [2] Теперь, когда он перестал быть академической диковинкой, интерес к Базовому доходу, похоже, растет. Ученые и активисты изучают предложения по Базовому доходу с разных сторон, обсуждая его моральные и философские обоснования, экономическую и политическую целесообразность, а также его потенциальные преимущества для свободы и социальной справедливости. (Широкий спектр материалов для обсуждения можно найти в антологии, подготовленной Уидерквистом и др. (2013)).

Детальный анализ политики сокращения рабочего дня или альтернативных методов распределения доходов выходит за рамки данной книги, однако справедливости ради следует отметить, что такая политика не может рассматриваться как волшебное лекарство от всех бед общества. Потенциальные преимущества меньшего количества работы не будут получены автоматически, а целесообразность и официальная цель любых изменений в политике должны быть тщательно обсуждены. Поскольку в настоящее время трудно представить себе радикальное сокращение рабочего времени, важно, чтобы активисты продолжали вести кампанию за улучшение условий труда и повышение прожиточного минимума. Очевидно, что еще предстоит подумать над тем, можно ли и как плодотворно сочетать требования о менее ориентированном на работу будущем с непосредственными требованиями об улучшении условий труда и о зарплате, которая не будет отставать от прожиточного минимума. Тем не менее, я считаю, что вышеперечисленные альтернативы представляют собой освежающий проблеск надежды в мутной луже ведения бизнеса, как обычно. Они напоминают о том, что «нормальный» - это гибкая категория, которая всегда готова к переосмыслению, и служат обнадеживающим признаком того, что многие сейчас рассматривают альтернативы обществу, ориентированному на работу. Вдохновляясь различными инакомыслящими (будь то активисты, философы, исследователи или антирабочие, представленные в этой книге), давайте вместе начнем разрушать догмы о работе, тщательно анализируя привязанность общества к работе как к незаменимому источнику дохода, прав и принадлежности. Давайте укажем на патологические черты сегодняшнего общества, ориентированного на работу, и будем настаивать на том, что будущее может быть иным.

Дорога вперед

Если перспектива создания общества, менее ориентированного на работу, звучит привлекательно, то негативная сторона заключается в том, что, похоже, в настоящее время не существует культурного движения, способного разработать политику времени. Соппротивление работе, которое я исследую в этой книге, точнее назвать ментальностью или потенцией, чем сформированным и последовательным политическим проектом. Те, кто сопротивляется работе, как бы мы их ни определяли, не имеют ни общей миссии, ни публичного голоса, ни реального единства за пределами их общего опыта. Они воплощают культурное разочарование в работе, которое еще не нашло коллективного выражения или политической поддержки, и сможет

ли растущее недовольство стилем жизни «работай и трать» трансформироваться в настоящую социальную альтернативу, еще предстоит выяснить. Изменение менталитета уже произошло, но чего «жестоко не хватает, так это публичного выражения его смысла и скрытого радикализма» (Gorz, 1999: 60). Учитывая это, что мы можем сделать, чтобы помочь создать сопротивление трудовой догме?

1. Открывайте двери для дискуссии

Мое первое предложение заключается в том, чтобы открыть двери дискуссии. Прежде всего, открытие дверей подразумевает, что критики работы будут предпринимать более согласованные попытки обратиться к публике, а не к небольшой группе ученых. Мы могли бы надеяться на более публичное исследование жизненных реалий работы и безработицы, помогающее показать диссонанс между мифической святостью работы, с одной стороны, и тревожными реалиями реального опыта людей, с другой. Такой проект может включать в себя четкое обязательство продемонстрировать широкому кругу людей, что проблемы с работой имеют общую структурную основу, а не являются специфическими для конкретных работодателей или антагонистов на рабочем месте.

Открытие дверей дискуссии также подразумевает демонстрацию того, как много существует способов вступления в критический диалог. Многие из последних работ выдвигают на первый план экологические аргументы в пользу общества, менее ориентированного на работу, признавая потенциальные экологические преимущества, если рост производительности труда будет направлен на повышение благосостояния во времени, а не на производство большего количества потребительских товаров. Также высказывалось предположение, что люди, имеющие больше свободного времени, могут быть более способны и склонны к участию в экологически чистых, но требующих больших затрат времени практиках, будь то езда на велосипеде вместо вождения автомобиля, ремонт вместо выбрасывания мусора или самопроизводство вместо покупки упакованных товаров (Hayden, 1999; 2013). Как мы видели в главе 6, некоторые первые доказательства пользы времени для ведения более экологичного образа жизни были найдены в моих собственных исследованиях, которые показали, что люди с удовольствием сокращают удобные или компенсаторные формы потребления, когда у них появляется больше свободного времени.

Если экология представляет собой один из потенциальных путей к дискуссии, то другие могут вступить в разговор в интересах общественного здоровья. В 2014 году Джон Эштон, один из ведущих специалистов в области общественного здравоохранения, рекомендовал четырехдневную рабочую неделю в качестве решения целого ряда проблем со здоровьем, от высокого кровяного давления до стресса и депрессии. Он предположил, что тревожные показатели этих заболеваний можно отчасти объяснить неправильным распределением труда, из-за которого одни люди страдают от последствий длительного рабочего дня для здоровья, а другие - от безработицы и нищеты (Campbell, 2014). Можно надеяться, что в ближайшем будущем будет развиваться дискуссия об общественном здоровье, которая будет более настойчиво бороться с социальными причинами болезней. Критик Марк Фишер называет это стремлением «переполитизировать» болезнь, утверждая, что стресс и другие современные аффективные расстройства - это формы «захваченного недовольства»: локализованные признаки более широких системных нарушений гармонии, кото-

рые социальный аналитик должен распаковать и развить в более широкую критику политического статус-кво (Fisher, 2009: 80). С этой точки зрения такие проблемы, как стресс, тревога и депрессия, являются не столько личными проблемами, сколько глубокими обвинениями в адрес современного общества, ориентированного на работу, и связанных с ним проблем незащищенности, отчуждения и принуждения к такому темпу жизни, который часто опережает способность организма к процветанию и восстановлению. Вместо того чтобы рассматривать современные болезни как личные патологии, которые необходимо профессионально оценить и вылечить с помощью медицины, мы должны признать, что напряжение общества, ориентированного на работу, создало ситуацию, в которой быть здравомыслящим может быть безумием. Другими словами, мы должны признать, что пределы наших тел, равно как и пределы нашей планеты, теперь предупреждают нас о необходимости социальных изменений.

Существует и ряд других возможных путей для обсуждения. Некоторые феминистки заинтересовались сокращением рабочего дня, полагая, что такая политика позволит более равномерно распределить оплачиваемый и неоплачиваемый труд между женщинами и мужчинами. Идея заключается в том, что сокращение рабочего дня в сочетании с более справедливым распределением труда может повысить уровень участия женщин на рынке труда, а также оставить мужчинам больше времени для участия в семейной жизни. Таким образом, сокращение продолжительности рабочего дня представляет собой возможное решение проблемы пресловутой «двойной смены», в которую работают многие женщины, чье право на оплачиваемый труд до сих пор не подкреплено дополнительным правом на свободу от домашних обязанностей (см. Hochschild, 1990). Однако, как бы риторически ни было заманчиво подчеркнуть важность семейной жизни, нам следует остерегаться строить аргументацию в пользу уменьшения количества работы только на «семейных ценностях». Одна из слабых сторон акцентирования внимания на семейном времени заключается в том, что это позволяет заключить аргументы в пользу сокращения работы в лексикон ответственности и долга: «Проблема, как мне кажется, заключается в том, что использование морализации неоплачиваемого труда для аргументации сокращения оплачиваемого труда исключает более широкий или более настойчивый пересмотр доминирующих трудовых ценностей» (Weeks, 2011: 159).

Лексика моей книги - это не лексика ответственности и долга, а лексика свободы. Я сосредоточился на нашем беспокойном желании вырваться из реалий трудовой жизни, и я убежден, что самое важное преимущество меньшего количества работы - это обещание позволить нам жить более разнообразной и дружной жизнью. Со своей стороны, я считаю, что призыв к уменьшению количества работы наиболее убедителен в качестве празднования человеческой способности к автономии: «способности представлять и воссоздавать себя и свои отношения, свободы проектировать, в пределах очевидных границ, наши собственные жизни» (Weeks, 2011: 168) - способности, которую общество, ориентированное на работу, заблокировало через процессы отчуждения и колонизации. Однако, если мы хотим выстроить убедительную аргументацию против работы, нам следует обратить внимание на широту сегодняшнего критического вклада. Активистам не мешает подчеркнуть, что сопротивление догме работы может быть одновременно сопротивлением в защиту

окружающей среды, здоровья, гендерного равенства, семьи, личной автономии и, не будем забывать, в защиту удовольствия.

2. Проявляйте активный интерес к аутсайдерам общества

Исследовательское вмешательство в догму работы потребует от исследователей активного интереса к ценностям и практикам людей, находящихся на обочине общества. Роль исследователя, которую я себе представляю, - это человек, использующий свои навыки и проницательность для солидарной работы с движениями за отказ от работы. Макс Хайвен и Алекс Хаснабиш утверждают, что в условиях монополизации социальных исследований академическими институтами исследователи слишком часто работают на социальные движения, а не с ними. Слишком часто роль исследователя сводится к тому, чтобы «налететь» сверху, применить дисциплинарную перспективу и создать зерно для академической мельницы (Haiven and Khasnabish, 2014: 13). Как утверждает Майкл Биллиг, публикации, связанные с этими исследованиями, часто невразумительны и в высшей степени самореферентны (и, в любом случае, часто не видят света за пределами академии) (Billig, 2013). Как и Хайвен и Хаснабиш, я хотел бы видеть уверенную защиту исследователя, который работает в солидарности с социальными движениями ради трансформационных социальных изменений, а не работает на социальные движения ради создания академического капитала.

Для того чтобы стимулировать долгосрочный исследовательский проект по отказу от работы, исследователям потребуется здравый ум, чтобы подходить к людям на обочине общества не просто как к отверженным индивидам, нуждающимся в реинтеграции, но как к потенциальным источникам вдохновения для аргументации против работы. Эмансипирующая социальная наука не будет ни порочить образ жизни, основанный на работе и потребительстве, ни внушать, что отклонение от этой нормы всегда влечет за собой лишения и стыд. Мы могли бы надеяться увидеть больше исследовательских проектов, в которых рассматриваются образцовый опыт и практики, изучающие способы жизни, сотрудничества, самовыражения и творчества за пределами неквалифицированной и микроуправляемой сферы занятости. Мы можем надеяться увидеть больше исследовательских проектов, которые остаются открытыми для возможности удовлетворения потребностей менее традиционными способами, вне рамок экономических отношений обмена. Возможно, благодаря своим исследованиям ученые смогут пролить свет на невоспроизводимую изобретательность людей, которые уже разрабатывают свои собственные концепции удовольствия, достатка, богатства и благополучия, подходящие для общества, менее ориентированного на работу. И если исследователи будут готовы изложить свои выводы в понятном стиле, возможно, читатели почерпнут вдохновение из этих примеров, и некогда разрозненные или раздробленные группы отказников и аутсайдеров обретут большее чувство единства и коллективной цели.

3. Присоединяйтесь к словесной битве. И будьте вооружены

Битва против трудовой догмы - это в какой-то степени битва за язык. На протяжении всей этой книги мы видели несколько примеров того, как общество способно пережевывать и проглатывать сопротивление, либо завладевая радикальным языком, либо преждевременно закрывая доступ к критическому общению. Если когда-то считалось, что капиталистическим идеологиям можно бросить вызов, отстаивая

право «быть собой», то в главе 2 было показано, как эта идея была подхвачена современной управленческой культурой удовольствия. Если многие выступают против работы, то в главе 4 показано, как инакомыслящие подавляются и унижаются из-за того, что СМИ склонны обсуждать акты сопротивления на языке отклонений и индивидуальных патологий. Если критики догмы работы хотят присоединиться к этой лингвистической битве, им лучше быть во всеоружии. Например, как насчет того, чтобы ответить на моральную панику вокруг сегодняшней так называемой «культуры прав», разработав критику более распространенной сегодня «культуры благодарности»? Именно культура благодарности процветает, когда, сгибаясь под давлением необходимости выжить, люди начинают бросаться в любую форму работы, которая обещает обеспечить их карьерный рост, независимо от того, является ли эта работа оплачиваемой или неоплачиваемой, подходящей или неподходящей. Культура благодарности процветает и в моей собственной области - академической, где жесткая конкуренция за рабочие места не оставляет младшим научным сотрудникам иного выбора, кроме как с головой окунуться в любую возможную работу. В этом гиперконкурентном контексте суетиться по поводу таких вопросов, как контракты, зарплата и условия труда, стало почти делом дурного вкуса. Нужно просто быть благодарным за то, что у вас вообще есть такая возможность (см. Brunning, 2014). Вместо того чтобы осуждать людей, которые сопротивляются работе из-за их предполагаемого чувства права, как насчет того, чтобы всем нам стать немного более правомочными и построить новую смелую критику сегодняшней культуры благодарности?

В целом, кажется, что нам нужно более творчески подходить к вопросу и направлять дискуссию в то русло, которое обнажает устаревшую природу трудовой этики. Нам нужно бросить вызов экономической рациональности, найдя способы говорить о внутренней, культурной и общественной ценности нетрудовой деятельности. Нам нужно заново придумать термин «работа», чтобы описать гораздо более широкий спектр деятельности, чем оплачиваемая работа, и развенчать ложную дихотомию, которая гласит, что человек либо работает, либо не делает ничего ценного. Вопрос о том, как мы можем назвать движение против работы, тоже представляется весьма важным. В нескольких местах этой книги я говорил о мотивах моих интервьюируемых, используя понятие «достойной этики» Дэвида Кэннона. Принятие «достойной этики» означает сомнение в святости оплачиваемой работы и настаивание на том, что есть другие, потенциально более достойные занятия, вокруг которых можно организовать жизнь. Я позаимствовал этот термин, потому что он, как мне кажется, имеет определенные преимущества в качестве способа описания сопротивления работе. Наиболее очевидным является его намеренное зеркальное отражение концепции, которую он надеется заменить, - трудовой этики, - но у него есть и ряд других достоинств. Прежде всего, понятие движения, основанного на «этике, которая стоит того, чтобы работать», позволяет избежать ловушки, связанной с попыткой объединить людей на основе существующих социальных категорий, таких как класс или пол. От перехода к обществу, менее ориентированному на работу, выиграют самые разные люди, и стремление к более самоопределенной жизни не принадлежит какой-то одной демографической группе. Желание выйти за пределы жизни, ориентированной на работу, возникает там, где люди ощущают разрыв между своими идеалами и

реальностью, где они чувствуют разрыв между своими социально предписанными ролями и самоощущением. И неважно, кто эти люди - старые или молодые, мужчины или женщины, с семьями или без, работающие или неработающие, богатые или бедные. Преимущество «достойной этики», как знамени, под которым люди могли бы объединиться, заключается в том, что она широка и не ограничивает борьбу какой-либо конкретной культурной группой. Что считать «достойным», каждый человек решает сам.

Еще одно концептуальное преимущество «достойной этики» заключается в том, что она подчеркивает мысль, которую я высказывал на протяжении всей этой книги: те, кто сопротивляется трудовой этике, не обязательно лишены морали, как это часто предполагают стереотипы. Упоминание об этике указывает на то, что существуют и другие принципы, помимо преданности работе, которые могут позволить людям придать своей жизни смысл и чувство направления. В этом смысле понятие достойной этики можно рассматривать как улучшение концепции «безделья», как призыв к борьбе с трудовой догмой. Несмотря на то, что последняя концепция задумывалась как юмористическая (и в случае с «Альянсом бездельников» ей удалось захватить воображение самых разных людей), она будет контринтуитивной, если в итоге укрепит убеждение, что сопротивление работе - это всегда ленивая жизнь. Несколько участников моего исследования, которые не были связаны с Альянсом бездельников, на самом деле были несколько обескуражены тем, что участвовали в одном исследовании с людьми, называющими себя «бездельниками», потому что они считали, что это искажает их активный образ жизни. По возможности мы должны стараться показать, что жизнь без работы не обязательно пуста и морально безрадостна.

4. Отстаивайте важность воображения

В заключение я хотел бы подчеркнуть важность постоянной приверженности утопическому стилю мышления и анализа. Рут Левитас определяет утопию как «выражение стремления к лучшему образу жизни» (Levitas, 1990: 9). Вместо того чтобы экстраполировать настоящее, утопическое мышление побуждает нас сначала подумать о том, где мы хотим быть, а затем о том, как мы можем туда попасть. Воображение альтернативного и более желанного будущего помогает нам задуматься о желаниях, которые наши нынешние социальные условия породили, но оставили нереализованными. Однако если это звучит как достойный проект, то прилагательное «утопический» столь же часто используется в уничижительном смысле, когда речь идет о человеке, выступающем за нереальные реформы или питающем абсурдное стремление к совершенству общества. Как отмечает Левитас, это пренебрежение варьируется от добродушного до смертельно серьезного. На одном конце шкалы утописта называют мечтателем, а на другом - тираном, забывшим об исторических связях между утопизмом и тоталитаризмом (Levitas, 1990: 3). По моему собственному опыту, слово «утопист» обычно звучит именно в уничижительном смысле.

В противовес этой тенденции я бы хотел, чтобы мы отстаивали ценность более утопического способа мышления и общения. Если последние экономические кризисы и показали нам что-то, так это то, что одного кризиса недостаточно для подлинных социальных изменений. Как бы ни разрастался кризис, позитивные изменения не произойдут, если мы как общество не будем открыты для идеи, что альтернатива действительно возможна. Смысл утопического мышления заключает-

ся в том, чтобы напомнить нам, что всегда есть способы сделать все по-другому; оно побуждает нас создавать что-то новое из кризиса вместо того, чтобы искать все более абсурдные способы решения социальных проблем в рамках существующей системы. Мне кажется, что каким бы разрушенным ни было общество, ориентированное на работу, - каким бы ни был уровень безработицы и неполной занятости, каким бы стрессом и подавленностью ни чувствовали себя современные работники, каким бы сильным ни был этот стресс, выливающийся в расизм, насилие и наркоманию, и какой бы нагрузкой ни был экономический рост на окружающую среду, - позитивные социальные изменения не могут произойти, если мы не начнем активно искать и изучать возможность альтернатив. Если снова воспользоваться фразой Кэти Векс, важность утопического мышления заключается в том, чтобы «нейтрализовать власть настоящего» (Weeks, 2011: 205). Оно призвано помочь нам мыслить шире наших слишком привычных горизонтов возможностей.

Это не означает, что мы даем и навязываем предписания по социальным изменениям, и здесь нет никаких предположений о том, что меньшее количество работы может стать лекарством от всех общественных бед. Все, что я хотел сделать в этой книге, - это просто предоставить возможность поставить вопросы об аспектах социального мира, которые в противном случае могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся или казаться неизменными. Развитие нового образного отношения не предполагает отрицания нынешних потребностей и удовольствий от работы, но оно означает создание здоровой критической дистанции между нами и обществом, ориентированным на работу. Утопические комментарии должны пытаться провоцировать, подстрекать и вдохновлять, воспитывать в читателе чувство желания и, не поддаваясь пустому оптимизму, вызывать к чувству надежды. Если кто-то укажет на нереалистичность утопического мышления, критик должен ответить, что наши представления о реалистичности социально структурированы, как и заблуждение, связанное с верой в то, что все может спокойно продолжаться так, как есть.

В конечном счете, несомненно, что работа дает доступ к ряду жизненно важных удовольствий - если не всегда в самом процессе производства, то в форме социального взаимодействия, денежного вознаграждения, чувства статуса или возможности вести публичное существование. Однако я задаю вопрос: почему наше право на все это должно зависеть от нашего желания работать - деятельности, которая зачастую является эксплуататорской и экологически вредной, не говоря уже о том, что она дефицитна? Почему мы не можем начать политическую дискуссию с размышлений о других способах удовлетворения потребности в доходах, правах и чувстве принадлежности? Тем, кто считает, что альтернативы обществу, ориентированному на работу, не существует, я заявляю, что это глубоко печальное общество, которое не может представить себе будущее, где чувство социальной солидарности и чувство сопричастности достигаются не через товарные отношения.

Примечания

Введение

1. Аргументы мыслителей, выступающих под знаменем критической социальной теории, послужили значительным источником вдохновения для этой книги. Однако там, где необходимо было сделать выбор, я, как правило, избегал исчерпывающих резюме научной литературы в пользу сохранения фокуса повествования. Хотя эта книга не является местом для подробного изложения критической социальной теории, заинтересованные читатели могут воспользоваться двумя превосходными академическими комментариями: Эдварда Грантера «Критическая социальная теория и конец работы» (Granter, 2009) и Кэти Вика «Проблема с работой» (Weeks, 2011). Среди других ключевых источников вдохновения - работы Андре Горца, особенно «Критика экономического разума» (Gorz, 1989) и «Отвоевываем работу» (Gorz, 1999), а также автономистская работа Франко Берарди «Душа на работе» (Berardi, 2009). Я также написал краткий обзор критики труда в «Справочнике SAGE по социологии труда и занятости» (Frayne, готовится к публикации).

Глава 1

1. Хотя автономная деятельность осуществляется как самоцель, это не обязательно означает, что продукты автономной деятельности никогда не приносят пользы кому-либо еще или не имеют меновой стоимости. Например, музыкант может доставлять удовольствие другим людям, а также зарабатывать на жизнь, продавая записи своей музыки. До тех пор, пока музыкант остается внутренне мотивированным своим собственным представлением о благе, его деятельность остается автономной. По мнению Горца, решающим в вопросе о том, можно ли считать деятельность автономной, является ее основное намерение. Если музыкант соблазнится, возможно, обещанием славы или богатства и будет подстраивать свою музыку под те эстетические стили, которые, по его мнению, нужны рынку, то он рискует превратить свою автономную деятельность в экономическую.

2. Политический проект, обычно приписываемый Марксу, - это то, что мы можем назвать социалистической модернизацией. Согласно этой хорошо отрепетированной теории, обнищание рабочих рассматривается главным образом как проблема собственника: рабочие (или пролетариат) отчуждены в результате своего низшего положения в производственных отношениях. Не обладая капиталом, они вынуждены работать за зарплату, практически не контролируя цели и условия своего труда. Их эксплуатируют: платят меньше, чем истинная стоимость их труда, чтобы элитный класс собственников (буржуазия) мог наживаться на плодах их труда. Маркс, с которым обычно впервые сталкиваются студенты, призывает к «коллективному присвоению»: отмене классовой системы и прекращению эксплуатации через борьбу рабочих за коллективную собственность на средства производства. Тогда отчужденный труд может стать не отчужденным - истинным выражением производительных

способностей рабочих. Однако призыв Маркса к коллективному присвоению средств производства - или «простой марксистский аргумент» (Booth, 1989: 207) - можно противопоставить идеям его поздних работ, в которых, по мнению некоторых, он умерил свой прежний энтузиазм в отношении труда. Было высказано предположение, что сам Маркс «не мог четко решить, означает ли коммунизм освобождение от труда или освобождение труда» (Berki, 1979: 5). Более подробное обсуждение различия между «простым» и «послерабочим» Марксом см. в Granter (2009: глава 4).

3. Любопытные читатели могут найти более подробное изложение связи Маркузе с аргументами в пользу сокращения рабочего дня в других источниках (например, Granter, 2009: Chapter 5; Bowring, 2012; Frayne, готовится к публикации).

4. Более подробный обзор идей Андре Горца см. в доступном введении Лодзиака и Татмана (1997) или в более глубоком труде Боуринга (2000a). В последней подробно рассматриваются связи Горца с социальной теорией, а также его ранние работы в области экзистенциальной философии.

5. Бертран Рассел привел аналогичный аргумент в отношении работы преподавателей. Рассел предложил учителям работать гораздо меньше, чем они работают сейчас, наслаждаясь деятельностью и завязывая социальные контакты вне сферы образования. Он утверждал, что «спонтанное удовольствие от присутствия детей», необходимое для здоровых педагогических отношений, трудно сохранить в течение длительного времени: «Переутомленным учителям совершенно невозможно сохранить инстинктивную симпатию к детям; они неизбежно начинают относиться к ним, как пресловутый ученик кондитера относится к макаронам... Усталость, в конце концов, порождает раздражение, которое, скорее всего, так или иначе выразит себя, в какие бы теории ни заставлял себя верить измученный учитель» (Russell, 2004b: 146). Горц считает, что цель профессионального отпуска - избежать такого спада:

заставить работников (в том числе и учителей) «воспринять свежие идеи, по-новому взглянуть на свои ситуации, расширить горизонты, оживить воображение» (Gorz, 1989: 194).

6. Международная организация труда отвечает за официальный уровень безработицы и использует в качестве источника данных Labour Force Survey. Объяснение различий между официальными показателями безработицы и более комплексными показателями, используемыми Конгрессом профсоюзов, см. в статье Конгресс профсоюзов (2013).

7. Недавний отчет Фонда Джозефа Раунтри показал, что в Великобритании в 2013 году около 13 миллионов человек жили в бедности. (В отчете домохозяйство классифицируется как «малообеспеченное» или «живущее в бедности», если его доход после уплаты налогов составляет менее 60 % от национального медианного дохода домохозяйства за определенный год). Удивительно то, что около 6,7 миллиона из этих людей фактически проживали в семьях, в которых был хотя бы один работающий член. В том же отчете говорится, что в 2012 году около 27 % работающих женщин и около 15 % работающих мужчин получали зарплату ниже прожиточного минимума в Великобритании, составляющего 7,45 фунта стерлингов в час. Значительное число людей также сталкивается с бедностью, потому что они не полностью заняты, ищут работу на полный рабочий день, но могут найти только неполную занятость. По оценкам отчета JRF за 2013 год, незадолго до его публикации к этой категории относились

1,4 миллиона граждан Великобритании (MacInnes et al, 2013). Работающие бедняки составляют значительную, но практически не учитываемую часть населения в якобы благополучных обществах, и их опыт доказывает, что работа не всегда является билетом из бедности. Многие из работающих бедняков нанимаются через агентства или на временной основе и могут быть недостаточно защищены законодательством о занятости или профсоюзами. Поэтому такие работники, скорее всего, лишены преимуществ постоянного трудового договора, таких как оплачиваемый отпуск или больничный. Подобные исключения вызывают особую обеспокоенность в США, где именно работодатели, а не государство, предоставляют доступ к социальным страховкам, таким как медицинское обслуживание (Markova and McKay, 2008).

8. Многие низкооплачиваемые работники, особенно в сфере розничной торговли и фаст-фуда, работают по противоречивым контрактам с нулевым графиком, когда их постоянно вызывают на работу, но не дают им гарантированных часов, а платят только за отработанные часы. По данным Управления национальной статистики, в 2008 году в Великобритании 116 000 человек работали по контрактам с нулевым графиком, а в 2012 году эта цифра выросла до 200 000. С другой стороны, данные, полученные Чартерным институтом персонала и развития, говорят о том, что это консервативная оценка. По данным их собственного исследования, к августу 2013 года более 1 миллиона человек в Великобритании работали по контрактам с нулевой занятостью.

9. В Великобритании ряд привлекающих внимание заголовков проиллюстрировал последствия нехватки квалифицированных рабочих мест. Газета The Telegraph сообщила, что одно из отделений франшизы кофеен Costa получило 1 701 заявку на восемь вакансий. Согласно отчету, многие из этих соискателей имели «значительно завышенную квалификацию» (Silverman, 2013). В другой статье говорится о том, что безработным выпускникам в Шотландии регулярно предлагают «урезать» свои резюме, чтобы найти работу (BBC News, 2012).

Глава 2

1. В одном запоминающемся примере из моей трудовой биографии на тренинге стажерам-кассирам нужно было разыграть ряд сценариев обслуживания клиентов. Приводили подставных покупателей и инструктировали их вести себя воинственно по отношению к стажерам. Под пристальным вниманием менеджеров, которые выставляли оценки на планшетах, стажеры должны были противостоять покупателям-актерам, сохраняя при этом спокойствие и продолжая улыбаться. По окончании упражнения стажерам сообщали об их ошибках с помощью обучающего видео, в котором под фонограмму поп-хита Натали Имбрулья «Wrong Impression» рассказывалось о правилах обслуживания клиентов компании.

Глава 3

1. Маркузе привел тот же аргумент о компромиссной природе времени вне работы в «Одномерном человеке», но интересно то, что Маркузе перевернул терминологию Адорно. Для Маркузе «свободное время» - редкость, и именно «досуг» «процветает в индустриальном обществе, но... несвободен в той степени, в какой им управляют бизнес и политика» (Marcuse, 2002: 52).

2. Для обоснованного введения в неолиберализм я рекомендую отличную книгу Дэвида Харви «Краткая история неолиберализма» (Harvey, 2005).

3. Я имею в виду не тяжеловесные философские работы Рассела, а его более доступные созерцательные эссе - в первую очередь те, что вошли в сборники «Похвала праздности» (Russell, 2004a) и «Поиски счастья» (Russell, 2006). Моя ссылка на эстетическую привлекательность прозы Рассела в этих работах не случайна: Рассел утверждал, что одной из издержек общества, все больше увлекающегося эффективностью, является то, что «представление о речи как о чем-то, способном иметь эстетическую ценность, угасает, и все чаще считается, что единственная цель слов - это передача практической информации» (Russell, 2004d: 19). Слова самого Рассела противостоят этой тенденции, и их приятно читать сами по себе.

4. Эти цифры основаны на прогнозах, полученных в ходе исследования студенческих долгов, проведенного компанией Push. В опросе приняли участие 2 808 студентов 115 британских университетов, и в нем учитываются суммы, которые они должны родителям, банкам и организациям, предоставляющим студенческие кредиты. См. www.push.co.uk.

5. В 2014 году компания savoo.co.uk опросила 1 505 выпускников, готовы ли они работать на неоплачиваемой стажировке, чтобы получить опыт. Около 85 % ответили, что готовы, причем 65 % заявили, что сделали бы это, даже если бы в конце не было гарантии трудоустройства (HR Review, 2014).

6. Данные Ассоциации экономической истории, «Часы работы в истории США» (доступно на сайте <http://eh.net/encyclopedia/hours-of-work-in-u-s-history/>).

7. Данные eMarketer Digital Intelligence, 'Mobile Shines Amid Rising Digital Ad Spending', 13 октября 2011 года (доступно по адресу www.emarketer.com/Article.aspx?R=1008639).

Глава 4

1. Помимо прочих мифов, отчет Turn2Us также опровергает идею о том, что государство всеобщего благосостояния засорено «проблемными домохозяйствами», характеризующимися большим количеством детей и несколькими поколениями иждивенцев. В нем также приводятся факты, опровергающие пагубное мнение о том, что люди регулярно выбирают жизнь на пособия, потому что это выгодно с финансовой точки зрения.

2. В докладе Бюро гражданских консультаций приводится более подробный обзор изменений в политике Великобритании (Citizens Advice Bureau, 2013).

3. Даже самый беглый поиск в Интернете позволяет найти множество печальных историй о последствиях неудачных заявлений: от людей с ограниченными возможностями, которым лишили пособия из-за того, что они время от времени занимались волонтерской работой, до людей с дегенеративными и хроническими заболеваниями, которым АТОС сказала, что они «поправятся», и до историй крайней бедности и, в конце концов, самоубийств. Бюро гражданских консультаций собрало некоторые из этих историй в своем отчете «Наказание за бедность» за 2013 год, о котором говорилось выше.

4. Чтобы прочувствовать это наследие, см. статью Waters and Moore (2002), в которой приводится ряд ссылок на исследования, непосредственно изучающие одну из психологических потребностей, выявленных Jahoda и коллегами.

5. Стоит отметить еще несколько примеров. Терроризм консенсуса: «Процесс, в ходе которого решаются вопросы отношения и поведения в офисе». Эмоциональный

взрыв кетчупа: «Сдерживание мнений и эмоций внутри себя, чтобы они вырвались наружу в один момент, шокируя и сбивая с толку сотрудников и друзей - большинство из которых думали, что все в порядке». Овербординг: «Компенсация страхов перед будущим путем погружения с головой в работу или образ жизни, казалось бы, не связанный с прежними жизненными интересами» (Coup land, 1991).

6. См. http://www.euromayday.org/

Глава 5

1. В соответствии с общепринятой этической практикой участников заверили в том, что они останутся анонимными, хотя, что интересно, некоторые из тех, с кем я встречался, протестовали против этого решения. Эти люди были очень похожи на неработающих, которых журналист Бернард Лефковиц интервьюировал в 1970-х годах. Лефковиц писал: «Большинство людей, с которыми я беседовал, не просили анонимности в обмен на откровенность. Они считали, что переход от работы к неработе требует мужества. Они чувствовали, что если я замаскирую их, это будет означать, что они испытывают чувство вины или стыда» (Lefkowitz, 1979: предисловие). Люди гордились своим выбором образа жизни и хотели, чтобы их отметили в книге. Хотя я понимаю их доводы, в конечном итоге я пошел против их желания и не считаю, что они должны нести ответственность за истории, которыми они поделились. Все имена здесь - псевдонимы, а многие идентифицирующие детали были изменены. За исключением этих незначительных изменений, все выдержки из интервью цитируются дословно.

2. Бергер и Пулберг утверждают, что социология сама способствует овеществлению, поскольку в качестве основной реальности она часто рассматривает социальные роли и социальные законы, а не интенциональных людей. Овеществляющая социология изображает мир, в котором «никто больше не существует». Социальное взаимодействие представляется почти механически, как мир ролей, спонтанно сталкивающихся в своего рода «эктоплазматическом обмене» (Berger and Pullberg, 1966: 66).

3. К моменту написания книги ситуация изменилась: и Мэтью, и Люси устроились работать ассистентами покупателей в известную сеть оптик.

4. Риски для здоровья, связанные с обществом, ориентированным на работу, особенно опасны в условиях отсутствия гарантий занятости. См. Nolan et al. (2000) и Benach and Muntaner (2007), которые приводят ряд исследований, в которых, среди прочего, связывают отсутствие безопасности на работе с чувством беспомощности, нарушением сна, распадом брака и снижением способности формировать и реализовывать планы.

5. Студенты-социологи могут заметить связь между наблюдениями Горца и классической теорией больной роли Талкотта Парсонса. Согласно теории Парсонса, медицинское учреждение выступает в роли социального авторитета, который присваивает ярлыки состояниям здоровья и, по сути, решает, кто болен, а кто нет. Для того чтобы человек вошел в то, что Парсонс назвал «ролью больного» и получил освобождение от своей обычной обязанности работать, как правило, требуется медицинский диагноз от врача. Право не работать обычно зависит от согласия пациента взять на себя новый набор обязанностей, в том числе проявить ощутимые усилия для выздоровления. Пациент должен следовать рекомендациям врача, принимать лекарства

и посвящать все свое время отдыху и восстановлению, чтобы быстро вернуться к своей трудовой деятельности.

Глава 6

1. Хотя первоисточник этой цитаты неясен, многие сайты приписывают ее американской журналистке Эллен Гудман.

2. Заимствуя шутивное выражение моего хорошего друга, можно сказать, что Алан был представителем компании Bullshit Incorporated. Представители Bullshit Inc. не очень-то заботятся о социальной полезности своих рабочих ролей. Они берутся за работу, которая не требует больших обязательств и предоставляет мало возможностей для идентификации и моральной самореализации, выполняют ее качественно и профессионально, но в конечном итоге без страсти. Поскольку конечной целью всегда является финансирование досуга, самое главное - это оплата: конечная схема «Bullshit Inc.» - это умственно нетребовательная, но высокооплачиваемая работа.

3. Ким Хамфери предлагает отличную критику этого стиля антикапитализма в своей книге «Избыток» (Humphery, 2010).

4. Сопер явно вдохновлена критикой Франкфуртской школы (см. Soper, 1999). Она, кажется, намеренно повторяет концепцию «репрессивной толерантности» Маркузе, когда говорит об определенной «антигедонистической толерантности» в современном обществе: «нашей почти бессознательной способности приспосабливаться к воздействию технологических изменений и к тому, как они часто умаляют чувственное наслаждение и одновременно лишают нас ощущения того, что мы, возможно, потеряли или теряем в процессе» (Soper, 2008: 579).

5. См. <http://www.slowfood.com/>.

Глава 7

1. Базовый доход также иногда называют зарплатой гражданина, гарантированным доходом, социальным дивидендом, универсальным грантом, демогрантом и рядом других названий. Читателям, желающим узнать больше, стоит начать с Сети базового дохода Земли - международной коалиции, выступающей за продвижение базового дохода. Ее веб-сайт находится по адресу: www.basicincome.org.

2. Следующее предложение взято прямо из официального программного заявления Партии зеленых Великобритании: «Будет введен доход гражданина, достаточный для удовлетворения основных потребностей человека, который заменит не облагаемые налогом пособия и большинство социальных выплат. Доход гражданина - это безусловный, не подлежащий изъятию доход, выплачиваемый каждому человеку по праву гражданина. Он не будет подлежать проверке на благонадежность, и от человека не потребуются быть работающим или активно ищущим работу... Доход гражданина устранил ловушки безработицы и бедности, а также станет защитной сеткой, позволяющей людям самим выбирать тип и характер работы. Таким образом, схема «Гражданского дохода» позволит государству всеобщего благосостояния развиваться в направлении сообщества всеобщего благосостояния, вовлекая людей в личностно удовлетворяющую и социально полезную работу» (Green Party, 2014b).

Библиография

- Adorno, T. (2001) 'Free Time', in T. Adorno, *The Culture Industry*, London: Routledge. (Original work published 1977.)
- Adorno, T. (2005) *Minima Moralia: Reflections from a Damaged Life*, London, Brooklyn: Verso. (Original work published 1951.)
- Anthony, P. D. (1977) *The Ideology of Work*, London, New York: Tavistock Publications.
- Arendt, H. (1998) *The Human Condition*, Chicago: University of Chicago Press. (Original work published 1958.) <http://dx.doi.org/10.7208/chicago/9780226924571.001.0001>
- Bains, G. (2007) *Meaning Inc. The Blueprint for Business Success in the 21st Century*, London: Profile Books.
- Baker, D., K. North and The ALSPAC Study Team (1999) 'Does Employment Improve the Health of Lone Mothers?', *Social Science & Medicine*, 49, 1, pp 121–131. [http://dx.doi.org/10.1016/S0277-9536\(99\)00104-5](http://dx.doi.org/10.1016/S0277-9536(99)00104-5)
- Bauman, Z. (2000) *Liquid Modernity*, Cambridge: Polity.
- Bauman, Z. (2001) 'Consuming Life', *Journal of Consumer Culture*, 1, 1, pp 9–29. <http://dx.doi.org/10.1177/146954050100100102>
- Bauman, Z. (2005) *Work, Consumerism and the New Poor*, Maidenhead: Open University Press.
- Baumberg, B., K. Bell and D. Gaffney (2012) *Benefits Stigma in Britain*, London: Elizabeth Finn Care / Turn2Us.
- BBC News (2012) 'Scottish Graduates Told to Dumb Down CVs', 27 July (available at: www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-19006651).
- BBC News (2013) 'Amazon Workers Face Increased Risk of Mental Illness', 25 November (available at: www.bbc.co.uk/news/business-25034598).
- Beck, U. (2000) *The Brave New World of Work*, Malden: Polity Press.
- Beder, S. (2000) *Selling the Work Ethic*, London: Zed Books.
- Beecher, J. (1986) *Charles Fourier: The Visionary and His World*, Berkeley, London: University of California Press.
- Bell, D. (1973) *The Coming Post-Industrial Age: A Venture in Social Forecasting*, London: Heinemann.
- Bell, D. (1976) *The Cultural Contradictions of Capitalism*, New York: Basic Books.
- Benach, J. and C. Muntaner (2007) 'Precarious Employment and Health: Developing a Research Agenda', *Journal of Epidemiology and Community Health*, 61, 4, pp 276–277. <http://dx.doi.org/10.1136/jech.2005.045237>
- Berardi, F. (2009) *The Soul at Work: From Alienation to Autonomy*, Los Angeles: Semiotext(e).
- Berger, P. and T. Luckmann (1967) *The Social Construction of Reality*, Harmondsworth: Penguin.

- Berger, P. and S. Pullberg (1966) 'Reification and the Sociological Critique of Consciousness', *New Left Review*, 35, pp 56–71.
- Berki, R. N. (1979) 'On the Nature and Origins of Marx's Concept of Labour', *Political Theory*, 7, 1, pp 35–56.
- Bies, R. J. and J. Moag (1986) 'Interactional Justice: Communication Criteria of Fairness', in R. J. Lewicki, B. H. Sheppard and M. H. Bazerman (eds) *Research on Negotiation in Organizations*, vol 1, pp 43–55. Greenwich, CT: JAI Press.
- Billig, M. (2013) *Learn to Write Badly: How to Succeed in the Social Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Black, B. (1986) *The Abolition of Work and Other Essays*, Port Townsend: Loompanics Unlimited.
- Blauner, R. (1964) *Alienation and Freedom: The Factory Worker and His Indus[1]try*, London: Pluto Press.
- Booth, W. (1989) 'Gone Fishing: Making Sense of Marx's Concept of Com[1]munism', *Political Theory*, 17, 2, pp 205–222. <http://dx.doi.org/10.1177/0090591789017002003>
- Bowles, S. and H. Gintis (1976) *Schooling in Capitalist America*, London: Routledge.
- Bowring, F. (1999) 'Job Scarcity: The Perverted Form of a Potential Blessing', *Sociology*, 33, 1, pp 69–84. <http://dx.doi.org/10.1177/S0038038599000048>
- Bowring, F. (2000a) *André Gorz and the Sartrean Legacy: Arguments for a Person-Centred Social Theory*, London: Macmillan. <http://dx.doi.org/10.1057/9780230288744>.
- Bowring, F. (2000b) 'Social Exclusion: Limitations of the Debate', *Critical Social Policy*, 20, 3, pp 307–330. <http://dx.doi.org/10.1177/026101830002000303>
- Bowring, F. (2011) 'Marx's Concept of Fettering: A Critical Review', *Critique: Journal of Socialist Theory*, 39, 1, pp 137–153. <http://dx.doi.org/10.1080/03017605.2011.537457>
- Bowring, F. (2012) 'Repressive Desublimation and Consumer Culture: Re-Evaluating Herbert Marcuse', *New Formations*, 75, 1, pp 8–24. <http://dx.doi.org/10.3898/NewF.75.01.2012>
- Braverman, H. (1974) *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*, New York, London: Monthly Review Press.
- Brennan, T. (2003) *Globalisation and Its Terrors: Daily Life in the West*, London, New York: Routledge.
- Brown, P. and A. Hesketh (2004) *The Mismanagement of Talent*, Oxford, New York: Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199269532.001.0001>
- Brown, P., H. Lauder and D. Ashton (2011) *The Global Auction: The Broken Promises of Education, Jobs and Incomes*, Oxford, New York: Oxford Uni[1]versity Press.
- Bunning, L. (2014) 'Higher Education and the Culture of Gratitude', *Times Higher Education website*, 7 August (available at: [www.timeshighereducation.co.uk/comment/opinion/higher-education-and-the-culture-of\[1\]gratitude/2014988.article](http://www.timeshighereducation.co.uk/comment/opinion/higher-education-and-the-culture-of[1]gratitude/2014988.article)).
- Cameron, D. (2010) 'Leader's Speech', Conservative Party Conference, Birmingham (available at: www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=214).
- Campbell, D. (2014) 'UK Needs Four-Day Week to Combat Stress, Says Top Doctor', *Guardian Online*, 1 July (available at: www.theguardian.com/society/2014/jul/01/uk-four-day-week-combat-stress-top-doctor).
- Cannon, D. (1994) *Generation X and the New Work Ethic*, London: Demos.

- Casey, C. (1995) *Work, Self and Society: After Industrialism*, London, New York: Routledge.
- Cederström, C. and Fleming P. (2012) *Dead Man Working*, Alresford: Zero Books.
- Cederström, C. and A. Spicer (2015) *The Wellness Syndrome*, Cambridge: Polity.
- Chertovskaya, E., P. Watt, S. Tramer and S. Spoelstra (2013) 'Giving Notice to Employability', *Ephemera*, 13, 4, pp 701–716.
- Citizens Advice Bureau (2013) *Punishing Poverty: A Review of Benefits Sanctions and Their Impact on Clients and Claimants*, Manchester: Manchester CAB Service.
- Cohen, S. and L. Taylor (1992) *Escape Attempts: The Theory and Practice of Resistance to Everyday Life*, London: Routledge.
- Cole, M. (2004) 'Unemployment and the Moral Regulation of Freedom'. PhD thesis, University of Bristol.
- Cole, M. (2007) 'Re-Thinking Unemployment: A Challenge to the Legacy of Jahoda et al', *Sociology*, 41, 6, pp 1,133–1,149. <http://dx.doi.org/10.1177/0038038507082319>
- Collinson, D. (1992) *Managing the Shop Floor: Subjectivity, Masculinity and Workplace Culture*. Berlin: de Gruyter. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110879162>
- Cook, K. E. (2012) 'Single Parents' Subjective Wellbeing Over the Welfare to Work Transition', *Social Policy and Society*, 11, 2, pp 143–155. <http://dx.doi.org/10.1017/S1474746411000546>
- Coote, A. and J. Franklin, eds (2013) *Time on Our Side: Why We All Need a Shorter Working Week*, London: New Economics Foundation.
- Coote, A., J. Franklin and A. Simms (2010) *21 Hours*, London: New Economics Foundation.
- Coote, A. and S. Lyall (2013) *Strivers v. Skivers: The Workless Are Worthless*, London: New Economics Foundation.
- Costea, B., K. Amiridis and N. Crump (2012) 'Graduate Employability and the Principle of Potentiality: An Aspect of the Ethics of HRM', *Journal of Business Ethics*, 111, 1, pp 25–36. <http://dx.doi.org/10.1007/s10551-012-1436-x>
- Coupland, D. (1991) *Generation X*, London: Abacus.
- Cremin, C. (2003) 'Self-Starters, Can-Doers and Mobile Phoneys: Situations Vacant Columns and the Personality Culture in Employment', *Sociological Review*, 51, 1, pp 109–128. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-954X.00410>
- Cremin, C. (2011) *Capitalism's New Clothes: Enterprise, Ethics and Enjoyment in Times of Crisis*, London: Pluto.
- Csikszentmihalyi, M. (1990) *Flow: The Psychology of Optimal Experience*, New York: Harper and Row.
- Dalla Costa, M. and S. James (1973) *The Power of Women and the Subversion of the Community*, Bristol: Falling Wall.
- De Geus, M. (2009) 'Sustainable Hedonism: The Pleasures of Living Within Environmental Limits', in K. Soper, M. Ryle and L. Thomas (eds) *The Politics and Pleasures of Consuming Differently*, pp 113–129. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.
- Department for Social Security (1998) *New Ambitions for Our Country: A New Contract for Welfare*, London: Department for Social Security.

Department for Work and Pensions (2013) *Improving Health and Work: Changing Lives*, London: Department for Work and Pensions.

Department of Health (2010) *Healthy Lives, Healthy People: Our Strategy for Public Health in England*, London: Department of Health.

Dittmar, H. (2007) 'The Costs of Consumer Culture and the "Cage Within": The Impact of the Material "Good Life" and "Body Perfect" Ideals on Individuals' Identity and Well Being', *Psychological Inquiry*, 18, 1, pp 23–31. <http://dx.doi.org/10.1080/10478400701389045>

Dooley, D. and R. Catalano (1988) 'Recent Research on the Psychological Effects of Unemployment', *Journal of Social Issues*, 44, 4, pp 1–12. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1540-4560.1988.tb02088.x>

Ehrenreich, B. (2002) *Nickel and Dimed: Undercover in Low-Wage USA*, London: Granta Books.

Elraz, H. (2013) 'The Sellable Semblance: Employability in the Context of Mental Illness', *Ephemeria*, 13, 4, pp 809–824.

Engels, F. (1987) *The Condition of the Working Class in England*, Stanford: Stanford University Press. (Original work published 1845.)

Featherstone, M. (1991) *Consumer Culture and Postmodernism*, London: SAGE.

Fernie, S. and D. Metcalf (2000) '(Not) Hanging on the Telephone: Payment Systems in the New Sweatshops', in D. Lewin and B. Kaufman (eds) *Advances in Industrial and Labour Relations*, Greenwich, CT: JAI Press.

Fevre, R. (2003) *The New Sociology of Economic Behaviour*, London: SAGE.

Fisher, M. (2009) *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* Alresford: Zero Books.

Fiske, J. (1989) *Reading the Popular*, London: Routledge.

Fleming, P., B. Harley and G. Sewell (2004) 'A Little Knowledge Is a Danger[1]ous Thing: Getting Below the Surface of the Growth of "Knowledge Work" in Australia', *Work, Employment and Society*, 18, 4, pp 725–747. <http://dx.doi.org/10.1177/0950017004047951>

Fleming, P. and A. Spicer (2003) 'Working at a Cynical Distance: Implications for Power, Subjectivity and Resistance', *Organization*, 10, 1, pp 157–179. <http://dx.doi.org/10.1177/1350508403010001376>

Fleming, P. and A. Spicer (2004) '"You Can Checkout Anytime, but You Can Never Leave": Spatial Boundaries in a High Commitment Organ[1]isation', *Human Relations*, 57, 1, pp 75–94. <http://dx.doi.org/10.1177/0018726704042715>

Fleming, P. and A. Sturdy (2011) '"Being Yourself" in the Electronic Sweat[1]shop: New Forms of Normative Control', *Human Relations*, 64, 2, pp 177–200. <http://dx.doi.org/10.1177/0018726710375481>

Franklin, K. (2013) *How Norms Become Targets: Investigating the Real Misery of 'Fit for Work' Assessments*, Centre for Welfare Reform (available at: www.centreforwelfarereform.org/library/type/pdfs/how-norms-become-targets.html).

Frayne, D. (forthcoming) 'Critiques of Work', in S. Edgell, H. Gottfried and E. Granter (eds) *The SAGE Handbook of the Sociology of Work and Employ[1]ment*, London: SAGE.

Fromm, E. (1979) *To Have or To Be?* London: Abacus.

Fryer, D. and S. McKenna (1987) 'The Laying Off of Hands: Unemployment and the Experience of Time', in S. Fineman (ed) *Unemployment: Personal and Social Consequences*, London: Tavistock.

Galbraith, J. K. (1958) *The Affluent Society*, London: Hamish Hamilton.

- Goffman, E. (1968) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, Harmondsworth: Penguin.
- Goffman, E. (1972) *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction*, London: Allen Lane.
- Gollain, F. (2004) *A Critique of Work: Between Ecology and Socialism*, London: International Institute for Environment and Development.
- Gorz, A. (1967) *Strategy for Labor*, Boston: Beacon Press.
- Gorz, A. (1980) *Ecology as Politics*, London: Pluto Press.
- Gorz, A. (1982) *Farewell to the Working Class*, London: Pluto Press.
- Gorz, A. (1985) *Paths to Paradise: On the Liberation from Work*, London: Pluto Press.
- Gorz, A., with R. Maischien and M. Jander (1986) 'Alienation, Freedom and Utopia: Interview with André Gorz', *Telos*, 70, pp 199–206. <http://dx.doi.org/10.3817/0386067199>
- Gorz, A. (1989) *Critique of Economic Reason*, London, New York: Verso.
- Gorz, A. (1999) *Reclaiming Work*, Cambridge: Polity Press.
- Gorz, A. (2010) *The Immaterial*, Calcutta: Seagull Books.
- Graeber, D. (2013) 'On the Phenomenon of Bullshit Jobs', *Strike! Magazine Online*, 17 August (available at: <http://.strikemag.org/bullshit-jobs/>).
- Granter, E. (2009) *Critical Social Theory and the End of Work: Rethinking Classical Sociology*, Farnham: Ashgate.
- Green Party (2014a) 'How many of us would like to work shorter hours, spend more time with the family, more time in self advancement? The answer is most of us', Wales Green Party website. (Available at: wales.greenparty.org.uk/news.html/2014/09/22/luddite-at-the-end-of-the-tunnel/.)
- Green Party (2014b) 'Workers' rights and employment', Green Party website. (Available at: <http://policy.greenparty.org.uk/wr.html>.)
- Gregg, M. (2011) *Work's Intimacy*, Cambridge: Polity.
- Haiven, M. and A. Khasnabish (2014) *The Radical Imagination*, London: Zed Books.
- Harvey, D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Hayden, A. (1999) *Sharing the Work, Sparing the Planet*, London: Zed Books.
- Hayden, A. (2013) 'Patterns and Purpose of Work-Time Reduction: A Cross-National Comparison', in A. Coote and J. Franklin (eds) *Time On Our Side: Why We All Need a Shorter Working Week*, pp 125–142. London: New Economics Foundation.
- Hochschild, A. (1983) *The Managed Heart: Commercialisation of Human Feelings*, Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
- Hochschild, A. (1990) *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*, London: Piatkus.
- Hochschild, A. (2012) *The Outsourced Self*, New York: Picador.
- Hodgkinson, T. (2004) *How To Be Idle*, London: Hamish Hamilton.
- Holehouse, M. (2012) 'Iain Duncan Smith: It's Better to Be a Shelf Stacker Than a Job Snob', *Telegraph Online*, 21 February (available at: www.telegraph.co.uk/news/politics/9095050/Iain-Duncan-Smith-its-better-to-be-a-shelf-stacker-than-a-job-snob.html).
- Honneth, A. (1995) *The Struggle for Recognition*, Oxford, Cambridge: Blackwell.
- Honoré, C. (2004) *In Praise of Slowness*, New York: Harper Collins.
- Horkheimer, M. (1974) *Critique of Instrumental Reason*, New York: Continuum.

- HR Review (2014) 'Most Graduates Happy to Take on Unpaid Internships, Even With No Job Guarantee', HR Review website, 30 July (available at: [www.hrreview.co.uk/hr-news/1-d-news/graduates-happy-to-take-on-unpaid\[1\]internships/52291](http://www.hrreview.co.uk/hr-news/1-d-news/graduates-happy-to-take-on-unpaid[1]internships/52291)).
- HSE (2014) 'Health and Safety Statistics: Annual Report for Great Britain' (available at: www.hse.gov.uk/statistics/overall/hssh1314.pdf).
- Huffington Post (2013) 'Benefit Reforms Are Putting Fairness Back at the Heart of Britain', 6 April (available at: [www.huffingtonpost.co.uk/2013/04/06/benefit-reforms-
cameron-welfare-_n_3029737.html](http://www.huffingtonpost.co.uk/2013/04/06/benefit-reforms-cameron-welfare-_n_3029737.html)).
- Humphery, K. (2010) *Excess: Anti-Consumerism in the West*, Cambridge: Polity.
- Hunnicut, B. (1988) *Work Without End*, Philadelphia: Temple University Press.
- Illich, I. (1978) *The Right to Useful Unemployment*, London, Boston: Marion Boyars.
- Iyengar, S. and M. Lepper (2000) 'When Choice Is Demotivating: Can One Desire Too Much of a Good Thing?', *Journal of Personality and Social Psychology*, 79, 6, pp 995–1,006. <http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.79.6.995>
- Jackson, T. (2009) *Prosperity Without Growth: Economics for a Finite Planet*, London, New York: Earthscan.
- Jahoda, M. (1982) *Employment and Unemployment: A Social-Psychological Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Jahoda, M., P. F. Lazarsfeld and H. Ziesel (1972) *Marienthal: The Sociography of an Unemployed Community*, London: Tavistock. (Original work published 1933.)
- Jowitt, J. (2013) 'Strivers v. Shirkers: The Language of the Welfare Debate', *Guardian Online*, 8 January (available at: [www.theguardian.com/politics/2013/jan/08/strivers-
shirkers-language-welfare](http://www.theguardian.com/politics/2013/jan/08/strivers-shirkers-language-welfare)).
- July, M. and H. Fletcher (2007) *Learning to Love You More*, London, New York: Prestel.
- Kelley, R. (1994) *Race Rebels: Culture, Politics and the Black Working Class*, New York: Free Press.
- Kelvin, P. and J. Jarrett (1985) *Unemployment: Its Social Psychological Effects*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kerr, W. (1966) *The Decline of Pleasure*, New York: Simon and Schuster.
- Kettering, C. (1929) 'Keep the Consumer Dissatisfied', *Nation's Business*, 16, p 31.
- Keynes, J. M. (1932) *Essays in Persuasion*, New York: Harcourt Brace.
- Lafargue, P. (1975) *The Right To Be Lazy*, Chicago: Charles H. Kerr. (Original work published 1883.)
- Lane, R. (2000) *The Loss of Happiness in Market Democracies*, London, New Haven: Yale University Press.
- Law, A. (1994) 'How to Ride the Wave of Change', *Admap*, January
- Leader, D. and D. Corfield (2007) *Why Do People Get Ill?* London: Penguin.
- Lefkowitz, B. (1979) *Breaktime: Living Without Work in a Nine to Five World*, New York: Hawthorn.
- Lepore, M. (2012) 'I Have Never Taken a Vacation Because of My Job', *The Grindstone* (available at: [www.thegrindstone.com/2012/03/29/work-life-balance/people-who-have-
never-taken-a-vacation-579/2/](http://www.thegrindstone.com/2012/03/29/work-life-balance/people-who-have-never-taken-a-vacation-579/2/)).
- Levitas, R. (1990) *The Concept of Utopia*, Oxford: Peter Lang.
- Lewis, J. (2013) *Beyond Consumer Capitalism*, Cambridge: Polity.

- Linder, S. (1970) *The Harried Leisure Class*, New York, London: Columbia University Press.
- Lodziak, C. (2002) *The Myth of Consumerism*, London: Pluto.
- Lodziak, C. and J. Tatman (1997) *André Gorz: A Critical Introduction*, London, Chicago: Pluto.
- MacInnes, T., H. Aldridge, S. Busche, et al. (2013) *Monitoring Poverty and Social Exclusion 2013*, York: Joseph Rowntree Foundation.
- Marcuse, H. (1998) *Eros and Civilisation*, London: Routledge. (Original work published 1956.)
- Marcuse, H. (2002) *One-Dimensional Man*, New York: Routledge. (Original work published 1964.)
- Markova, E. and S. McKay (2008) *Agency and Migrant Workers: Literature Review*, London: TUC Commission on Vulnerable Employment.
- Marx, K. (1906) *Capital*, Chicago: Charles H. Kerr and Co. (Original work published 1867.)
- Marx, K. (1959) *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844*, Moscow: Foreign Language Publishing House. (Original work published 1844.)
- Marx, K. (1970) *The German Ideology*, London: Lawrence and Wishart. (Original work published 1845.)
- Marx, K. (1972) *Grundrisse*, London: Macmillan. (Original work published 1939.)
- Marx, K. (1981) *Capital*, vol 3, Harmondsworth: Penguin. (Original work published 1894.)
- Mead, G. H. (1962) *Mind, Self and Society*, London: University of Chicago Press. (Original work published 1934.)
- Merton, R. (1938) 'Social Structure and Anomie', *American Sociological Review*, 3, 5, pp 672–682. <http://dx.doi.org/10.2307/2084686>
- Mills, C. W. (1956) *White Collar*, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Mills, C. W. (1959) *The Sociological Imagination*, New York: Oxford University Press.
- Minton, A. (2009) *Ground Control: Fear and Happiness in the Twenty-First Century City*, London: Penguin.
- Moir, J. (2012) 'A Human Right Not to Stack Shelves? She's Off Her Trolley', *Daily Mail Online*, 13 January (available at: www.dailymail.co.uk/debate/article-2086000/Cait-Reilly-Human-right-stack-shelves-Poundland-ShesOffHerTrolley.html).
- More, T. (1962) *Utopia*, London: Dent. (Original work published 1516.)
- Morris, W. (1983) 'Useful Work Versus Useless Toil', in V. Richards (ed) *Why Work? Arguments for the Leisure Society*, pp 35–52. London: Freedom Press.
- Nolan, J., I. Wichert and B. Burchell (2000) 'Job Insecurity, Psychological Well-Being and Family Life', in E. Heery and J. Salmon (eds) *The Insecure Workforce*, pp 181–209. London: Routledge.
- Nussbaum, M. (2010) *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities*, Princeton: Princeton University Press.
- O'Mahoney, H. (2014) 'Volunteer Sea Turtle Preservation as a Hybridisation of Work and Leisure: Recombining Sense-Making and Re-Visioning the Good Life in Volunteer Tourism', PhD thesis, Cardiff University.
- Offe, C. (1985) *Disorganised Capitalism*, Cambridge: Polity.

- Ollman, B. (1971) *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*, London, New York: Cambridge University Press.
- Packard, V. (1957) *The Hidden Persuaders*, Harmondsworth: Penguin.
- Perlin, R. (2012) *Intern Nation: How to Earn Nothing and Learn Little in the Brave New Economy*, London: Verso.
- Pirsig, R. M. (1974) *Zen and the Art of Motorcycle Maintenance*, London: Vintage.
- Ransome, P. (1995) *Job Security and Social Stability: The Impact of Mass Unemployment on Expectations of Work*, Aldershot: Avebury.
- Rifkin, J. (2000) *The End of Work: The Decline of the Global Work-Force and the Dawn of a Post-Market Era*, London: Penguin.
- Russell, B. (1918) *Proposed Roads to Freedom*, New York: Blue Ribbon Books.
- Russell, B. (2004a) *In Praise of Idleness*, Abingdon, New York: Routledge. (Original work published 1935.)
- Russell, B. (2004b) 'Education and Discipline', in B. Russell (ed) *In Praise of Idleness*, pp 141–147. Abingdon, New York: Routledge. (Original work published 1935.)
- Russell, B. (2004c) 'In Praise of Idleness' in B. Russell (ed) *In Praise of Idleness*, pp 1–15. Abingdon, New York: Routledge.
- Russell, B. (2004d) "Useless" Knowledge', in B. Russell (ed) *In Praise of Idleness*, pp 16–27. Abingdon, New York: Routledge. (Original work published 1935.)
- Russell, B. (2006) *The Conquest of Happiness*, Abingdon: Routledge. (Original work published 1930.)
- Ryle, M. and K. Soper (2002) *To Relish the Sublime? Culture and Self-Realisation in Postmodern Times*, London, New York: Verso.
- Salecl, R. (2011) *The Tyranny of Choice*, London: Profile Books.
- Schor, J. (1998) *The Overspent American*, New York: Harper Perennial.
- Schwartz, B. (2004) *The Paradox of Choice: Why More Is Less*, New York: Harper Collins.
- Sen, A. (1999) *Development as Freedom*, Oxford, New York: Oxford University Press.
- Sennett, R. (1998) *The Corrosion of Character: The Consequences of Work in the New Capitalism*, New York: Norton.
- Shipman, T. (2011) 'State Workers Get Paid 7.5% More Than Private Sector Staff', Daily Mail Online, 1 December (available at: www.dailymail.co.uk/news/article-2068378/State-workers-paid-7-5-private-sector-staff.html).
- Shorthose, J. (2004) 'Like Summer and Good Sex? The Limitations of the Work Life Balance Campaign', *Capital and Class*, 82, pp 1–8.
- Silverman, R. (2013) 'Desperate 1,701 Fight for Eight Costa Jobs', Telegraph Online, 19 February 2013 (available at: www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/retailandconsumer/9881606/Desperate-1701-fight-for-eightCosta-jobs.html).
- Soper, K. (1999) 'Despairing of Happiness: The Redeeming Dialectic of Critical Theory', *New Formations*, 38, pp 141–153.
- Soper, K. (2007) 'The Other Pleasures of Post-Consumerism', *Soundings*, 35, pp 31–40.
- Soper, K. (2008) 'Alternative Hedonism, Cultural Theory and the Role of Aesthetic Revisionsing', *Cultural Studies*, 22, 5, pp 567–587. <http://dx.doi.org/10.1080/09502380802245829>
- Soper, K. (2013) 'The Dialectics of Progress: Irish "Belatedness" and the Politics of Prosperity', *Ephemera*, 13, pp 249–267.
- Southwood, I. (2011) *Non-Stop Inertia*, Alresford: Zero Books.

- Stiglitz, J., A. Sen and J. P. Fitoussi (2010) *Mis-Measuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up*, New York: The New Press.
- Taylor, P. and P. Bain (1999) '“An Assembly-Line in the Head”: Work and Employee Relations in the Call Centre', *Industrial Relations Journal*, 30, 2, pp 101–117. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2338.00113>
- Terkel, S. (2004) *Working*, New York, London: The New Press. (Original work published 1972.)
- Thompson, E. P. (1967) 'Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism', *Past & Present*, 38, 1, pp 56–97. <http://dx.doi.org/10.1093/past/38.1.56>
- Thompson, E. P. (1976) 'Romanticism, Moralism and Utopianism: The Case of William Morris', *New Left Review*, 99, pp 83–111.
- Thompson, P., C. Warhurst and G. Callaghan (2001) 'Ignorant Theory and Knowledgeable Workers: Interrogating the Connections Between Knowledge, Skills and Services', *Journal of Management Studies*, 38, 7, pp 923–942. <http://dx.doi.org/10.1111/1467-6486.00266>
- Thoreau, H. (1962) 'Life Without Principle', in H. Thoreau, *Walden and Other Writings*, edited by J. Krutch, New York: Bantam Books.
- Toynbee, P. (2003) *Hard Work: Life in Low-Pay Britain*, London: Bloomsbury.
- Trade Union Congress (2013) '“Total” Unemployment in the UK is Nearly Five Million – Almost Double the Official Figures', 5 September (available at: www.tuc.org.uk/economic-issues/economic-analysis/labour-market/%E2%80%98total-unemployment-uk-nearly-five-million-%E2%80%93-almost).
- Trade Union Congress (2015) 'Workers Contribute £32bn to UK Economy from Unpaid Overtime', 27 February (available at: www.tuc.org.uk/economic-issues/labour-market/fair-pay-fortnight-2015/workplace-issues/workers-contribute-%C2%A332bn-uk).
- Turn2Us (2012) *Read Between the Line: Confronting the Myths About the Benefits System*. London: Elizabeth Finn Care / Turn2Us.
- Tyler, I. (2013) *Revolting Subjects: Social Abjection and Resistance in Neoliberal Britain*, London, New York: Zed Books.
- Waters, L. E. and K. A. Moore (2002) 'Reducing Latent Deprivation during Unemployment: The Role of Meaningful Leisure Activity', *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 75, 1, pp 15–32. <http://dx.doi.org/10.1348/096317902167621>
- Weber, M. (2002) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, New York: Charles Scribner's Sons. (Originally published in 1904; first published in English in 1930.)
- Weeks, K. (2011) *The Problem with Work*, Durham, NC, London: Duke University Press. <http://dx.doi.org/10.1215/9780822394723>.
- Weller, S. (2012) 'Financial Stress and the Long-Term Outcomes of Job Loss', *Work, Employment and Society*, 26, 1, pp 10–25. <http://dx.doi.org/10.1177/0950017011426307>
- Whiteside, N. (1991) *Bad Times: Unemployment in British Social and Political History*, London: Faber and Faber.
- Widerquist, K., J. A. Noguera, Y. Vanderborght and J. De Wispelaere, eds (2013) *Basic Income: An Anthology of Contemporary Research*, Chichester: Wiley-Blackwell.
- Willis, P. (1991) *The Common Culture: Symbolic Work at Play in the Everyday Cultures of the Young*, Milton Keynes: Open University Press.

Withnall, A. (2014) 'Sweden to trial six hour public sector workday', Independent Online, 9 April (available at: www.independent.co.uk/news/world/europe/sweden-to-trial-sixhour-public-sector-workday-9248009.html).

Wright, E. O. (2010) *Envisioning Real Utopias*, London, New York: Verso.

Wright, S. (2002) *Storming Heaven: Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*, London: Pluto Press.

Zawadzki, S. and P. Lazarsfeld (1935) 'The Psychological Consequences of Unemployment', *Journal of Social Psychology*, 6, 2, pp 224–251. <http://dx.doi.org/10.1080/00224545.1935.9921639>

Zukin, S. (1995) *The Cultures of Cities*, Cambridge: Blackwell.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Дэвид Фрейн
Отказ от работы: теория и практика сопротивления работе
Скопировано 30.09.2024 с https://teletype.in/@antitrud_ru/refusal_of_work
ru.anarchistlibraries.net